

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

KI 1307038

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ДИАМАНТ
ЗОЛОТОЙ ВЕК
2000

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗАРЕЮ ЖИЗНИ

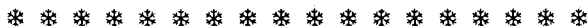
Зарею жизни я светом грезил,
Всемирным счастьем и вечным днем!
Я был так пылок, так смел, так весел,
Глаза горели мои огнем.

Мир рисовался — прекрасен, дивен.
Прожить, казалось, я мог шутя...
Зарею жизни я был наивен,
Зарею жизни я был дитя!

Закатом жизни порывы стихли,
Иссякли силы и жар погас.
Мне жаль сердечно, не знаю — их ли,
Погибшей грезы ль, но — близок час.

Он, ироничный, пробьет бесстрастно,
Я улечусь, тоской объят...
Зарею жизни — всё в жизни ясно!
Закатом жизни — всему закат!

1907

СТАНСЫ

Счастье жизни — в искрах алых,
В просветленьях мимолетных,
В грезах ярких, но бесплотных,
И в твоих очах усталых.

Горе — в вечности пороков,
В постоянном с ними споре,
В осмеянии пророков
И в исканьях счастья — горе.

1907

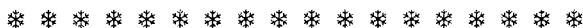
ЗВЕЗДЫ

Бессонной ночью с шампанским чаши
Мы поднимали и пели тосты
За жизни счастье, за счастье наше.
Сияли звезды.

Вино шипело, вино играло.
Пылали взоры и были жарки.
«Идеи наши, — ты вдруг сказала, —
Как звезды — яркие!»

Полились слезы, восторга слезы...
Минуты счастья! Я вижу вас ли?
Запело утро. Сверкнули грезы.
А звезды... гасли.

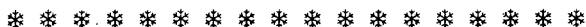
1907

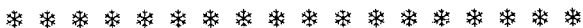
СЕРЕНАДА

Хоровод рифм

Как сладко дышится
В вечернем воздухе,
Когда колышутся
В нем нежных роз духи!
Как высь оранжева!
Как даль лазорева!
Забудьте горе Вы,
Придите раньше Вы,
Над чистым озером
В кустах акации
Я стану грез пером
Писать варьяции
И петь элегии,
Романсы пыльные.
Без Вас — как в ссылке я.
При Вас же — в неге я.
Чего ж вы медлите
В румянце золота?
Иль страсть исполота,
Слова — не бред ли те?
Луны луч палевый
Пробрался. Перепел

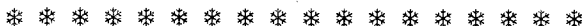

В листве эмалевой
Росу всю перепил.
С тоской сердечною
Отдамся музе я,
Со мной иллюзии,
Вы, мифы вечные.
Как нервно молнии
Сверкают змеями.
Пойду аллеями,
Поеду в чёлне я
По волнам озера
Топить бессилие...
Как жизнь без роз сера!
О если б крылия!
Орлом по сини я
Поплыл чудесною
Мечтой, уныние
Проклявши тесное.
Но лживы роз духи, —
Мои иллюзии,
Души контузии —
Больней на воздухе.
Высь стала сумрачна,
Даль фиолетова,
И вот от этого
Душа от дум мрачна.

Всё тише в пульсе я
Считаю маятник,
В груди конвульсии,
И счастьем — памятник!

1907

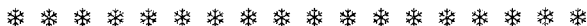
А ЗНАЕШЬ КРАЙ?

*Ты знаешь край, где всё
обильем дышит?*

Гр. А. К. Толстой

...А знаешь край, где хижины убоги,
Где голод шлет людей на тяжкий грех,
Где вечно скорбь, где лица вечно строги,
Где отзвучал давно здоровый смех,
И где ни школ, ни доктора, ни книги,
Но где — вино, убийство и... вериги?..

1907

ПОЭТУ

Лишь гении доступны для толпы!
Но ведь не все же гении — поэты?!
Не изменяй намеченной тропы
И помни: кто, зачем и где ты.

Не пой толпе! Ни для кого не пой!
Для песни пой, не размышляя — кстати ль!..
Пусть песнь твоя — мгновенья звук пустой,—
Поверь, найдется почитатель.

Пусть индивидуума клеймит толпа:
Она груба, дика, она — невежда.
Не лести же ей: лесть — счастье для раба,
А у тебя — в цари надежда...

1907

У К. М. ФОФАНОВА

(Один из вечеров у поэта)

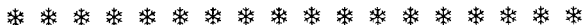
Мигая, лампа освещала,
Как ландыш, чистые листы.
Лицо поэта озаряла
Улыбка ласковой мечты.

Я, углубляясь в воплощенья
Его измученной души,
Слышал, как сердце в упоенье
Мне пело: «Стихи... не дыши...»

С мира́жем в вдохновенном взгляде
Я аромат элегий пил.
Дышало маем от тетради,
Сиренью пахло от чернил!

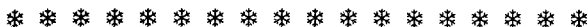
Как много разных ощущений
Я в этот вечер воспринял:
Страданий, бодрости, стремлений,
Поверив снова в идеал.

1307038

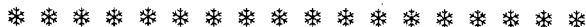
И в пору зимнюю пахнуло
На нас вдруг раннею весной.
Поэт молчал, жена вздохнула,
Тоскливо пробил час ночной.

1907

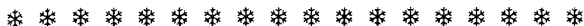
ГАТЧИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА

Неумолчный шум плотины;
Пена с зеленью в отлив;
Камни — в ласке теплой тины;
Ива, жмущаяся к иве;
Государя домик низкий —
Пункт во дни его охоты —
Спит у быстрой речки близкой,
Мрачно хмурясь отчего-то;
Историческое зданье
Над рекой стоит убого;
Зданье знатно по преданью,
Стариною зданье строго.
Спеет в холоде кротекус —
Диссонанс унынья фону;
Добродушно смотрит Термос,
Встав на ржавую колонну.
Не в сверкающем чертоге
Он поставлен, — у плотины
На проселочной дороге,
Встарь, во дни Екатерины;
Вея прошлым, бюст чугунный
Выделяется в ракетах;
Он причудлив ночью лунной
В ветвях, инеем повитых.

В старой мельнице колеса
Воду пенят равнодушно.
Здесь рождаются вопросы,
В голове теснятся дружно.
Здесь, где всё так элегично,
Так пустынно, одичало,
Мысль с природой гармонична,
И для отдыха — причалы;
Здесь, где веяньем культуры
Не всколышены ракиты,
Где избушки дремлют, хмуры,
Здесь идеи не убиты.
Приходи, усталый духом
Брат, изверившийся в счастье,
И лови здесь чутким слухом
В шуме вод слова участия;
Приходи, ослабший верой
В солнце, в утренние зори,
Приходи и вникни в серый
Колорит — целитель горя.
Исцелишься от кручины,
Наберешься сил счастливых
Под глубокий шум плотины,
Под напевы ив тоскливых.

- 1907

ЧТО ВИДЕЛИ ПТИЦЫ...

Чайка летела над пасмурным морем,
Чайка смотрела на хмурые волны:
Трупы качались на них, словно челны,
Трупы стремившихся к утру и зорям.

Коршун кричал над кровавой равниной,
Коршун смотрел на кровавые лужи:
Видел в крови замерзавших от стужи,
Трупы стремившихся к цели единой.

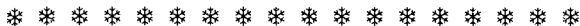
Каркая, горя вешунья — ворона
Села на куполе сельского храма.
Теплые трупы погибших без срама —
Памятник «доблестных» дел эскадрона.

1907

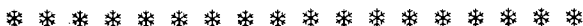
МОЯ МЕЧТА

Моя мечта — моряк-скиталец...
Вспеняя бурный океан,
Не раз причаливал страдалец
Ко пристаням волшебных стран.
Не раз чарующие взоры
Сулили счастье моряку,
Но волн изменчивые горы
Вновь к океану-старика
Руль направляли у голландца,
И с мстостью тайною в глазах
Пускался он в морские танцы
На сумасшедших парусах.
Стремился он победоносно,
Своим безумьем смел и горд,
И, прорезая волны грозно,
Вплывал в разбуженный фиорд.
Еще встревоженные волны
Грозили смертью рыбакам,
Еще испуганные челны
Стремились в страхе к берегам,
Еще, как дьявольские трубы,
В горах не замерли гудки,—
А он, смеясь над сушей грубо,
В порыве злобы и тоски,

В своем отчаяньи скитанья
И без надежды в якоря,
Спешил на новые страданья,
Стремился в новые моря.
Пусть мне грозит небесный палец,
Но дерзновенно я почту
Мечту — как он, моряк-скиталец, —
Мою гонимую мечту!

10 августа 1908

СОНЕТ

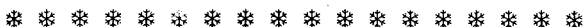
Я полюбил ее зимою
И розы сеял на снегу
Под чернолесья бахромою
На запустелом берегу.

Луна полярная, над тьмою
Всходя, гнала седую мгу,
Встречаясь с ведьмою хромою,
Поднявшей снежную пургу.

И, слушая, как стонет вьюга,
Дрожала бедная подруга,
Как беззащитная газель;

И слушал я, исполнен гнева,
Как выла злобная метель
О смерти зимнего посева.

Август 1908

СОНЕТ

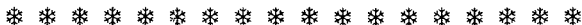
Пейзаж ее лица, исполненный так живо
Вибрацией весны влюбленных душ и тел,
Я для грядущего запечатлеть хотел:
Она была восторженно красива.

Живой душистый шелк кос лунного отлива
Художник передать бумаге не сумел.
И только взор ее, мерцавший так тоскливо,
С удвоенной тоской, казалось, заблестел.

И странно: сделалось мне больно при портрете,
Как больно не было давно уже, давно.
И мне почудился в унылом кабинете

Печальный взор ее, направленный в окно.
Велик укор его, и ряд тысячелетий
Душе моей в тоске скитаться суждено.

Август 1908

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ

...То ненависть пытается любить
Или любовь хотела б ненавидеть?..
Минувшее я жажду возвратить,
Но, возвратив, боюсь его обидеть,
Боюсь его возвратом оскорбить.

Святыни нет для сердца святотатца,
Как доброты у смерти... Заклеймен
Я совестью, и мне ли зла бояться,
Поправшему любви своей закон!

Но грешники — безгрешны покаяньем,
Вернуть любовь — прощение вернуть.
Но как боюсь я сердце обмануть
Своим туманно-призрачным желаньем:

Не месть ли то? Не зависть ли? Сгубить
Себя легко, и свет небес не видеть...
Что ж это: зло старается любить
Или любовь мечтает ненавидеть?..

23 сентября 1908

ШУТКА

Я помню: день смеялся блеском
Июльских солнечных лучей.
Форель заигрывала плеском,
Как дева — ласкою очей.

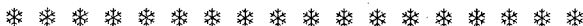
Лес щебетал в расцветшем гуле,
И вот пришли ко мне певцы, —
Они запели об июле,
И песнь неслась во все концы.

Своею песней разукрасив
Плотину, мельницу и парк,
Уехал милый Афанасьев
Из-под ветвей зеленых арк.

И вслед за ним, вечерним часом,
Под звуки гимна моего,
Ушел отмеченный Парнасом
Мой незабвенный Комифо.*

Октябрь 1908

* Псевдоним Фофанова.

ВАРИАЦИЯ

Весна — и гул, и блеск, и аромат...
Зачем мороз снежинки посыпает?
Наряд весны неожиданной стужей смят,
А сад еще весной благоухает!..

Но солнце вновь дробит лучистый звон
И лед в лучах певучих растопляет —
Опять весна взошла на пышный трон,
И снова сад весной благоухает!

Ноябрь 1908

NOCTURNE *

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши...
Всё — душа, и ни души.

Всё — мечта, всё — божество,
Вечной тайны волшебство,
Вечной жизни торжество.

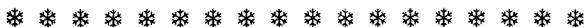
Лес — как сказочный камыш,
А камыш — как лес-малыш.
Тишь — как жизнь, и жизнь — как тишь.

Колыхается туман —
Как мечты моей обман,
Как минувшего роман...

Как душиста, хороша
Белых яблонь порошá...
Ни души, и всё — душа!

Декабрь 1908

* Ноктюри (фр.).

НОКТЮРН

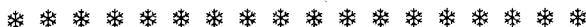
Бледнел померанцевый запад,
В горах голубели туманы,
И гибко, и цепко сплетались
В объятьях над вами лианы.

Сквозь кружева листьев ажурных
Всплывали дворцов арабески,
Смеялись алмазы каскадов
Под их пробужденные плески.

Вам слышался говор природы,
Призывы мечтательных веток,
И вы восхищались пляской
Стрекоз, грациозных кокеток.

Растенья дышали душисто
Вечерним своим ароматом,
И птицы, блаженствуя, пели —
Как вы, восхищаясь закатом.

Весь мир оживал при закате
По странной какой-то причуде...
И было так странно, так дивно
Вам, жалкие темные люди!

И было вам всё это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили... проснуться,
Боясь пробужденья иного...

1908

НАДРУБЛЕННАЯ СИРЕНЬ

Проснулся хутор.
Весенний гутор
Ворвался в окна... Пробуждены,
Запели — юны —
У лиры струны,
И распустилась сирень весны.
Запахло сеном.
И с зимним пленом
Земля простилась... Но — что за сны?..
Согнулись грабли...
Сверкнули сабли
И надрубили сирень весны!..

1908

СОNET

Я коронуюсь утром мая
Под юным солнечным лучом.
Весна, пришедшая из рая,
Чело украсит мне венцом.

Жасмин, ромашки, незабудки,
Фиалки, ландыши, сирень
Жизнь отдадут — цветы так чутки! —
Мне для венца в счастливый день.

Придет поэт, с неправдой воин,
И скажет мне: «Ты быть достоин
Моим наследником; хитон,

Порфиру, скипетр — я, взволнован,
Даю тебе... Взойди на трон,
Благословен и коронован».

1908

NOCTURNE

Сон лелея, лиловеет запад дня.
Снова сердце для рассудка западня.

Только вспомню о тебе — к тебе влечет.
Знаешь мысли ты мои наперечет.

И хочу иль не хочу — к тебе без слов
Я иду... А запад грустен и лилов.

1908

ПОЭЗА О НЕЗАБУДКАХ

Сонет

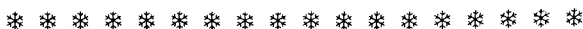
Поет июнь, и песни этой зной
Палит мне грудь, и грезы, и рассудок,
Я изнемог и жажду незабудок,
Детей канав, что грезят под луной

Иным цветком, иною стороной.
Я их хочу: сирени запах жуток,
Он грудь пьянит несбыточной весной;
Я их хочу: их взор лазурный чуток

И аромат целебен, как простор.
Как я люблю участливый их взор!
Стыдливые, как томны ваши чары...

Нарвите мне смеющийся букет, —
В нем будет то, чего в сирени нет,
А ты, сирень, увянь в тоске нектара.

1908

ВЕШНИЙ ЗВОН

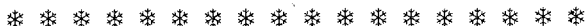
Триолеты

1

Идет весна, поет весна,
Умы дыханьем кружит.
Природа вмиг пробуждена!
Звенит весна! Шумит весна!
Весной никто не тужит!
Весною радость всем дана!
Живет весна — живит весна.
Весь мир дыханьем кружит!

2

Бегут ручьи, бурлят ручьи!
Играют, пляшут воды!
Купает солнце в них лучи!
Спешат, шумят, бурлят ручьи,
Как радостные годы.
И под лучами, как мечи,
Лед рубят бешено ручьи,
Ревут, бушуют воды!

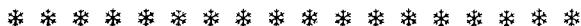
3

Чаруют, трелят соловьи,
Плывут струй сирени...
Тревожит душу зов любви,
Сирень, весна и соловьи...
Мечты о страстном плене...
Нет сна... Желание в крови...
Она — в мечтах... Ах, соловьи!
Ах, томный бред сирени!

4

Вокруг — всё жизнь, любовь и свет,
Веселье, смех и розы!
Поет восторженно поэт
Весну, любовь, и жизнь, и свет,
Живительные грезы,
И то поет, чего и нет!..
Простим ему — так весел свет,
Так мелодичны розы!..

1908

ИГОРЬ И ЯРОСЛАВНА

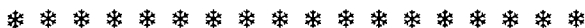
То было, может быть, давно,
А может быть, совсем недавно.
Ты, опираясь на окно,
Ждала меня, как Ярославна.

А я, как Игорь, что в полон
Был взят ордою половецкой,
Томился, звал, — и Аполлон
Манил меня улыбкой детской.

Не мог препятствия кандал
Я сбросить, пылу чувств в угоду,
И я страдал, и я рыдал,
Моля судьбу вернуть свободу.

Мне улыбнулся как-то день, —
И я бежал к тебе бесславно.
Ты шла по саду, точно тень,
Грустна, верна, как Ярославна.

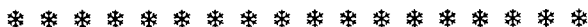
Была задумчивая ночь
Погружена в свои загадки...
Ты шла спокойно, без оглядки,
Я — за тобой, но вскоре — прочь:

Раз не почувствовала ты
Своей душой, чутьем прихода
Того, кто близок, — что мечты!
Что упоенье! Что свобода!..

И я ушел... В душе темно...
А ты всё ждешь, как Ярославна...
То было, может быть, давно,
Но может быть, совсем недавно.

Январь 1909

АКВАРЕЛЬ

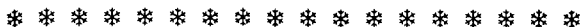
Волна, жгучее побережье

Бежит, дрожит на жгучем побережье
Волна, полна пленительных былин.
Везде песок, на нем следы медвежьи.
Центральный месяц — снова властелин.

И ни души. Весь мир — от солнца! — вымер.
Но всё поет — и море, и песок.
Оно печет, небесный князь Владимир,
И облако седит его висок.

С зайчатами зажмурилась зайчиха,
И к чайке чиж спешит песочком вскачь.
В душе трезвон. На побережье тихо.
И слабый бодр, и истомлен силач.

Апрель 1909

РАЗ НАВСЕГДА

*Уделом поэта
И было, и будет — страданье.
Мирра Лохвицкая*

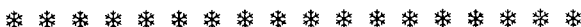
*И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.*

Валерий Брюсов

Мой смех ответом суждений язве!
Поэт сознаньем себя велик!
Вы, судьи, — кто вы? Вы боги разве,
Что вам доступен небес язык?

Когда кто видел, чтоб к солнцу совы
Свой обращали полночный взор?
Когда кто слышал, что песни зовы
Дороже людям, чем шумный вздор?

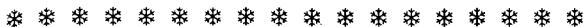
О вы, слепые земли пигмеи,
Что вам до звуков святой трубы!
В безмозглой злобе — всегда вы змеи.
В убогом гневе — всегда рабы.

Смешон и жалок поэт, доступный
Толпе презренной и зверски злой,
Толпе бездарной, толпе преступной, —
Развенчан гений ее хвалой.

Но славен ясно, но славен вечно
Певец, желанный душе певца.
Кто чует смутно, кто жив сердечно —
Тому пою я с зарей лица.

Апрель 1909

В ЛЕСУ

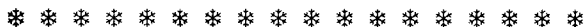
Холодным майским днем
Я в лес вошел. Валежник
Хрустел во мху. За пнем
Мне встретился подснежник.

О девственный цветок —
Весенних грез предтеча!
В тебе я видеть мог
Прекрасное Далече.

Мне вспомнилась она —
Подснежник увлечений.
Тогда была весна
И страсть без заточений.

Промчалось... Унеслось...
Подснежник сорван давний.
Хор чувств разноголос,
И сердце спит за ставней.

Но верю горячо,
Так искренне я верю,
Что свижусь с ней еще,
Верну свою потерю.

Недаром же за пнем
Расцвел опять подснежник...
Иду, обманут днем,
И жду... хрустит валежник.

5 мая 1909

ИДИЛЛИЯ

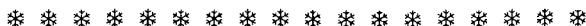
Милый мой, иди на ловлю
Стерлядей, оставь соху...
Как наловишь, приготовлю
Переливную уху.

Утомился ты на пашне, —
Чай, и сам развлекься рад.
День сегодня — как вчерашний,
Новый день — как день назад.

Захвати с собою леси,
Червяков и поплавки
И ступай за мыс на плесы
Замечтавшейся реки.

Разведи костер у борозд,
Где ковровые поля;
Пусть потрескивает хворост,
Согревается земля...

А наловишь стерлядей ты
И противно узких щук,
Поцелуй головку флейты —
И польется нежный звук.

Засмеясь, я брошу кровлю
И, волнуясь и спеша,
Прибегу к тебе на ловлю,
Так прерывисто дыша.

Ты покажешь мне добычу
(У меня ведь ты хвостун!),
Скажешь мне: «Давно я кличу!» —
И обнимешь, счастьем юн.

И пока, змеясь гибкой,
Стройной тальей у костра,
Ужин лажу, — ты с улыбкой
(А улыбка так остра!)

Привлечешь меня, сжигая,
Точно ветку — огонек,
И прошепчешь: «Дорогая!» —
Весь — желанье, весь — намек...

Май 1909

И ОНА УМЕРЛА МОЛОДОЙ...

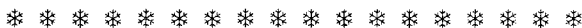
Я хочу умереть молодой...

Мирра Лохвицкая

И она умерла молодой,
Как хотела всегда умереть!..
Там, где ива грустит над водой,
Там покоится ныне и впредь.
Как бывало, дыханьем согреть
Не удастся ей сумрак густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой.

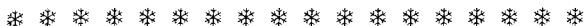
От проезжих дорог в стороне
Есть кладбище, на нем — островок,
И в гробу, как в дубовой броне,
Спит царица без слез, без тревог.
Спит и видит сквозь землю — насквозь —
Кто-то светлый склонился с мечтой
Над могилой и шепчет: «Сбылось, —
И она умерла молодой».

Этот, грезой молящийся, — кто?
Он певал ли с почившей дуэт?
Сколько весен душой прожито?
Он поэт! Он поэт! Он поэт!

Лишь поэту она дорога,
Лишь поэту сияет звездой!
Мирра в старости зрела врага,—
И она умерла молодой.

Май 1909

Синь неба облачного мáтова.
Как клочья ваты, облака.
В сопровожденье пса лохматого
Иду к реке, — шумит река.

Шумит река, пьет дождь, как сок, она;
Ждут тучи в вышнем далеке.
Всё в беспорядке. Вроде локона,
Волна завилась на реке.

Май 1909

СОНЕТ

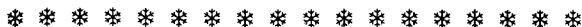
Весь малахитово-лазурный,
Алмазно-солнечным дождем,
Как лед прозрачный и ажурный,
Каскад спадает колесом.

Купает солнце луч пурпурный,
И пыль студеная кругом.
Как властен бег стремнины бурный!
Я быть хочу ее вождем!

А пена пляшет, пена мечет
И мылит камни и столбы.
Парит на небе гордый кречет
И говорит без слов: «Рабы!

Когда б и вы, как водопад,
Вперед неслись, а не назад!»

Июнь 1909

«СОБРАТЬЯ»

Все — Пушкины, все — Гёте, все —
Шекспиры.

Направо, влево, сзади, впереди...
Но большинство из лириков — без лиры,
И песни их звучат не из груди...

Всё ремесло, безвкусие и фокус,
Ни острых рифм, ни дерзостных мазков!
И у меня на «фокус» рифма — «флокус»,
А стиль других — стиль штопанных носков.

Изношены, истрепаны, банальны
Теперь стихи, как авторы стихов.
Лубочно вдохновенны и подвальные
Их головы — без нужного голов.

Титаны — все, а вместе с тем — все крохи,
Швейцар, столяр, извозчик и купец —
Все, все поют, смешая, как скоморохи,
Гадливость вызывая, как скопец.

И хочется мне крикнуть миллионам
Бездарностей, возвращенных в кабаке:
«Приличней быть в фуражке почтальоном,
Чем лириком в дурацком колпаке».

Июнь 1909

Я РЕЧЬ ДЕРЖУ...

Я речь держу... Да слушает, кто хочет!
Черствеет с каждым днем суровый мир.
Порок гремит, сверкает и грохочет.
Он — бог земли! Он — мировой кумир!

Я речь держу... Да слушает, кто может!
Искусство попирается стопой.
Его огонь болотный мрак тревожит,
Его огонь ослаб перед толпой.

Я речь держу... Да слушает, кто верит!
Настанет день — искусство станет звук:
Никто значенья строго не измерит,
И, может быть, никто не примет мук.

Я речь держу... Да слушает, кто близок!
Настанет день, день эпилога чувств.
Тот день убьет (зачем же он так низок?)
Вселенную — искусство из искусств!

Июнь 1909

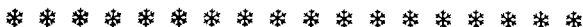
ОЧАМ ТВОЕЙ ДУШИ

Очам твоей души — молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей;
И всё, что здесь в конце, и всё, что здесь
в начале, —
Очам души твоей...

Очам души твоей — сиренью упоенье
И литургия — гимн жасминовым ночам;
Всё, всё, что дорого, что будит вдохновенье, —
Души твоей очам!

Твоей души очам — видений страшных
клиры...
Казни меня, пытай! Замучай! Задуши! —
Но ты должна принять!.. И плач и хохот лиры —
Очам твоей души!..

Июнь 1909

ЕЕ МОНОЛОГ

Не может быть, вы лжете мне, мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда в приливе муки
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..

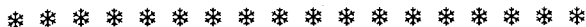
Я знаю, жгут бесценные дары:
Жжет молния надменные вершины,
Поэт — из перлов бурные костры,
И фабрикант — дубравы для машины;

Бесчувственные люди жгут сердца,
Забывшие для них про всё на свете;
Разбойник жжет святилище дворца,
Гордящегося пиршеством столетий;

И гении сжигают мощь свою
На алкоголе — символе бессилья...
Но письма сжечь, — где я тебе пою
Свою любовь! Где распускаю крылья!

Их сжечь нельзя — как вечной красоты!
Их сжечь нельзя — как солнечного неба!
В них отзвуки Эдема и Эреба...
Не может быть, вы лжете мне, мечты!

Июнь 1909

В ИЮЛЕ

В полях созрел ячмень.
Он радует меня!
Брожу я целый день
По волнам ячменя.

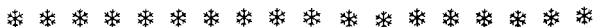
Смеется мне июль,
Кивают мне поля.
И облако — как тюль,
И солнце жжет, паля.

Блуждаю целый день
В сухих волнах земли,
Пока ночная тень
Не омрачит стебли.

Спущусь к реке, взгляну
На илистый атлас;
Взгрустнется ли — а ну,
А ну печаль от глаз.

Теперь ли тосковать,
Когда поспел ячмень?
Я всех расцеловать
Хотел бы в этот день!

Июль 1909

ВЫЙДИ В САД

Выйди в сад... Как погода ясна!
Как застенчиво август увял!
Распустила коралл бузина,
И янтарный боярышник — вял.
Эта ягода — яблочко-гном...
Как кудрявый кротекус красив.
Скоро осень окутает сном
Теплый садик, дождем оросив.
А пока еще — зелень вокруг,
И вверху безмятежная синь;
И у клена причудливых рук —
Много сходного с лапой гусынь.
Как оливковы листики груш!
Как призывно плоды их висят!
Выйди в сад и чуть-чуть поразрушь, —
Это осень простит... Выйди в сад.

Август 1909

НЕ ЗАВИДУЙ ДРУГУ...

Не завидуй другу, если друг богаче,
Если он красивей, если он умней.
Пусть его достатки, пусть его удачи
У твоих сандалий не сотрут ремней...

Двигайся бодрее по своей дороге,
Улыбайся шире от его удач:
Может быть, блаженство — на твоём пороге,
А его, быть может, ждут нужда и плач.

Плачь его слезою! Смейся шумным смехом!
Чувствуй полным сердцем вдоль и поперек!
Не препятствуй другу ликовать успехом:
Это — преступленье! Это — сверхпорок!

1909

...УТ Я НЕ ЛГАЛ

Я не лгал никогда никому,
Оттого я страдать обречен,
Оттого я людьми заклеямен,
И не нужен я им потому.

Никому никогда я не лгал.
Оттого жизнь печалью течет.
Мне чужды и любовь, и почет
Тех, чья мысль — это лживый закал.

И не знаю дороги туда,
Где смеется продажная лесть.
Но душе утешение есть:
Я не лгал никому никогда.

1909

ОКТАВЫ

Хочу туда — где море бирюзово,
Где у звезды сочнее лепестки,
Где спит палач-вулкан на страже зова,
Где от избытка счастья — вздох тоски...
Хочу туда, где чувствуют грозово,
А потому — раздолия узки!
Звучи, душа, в мечтаньях замирая...
Но край ли то? Мираж ли только края?

Везде лазорь, повсюду померанцы,
Надменность пальм и лунь лимонных рош,
На женских лицах спелые румянцы,
Весь музыка — алмазноструйный дождь.
Там вечный пир, и музыка, и танцы,
Победный клич и дерзостная мощь!..
Я вся — полет под ураганом зова!..
Хочу туда — любить тебя грозово!

1909

КОГДА НОЧАМИ...

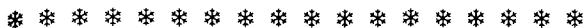
Когда ночами всё тихо, тихо,
Хочу веселья, хочу огней,
Чтоб было шумно, чтоб было лихо,
Чтоб свет от люстры гнал сонм теней!

Дворец безмолвен, дворец пустынен,
Беззвучно шепчет мне ряд легенд...
Их смысл болезнен, сюжет их длинен,
Как змеи черных ползучих лент...

А сердце плачет, а сердце страдает,
Вот-вот порвется, того и ждешь...
Вина, веселья, мелодий жаждет,
Но ночь замкнула, — где их найдешь?

Сверкните, мысли! Рассмейтесь, грезы!
Пускайся, Муза, в экстазный пляс!
И что нам — призрак! И что — угрозы!
Искусство с нами — и бог за нас!..

1909

ЧАЙНАЯ РОЗА

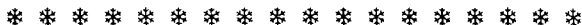
*Если прихоти случайной
И мечтам преграды нет, —
Розой бледной, розой чайной
Воплоти меня, поэт!*
Мирра Лохвицкая

Над тихо дремлющим прудом,
Где тишина необычайная,
Есть небольшой уютный дом
И перед домом — роза чайная.

Над нею веера стрекоз —
Как опахала изумрудные;
Вокруг цветы струят наркоз
И сны лелеют непробудные.

В пруде любитесь фасад
Своей отделкой прихотливою;
И с ней кокетничает сад,
Любуясь розою стыдливою.

Но дни и ночи, ночи, дни —
Приливы грусти необычные.
И шепчет роза: «Мы — одни
С тобою, сад мой, горемычные...»

А между тем, с огней зари
И до забвения закатного,
В саду пигмеи, как цари,
Живут в мечте невероятного.

Они хохочут и шумят,
Ловя так алчно впечатления;
Под их ногами сад измят:
Бессмертье — часто жертва тления!..

Что станет с розой, если весть
О ней дойдет до них случайная?..
И, не успевшая расцвести,
Спешит увянуть роза чайная...

1909

УТРЕННИЙ ЭСКИЗ

Сегодня утром зяблики
Свистели и аукали,
А лодку и кораблики
Качели волн баюкали.

Над тихою деревнею
Дышали звуки вешние,
И пред избушкой древнею
Светлела даль поспешнее.

Хотелось жить и чувствовать
Зарей студено-ясною,
Смеяться и безумствовать
Мечтой — всегда напрасною!

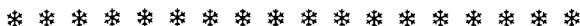
1909

БАЛЛАДА

У мельницы дряхлой, закутанной в мох
 Рукою веков престарелых,
Где с шумом плотины сливается вздох
 Осенних раkit пожелтелых,
Где пенятся воды при шуме колес,
 Дробя изумрудные брызги,
Где стаи форелей в задумчивый плёс
 Заходят под влажные взвизги
Рокочущих, страстных падучих валов,
 Где дремлет посёлок пустынный, —
Свидетель пирушек былых и балов,
 Дворец приютился старинный.
Преданье в безлистную книгу времен
 Навек занесло свои строки;
Но ясную доблесть победных знамен
 Смушают всё чьи-то упреки.
Нередко к часовне в полуночный час
 Бредут привиденья на паперть
И стонут, в железные двери стучась,
 И лица их белы, как скатерть.
К кому обращен их столетний упрек,
 И что колыхает их тени?
А в залах пирует надменный порок,
 И плачут в подполье ступени...

1909

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

Сказка

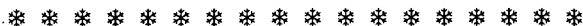
Прост и ласков, как помыслы крошек,
У колонок веранды и тумб
Распускался душистый горошек
На взлелеянной пажити клумб.

И нечаянно или нарочно,
Но влюбился он в мрамор немой,
Точно был очарован он, точно
Одурачен любовью самой!

Но напрасно с зарей розовел он,
Обвивая бесчувственный стан:
Не для счастья камень был сделан,
И любить не умел истукан.

Наступали осенние стужи,
Угасал ароматный горох;
И смотрелся в зеркальные лужи
Грубый мрамор, закутанный в мох.

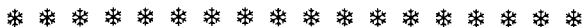
«Мох идет мне, — подумал он важно. —
Но зачем я цветами обвит?»
Услыхал это вихрь и отважно
Порешил изменить его вид.

Взял он в свиту песчинки с дорожек
И шутливо на старца напал, —
И опал разноцветный горошек,
Алым снегом мечтаний опал!..

Ж

1909

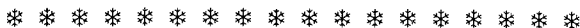
NOCTURNE

Навевали смуть бывшего окарины
Где-то в тихо вечеревшем далеке, —
И сирены, водяные балерины,
Заводили хороводы на реке.

Пропитались все растенья соловьями
И гудели, замйрая, как струна.
А в воде — в реке, в пруде, в озерах, в яме —
Фонарями разбросалась луна.

Засветились на танцующей сирене
Водоросли под луной, как светляки.
Захотелось белых лилий и сирени, —
Но они друг другу странно далеки...

1909

ВЕСНА

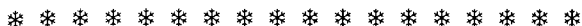
Вечер спал, и Ночь на сене
Уж расчесывала кудри.
Одуванчики, все в пудре,
Помышляли об измене.

Шел я к Ночи, Ночь — навстречу.
Повстречались без речи...
«Поцелуй...» — Я не перечу...
И — опять до новой встречи.

Шел я дальше. Незнакомка
Улыбалась мне с поляны.
Руки гнулись, как лианы,
И она смеялась громко.

Вместо глаз синели воды
Обольстительного юга,
Голос страстный пел, как вьюга,
А вокруг шеи хороводы

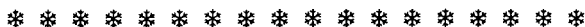
Заводили гиацинты
С незабудками с канавок...
Я имел к миражам навек,
Знал мечтаний лабиринты.—

И пускай кто хочет трусит,
Но не мне такая доля.
И сказал я: «Дева с поля,
Кто же имя девы вкусит?»

Уже, уже нить лесная,
Комаров порхают флоты...
Тут ее спросил я: «Кто ты?»
И прозвякала: «Весна — я!»

1909

PRELUDE * II

Мои стихи — туманный сон.
Он оставляет впечатление...
Пусть даже мне неясен он, —
Он пробуждает вдохновение...

О люди, дети мелких смут,
Ваш бог — действительность угрюмая.
Пусть сна поэта не поймут, —
Его почувствуют, не думая...

1909

* Прелюдия (фр.).

СОНМЫ ВЕСЕННИЕ

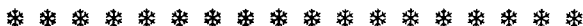
Сонные сонмы сомнамбул весны
Санно манят в осиянные сны.

Четко ночами рокочут ручьи.
Звучные речи ручья горячи. Э

Плачут сирени под лунный рефрен.
Очи хохочут песчаных сирен. Я

Лунные плены былинной волны.
Сонные сонмы весенней луны.

1909

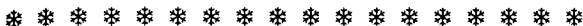

ИНТРОДУКЦИЯ

Триолет

За струнной изгородью лиры
Живет неведомый паяц.
Его палаццо из палацц — *триолет*
За струнной изгородью лиры...
Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц!..

1909

КОКТЕБЕЛЬ

Подходят ночи в сомбреро синих,
Созвездья взоров поют звезде,
Поют в пещерах, поют в пустынях,
Поют на море, поют везде.

Остынет отзвук дневного гуда, —
И выюгу звуков вскрутит закат...
Подходят ночи — зачем? откуда? —
К моей избушке на горный скат.

Как много чувства в их взмахх теплых!
Как много тайны в их ласк волшбе!
Весь ум — в извивах, всё сердце — в воплях...
Мечта поэта! Пою тебе...

1909

ГРАД

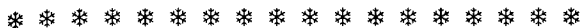
Дарю Дорину-Николаеву

Качнуло небо гневом грома,
Метнулась молния, и град
В воде запрыгал у парома,
Как серебристый виноград.

Вспорхнула искорка мгновенья,
Когда июльдохнул зимой —
Для новых дум, для вдохновенья,
Для невозможности самой... *том*

И поднял я бокал высоко,
Блеснули мысли для наград...
Я пил вино, и в грезах сока
В моем бокале таял град. *q*

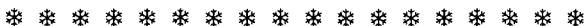
1909

СТРАННО...

Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...

1909

ЯНВАРЬ

Январь, старик в державном сани,
Садится в ветровые сани, —
И устремляется олень,
Воздушной вальсовых касаний
И упоительней, чем лень.
Его разбег направлен к дебрям,
Где режет он дорогу вепрям,
Где глухо бродит пегий лось,
Где быть поэту довелось...
Чем выше кнут — тем бег проворней,
Тем бег резвее; все узорней
Пушистых кружев серебро.
А сколько визга, сколько скрипа!
То дуб повалится, то липа —
Как обнаженное ребро.
Он любит, этот царь-гуляка,
С душой надменного поляка,
Разгульно-дикую езду...
Пусть душу грех влечет к продаже:
Всех разжигает старец — даже
Небес Полярную звезду!

Январь 1910

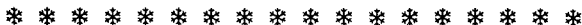
АМУЛЕТЫ

Звенели ландыши во мху,
Как сребротканый колокольчик,
И белки, в шубках на меху,
Сгибали хвостики в колечки.
О, красота пушистых кольчек!
О, белок шустрые сердечки!

И было красочно везде
В могучий, бравый полдень мая;
И птички трелили в гнесте,
Кричали утки, как китайцы,
И, хворост радостно ломая,
Легко подпрыгивали зайцы.

Была весна, был май — сам сон!
Любилось пламенно, но строго...
Был пышнокудр еще Самсон!..
Коляска, тройка и бубенчик...
К тебе знакомая дорога...
О мы! О белочка! О птенчик!

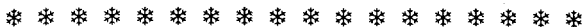
Февраль 1910

РУССКАЯ

Кружевует, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх полез.
Бриллиантится веселая роса.
Что за воздух! Что за свет! Что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом: «Ха-ха-ха!»
Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березках девку повстречать.
Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,
Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,
Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

Февраль 1910

ЭТО БЫЛО У МОРЯ...

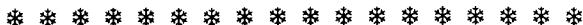
Поэма-миньонет

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было всё очень просто, было всё очень мило:
Королева велела перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

Февраль 1910

ВРУБЕЛЮ

Так тихо-долго шла жизнь на убыль
В душе, исканьем обворованной...
Так страшно тихо растаял Врубель,
Так безнадежно очарованный...

Ему фиалки струили дымки
Лица, трагически безликого...
Душа впитала все невидимки,
Дрожа в преддверии великого...

Но дерзновенье слепило кисти,
А кисть дразнила дерзновенное...
Он тихо таял, — он золотистей
Пылал душою вдохновенною...

Цветов побольше на крышку гроба;
В гробу — вечанье!.. Отныне оба —
Мечта и кисть — в немой гармонии,
Как лейтмотив больной симфонии.

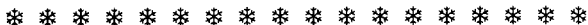
Апрель 1910

ОЗЕРОВАЯ БАЛЛАДА

На искусственном острове крутобренного
озера
Кто видал замок с башнями? Кто к нему
подплывал?
Или позднею осенью, только гладь
подморозило,
Кто спешил к нему ветрово, трепеща
за провал?
Кто, к окну приникающий, созерцания
пестрого
Не выдерживал разумом — и смеялся
навзрыд?
Чей скелет содрогается в башне мертвого
острова,
И под замком запущенным кто, прекрасный,
зарыт?
Кто насмешливо каялся? Кто возмездия
требовал?
Превратился кто в филина? Кто — в
летучую мышь?
Полно, полно, то было ли? Может быть,
вовсе не было?..
...Завуалилось озеро, зашептался камыш.

Июнь 1910

СОЛНЦЕ И МОРЕ

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны заласкают ясное светило
И, любя, утопят, как мечту в амфóре;
А проснешься утром – солнце засветило!

Солнце оправдает, солнце не осудит,
Любящее море вновь в него поверит...
Это вечно было, это вечно будет,
Только силы солнца море не измерит.

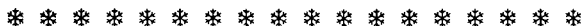
Август 1910

ЗАПАД ПОГАС...

Запад
Погас...
Роса
Поддалась...
Тихо
В полях...
Ива —
Голяк...
Ветрится
Куст...
Зебрится
Хруст...
Ломок
Ледок...
Громок
Гудок...
Во мгле
Полотно
И склепа
Пятно...

Октябрь 1910

ПЛЯСКА МАЯ

В могиле мрак, в объятьях рай.

Любовь — земли улада!..

Ал. Будищев

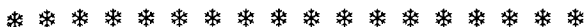
Вдалеке от фабрик, вдалеке от станций,
Не в лесу дремучем, но и не в селе —
Старая плотина, на плотине танцы,
В танцах поселяне, все навеселе.

Покупают парни у торговки дули,
Тыквенное семя, карие рожки.
Тут беспопья свадьба, так кого-то вздули,
Шепоты да взвизги, песни да смешки.

Точно гул пчелиный — гутор на полянке:
«Любишь ли, Акуля?..» — «Дьявол,
не замай!..»

И под звуки шустрой, удалой тальянки
Пляшет на плотине сам царевич Май.

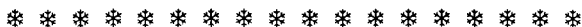
Разошелся браво пламенный красавец, —
Зашумели липы, зацвела сирень!
Ветерок целует в губы всех красавиц,
Май пошел вприсядку в шапке набекрень.

Но не видят люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца,
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевич бросит в пляске два кольца.

Кто поднимет кольца — жизнь тому забава!
Упоенье жизнью не для медных лбов!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царят над миром Солнце и Любовь!

1910

ВЕСЕННЯЯ ЯБЛОНЯ

„Б

Акварель

Перу И. И. Ясинского посвящаю

Весенней яблони, в нетающем снегу,
Без содрогания я видеть не могу:
Горбатой девушкой — прекрасной, но немой —
Трепещет дерево, туманя гений мой...

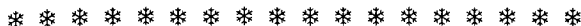
Как будто в зеркало, смотрясь в широкий
плес,

Она старается смахнуть росинки слез
И ужасается, и стонет, как арба,
Вняв отражению зловещего горба.

Когда на озеро слетает сон стальной,
Бываю с яблоней, как с девушкой больной.
И, полный нежности и ласковой тоски,
Благоуханные целую лепестки.

Тогда доверчиво, не сдерживая слез,
Она касается слегка моих волос,
Потом берет меня в ветвистое кольцо, —
И я целую ей цветущее лицо.

1910

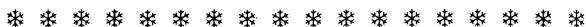
УВЕРТЮРА

Колье принцессы — аккорды лиры,
Венки созвездий и ленты лье,
А мы, эстеты, мы — ювелиры,
Мы ювелиры таких колье.

Колье принцессы — небес палаццо,
Насмешка, горечь, любовь, грехи,
Гримаса боли в лице паяца...
Колье принцессы — мои стихи.

Колье принцессы, колье принцессы..
Но кто принцесса, но кто же та —
Кому все гимны, кому все мессы?
Моя принцесса — моя Мечта!

1910

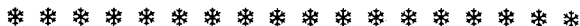
ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Синематограф

Элегантная коляска, в электрическом
биенье,
Эластично шелестела по шоссейному песку;
В ней две девственные дамы,
в быстротемпном упоенье,
В ало-встречном устремленье — это пчелки
к лепестку.

А кругом бежали сосны, идеалы
равноправий,
Плыло небо, пело солнце, кувыркался
ветерок,
И под шинами мотора пыль дымилась,
прыгал гравий,
Совпадала с ветром птичка на дороге
без дорог...

У ограды монастырской столбенел зловеще
инок,
Слыша в хрупоте коляски звуки
«нравственных пропаж»...
И, с испугом отряхаясь от разбуженных
песчинок,
Проклинал безвредным взором шаловливый
экипаж.

ИНТЕРМЕЦЦО

Сирень моей весны фимьямною лиловою
Изнежила кусты в каскетках набекрень.
Я утопал в траве, сзывая к изголовью
Весны моей сирень.

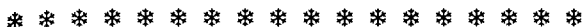
«Весны моей сирень! — И голос мой был
звончат,
Как среброгорлый май. — Дыши в лицо
пьяней...»

О да! о, никогда любить меня не кончит
Сирень весны моей!

А. И. СОЛ. ЦО. КАВ. БО. А. Г. Г.

Моей весны сирень грузила в грезы разум,
Пила мои глаза, вплетала в брови сны,
И, мозг испепелив, офлерила экстазом
Сирень моей весны...

1910

КУЗНЕЦ

Спеши к наковальне, кузнец!
Покуда здоров ты, покуда ты молод,
Куй счастью надежный венец!
Душою измолот, душою расколот,
Душою истерзан, когда, как свинец,
Жизнь станет тяжелой и старости холод
Напомнит про глупый, нелепый конец, —
Тогда берегись, не хватайся за молот:
Тебе он изменит, кузнец!

1910

ЦВЕТЫ И ЯДОЦВЕТЫ

Цветы не думают о людях,
Но люди грезят о цветах...
Цветы не видят в человеке
Того, что видит он в цветке...

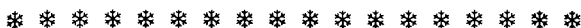
Цветы людей не убивают —
Цветы садов, цветы полей...
А люди их срывают часто!
А люди часто губят их!

Порою люди их лелеют,
Но не для них, а для себя...
В цветах находят «развлеченье»,
Души не видят у цветов...

Нет тяжелее и позорней
Судьбы доступного цветка!
Но есть цветы с иным уделом:
Есть ядовитые цветы!..

Их счастье в том, что их расцвета
Не потревожит человек...

Февраль 1911

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Дорогому К. М. Фофанову

Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

Апрель 1911

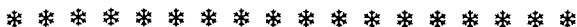
НА МОТИВ ФОФАНОВА

Я чувствую, как падают цветы
Черемухи и яблони невинных...
Я чувствую, как шепчутся в гостиных, —
О чем? О ком?.. Не знаю, как и ты.

Я чувствую, как тают облака
В весенний день на небе бирюзовом,
Как кто-то слух чарует полусловом...
И чей-то вздох... И чья-то тень легка...

Я чувствую, как угасает май,
Томит июнь, и золотятся жатвы...
Но нет надежд, но бесполезны клятвы!
Прощай, любовь! Мечта моя, прощай!

Май 1911

НА ОСТРОВАХ

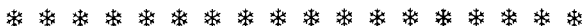
В ландо моторном, в ландо шикарном
Я проезжаю по Островам,
Пьянея встречным лицом вульгарным
Среди дам просто и — «этих» дам.

Ах, в каждой «фее» искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневую,
Когда мелькает вблизи манто?

Как безответно! Как безвопросно!
Как гривуазно! Но всюду — боль!
В аллеях сорно, в куртинах росно,
И в каждом франте жив Рокамболь.

И что тут прелесть? И что тут мерзость?
Бесстыж и скорбен ночной пуант.
Кому бы бросить наглее дерзость?
Кому бы нежно поправить бант?

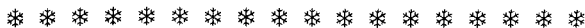
Май 1911

ЛЕСНОЙ НАБРОСОК

Леса сосновые. Дорога пáлевая. оренбург
Сию я в ельнике, костер распаливая.
Сию до вечера, дрова обтесывая...
Шуршит зеленая листва березовая...
Пчела сердитая над муравейниками.
Над мухоморами и над репейниками
Жужжит и кружится, злом обессиленная...
Деревья хвойные. Дорога глиняная.

Июнь 1911

НАСМЕШКА КОРОЛЯ

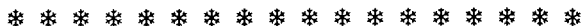
Властитель умирал. Лыстецов придворных
стоя

Ждала его конца, сдувая с горностая,
Одежды короля, пылинки, между тем
Как втайне думала: «Когда ж ты будешь нем?»

Их нетерпение заметно королю,
И он сказал, съев ломтик апельсина:
«О верные рабы! Для вас обижу сына:
Я вам отдам престол, я сердце к вам крылю!»

И только он умолк — в разнузданности дикой
Взревели голоса, сверкнули палаши.
И вскоре не было у ложа ни души, —
Лишь двадцать мертвых тел лежало пред
владыкой.

Июнь 1911

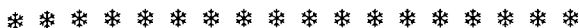

В ОСЕНОКОШЕННОМ ИЮЛЕ

Июль блестяще осенокошен. ~~Июль~~
Ах, он уходит! Держи! Держи!
Лежу на шелке зеленом пашен,
Вокруг — блондинки, косички ржи.

О небо, небо! Твой путь воздушен!
О поле, поле! Ты — грезы верфы!
Я онебесен! Я онездешен!
И бог мне равен, и равен червь!

Июль 1911

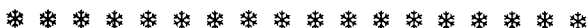

НА РЕКЕ ФОРЕЛЕВОЙ

На реке форелевой, в северной губернии,
В лодке, сизым вечером, уток не
расстреливай:
Благостны осенние отблески вечерние
В северной губернии, на реке форелевой.

На реке форелевой в трепетной осиновке
Хорошо мечтается над крутыми веслами.
Вечереет, холодно. Зябко спят малиновки.
Скачет лодка скользкая камышами рослыми.
На отложье берега лен расцвел мимозами,
А форели шустрятся в речке грациозами.

Август 1911

ЭТО ВСЁ ДЛЯ РЕБЕНКА...

О моя дорогая! Ведь теперь еще осень, ведь
теперь еще осень...

А увидеться с вами я мечтаю весною,
бирюзовой весною...

Что ответить мне сердцу, безутешному
сердцу, если сердце вдруг спросит,
Если сердце простонет: «Грезишь мраком
зеленым? Грезишь глушью лесною?»

До весны мы в разлуке. Повидаться не
можем. Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре.
Разве только в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно.

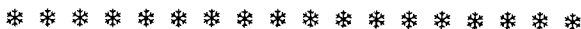
Но зато — осиянным
И брильянтовым взором обменяться
успеем... как и словом в конверте...

Вы всегда под охраной. Вы всегда под
надзором. Вы всегда под опекой.
Это всё для ребенка... Это всё для ребенка...
Это всё для ребенка...

Я в вас вижу подругу. Я в вас женщину вижу.
Вижу в вас человека.
И мне дорог ваш крестик — как и ваша
слезинка, как и ваша гребенка...

1911

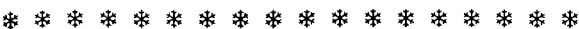
ДУША И РАЗУМ

Душа и разум — антиподы:
Она — восход, а он — закат.
Весеньтесь пьяно, пенно, воды!
Зальдись, осенний водоскат!

Душа — цветник, а ум — садовник.
Цветы в стакане — склеп невест,
Мой палец (... белый червь...) — любовник.
Зев ножниц — тривиальный крест...

Цветы букета инфернальны,
Цветы букета — не цветы...
Одно безумье гениально,
И мысль ничтожнее мечты!

1911

ЯНТАРНАЯ ЭЛЕГИЯ

*Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.*

А. Пушкин

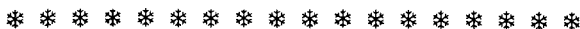
Вы помните прелестный уголок —
Осенний парк в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студеное стекло
Зеленых струй форелевой речонки?
Во помните комичные опенки
Под кедрами, склонившими чело?

Вы помните над речкою шале,
Как я назвал трехкомнатную дачу,
Где плакал я от счастья, и заплачу
Еще не раз о ласке и тепле?

Вы помните... О да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мне хочется Вас грезами исполнить
И попроситься робко к Вам в друзья...

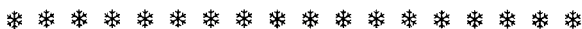
1911

ИЗ ПИСЬМА

Жду не дождусь весны и мая,
Цветов, улыбок и грозы.
Когда потянутся, хромая,
На дачу с мебелью возы!
У старой мельницы под горкой,
На светлой даче за столом,
Простясь с своей столичной «норкой»,
Вы просветлеете челом.
Как будет весело вам прыгать
То к чахлой лавке, то к пруду,
Детей к обеду звонко кликать,
Шептать кому-то: «Я приду...»
И как забавно до обеда,
Когда так яростны лучи,
Позвать мечтателя-соседа
С собой на дальние ключи...

1911

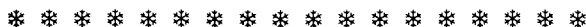
NOCTURNE

Я сидел на балконе, против заспанного
парка,
И смотрел на ограду из подстриженных
ветвей.
Мимо шел поселянин в рыжей шапке
из поярка,
Вдалеке заливался невидимка соловей.

Ночь баюкала вечер, уложив его в деревья.
В парке девушки пели — без лица
и без фигур.
Точно маки сплетали новобрачной королеве,
Точно встретился с ними
коробейник-балагур...

Может быть, это хоры позабывшихся
монахинь?..
Может быть, это нимфы обездоленных
прудов?..
Сколько мук нестерпимых, целомудренных
и ранних,
И щемящего смеха опозоренных родов...

1911

ФИАЛКА

Морозову-Гоголю

Снежеет дружно, снежеет нежно, *что?*
Над ручейками хрусталит хрупь.
Куда ни взглянешь — повсюду снежно,
И сердце хочет в лесную глубь.

Мне больно-больно... Мне жалко-жалко...
Зачем мне больно? Чего мне жаль?
Ах, я не знаю; ах, я — фиалка,
Так тихо-тихо ушла я в шаль.

О ты, чье сердце крылит к раздолью,
Ты триумфатор, ты властелин!
Приди, любуйся моей фиолью —
Моей печалью в снегах долин.

О тэжо
О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победны, внемли, о ты,
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолью свята мечты!..

1911

ТУНДРОВАЯ ПАСТЕЛЬ

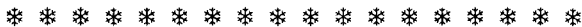
Ландыши воздушные, реюшие ландыши
Вечером зимеющим льдяно зацвели...
Выйди на поляны ты, сумраком полян дыши,
Падающим ландышам таять повели!

Ландыши небесные, вы всегда бесстёбельны,
Безуханно юные искорки луны...
Лунное сияние — это точно в небе льны... R
Лённо лани льяные лунно влюблены...

Сердце северянина, не люби лиан души!..
Кедров больше, лиственниц, хрупы, мги
и пихт!

Ландыши бесплотные, тающие ландыши,
И у тундры клюквой зубра сонный выход...

1911

СОНЕТ

Георгию Иванову

Я помню Вас: Вы нежный и простой.
И Вы — эстет с презрительным лорнетом.
На Ваш сонет ответствую сонетом,
Струя в него кларета грез отстой.

Я говорю мгновению: «Постой!»
И, приказав ясней светить планетам,
Дружу с убого-милым кабинетом:
Я упоен страданья красотой.

Я в солнце угасаю — я живу
По вечерам: брожу я на Неву, —
Там ждет грезера девственная дама.

Она — креолка древнего Днепра —
Верна тому, чьего ребенка мама...
И нервничают броско два пера...

1911

КАЧАЛКА ГРЕЗЭРКИ

Л. Д. Рындиной

Как мечтать хорошо Вам
 В гамаке камышовом
 Над мистическим оком — над бестинным
 прудом!
 Как мечты-сюпризерки
 Над качалкой грезэрки
 Истомленно лунятся: то — Верлен, то —
 Прюдон!
 Что за чудо и диво!
 То Вы — леди Годива,
 Через миг — Иоланта, через миг Вы — Сафó...
 Стоит Вам повертеться —
 И загрезится сердце:
 Всё на свете возможно, всё для Вас ничего!
 Покачнетесь Вы влево —
 Королев Королева,
 Властелинша планеты голубых антилоп,
 Где от вздохов левкая
 Упоенье такое,
 Что загрезит порфирой заурядный холоп!
 Покачнетесь Вы вправо —
 Улыбнется Вам Слава,

КЕНЗЕЛЬ

В шумном платье муаровом, в шумном платье
муаровом

По аллее олуненной Вы проходите маревом...

Ваше платье изысканно, Ваша тальма
лазорева,

А дорожка песчаная от листвы разузорена —

Точно лапы паучьи, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда
новобрачная...

Упоенье любовное Вам судьбой
предназначено...

В шумном платье муаровом, в шумном платье
муаровом —

Вы такая эстетная, Вы такая изящная...

Но кого же в любовники? И найдется ли пара
Вам?

Ножки пледом закутайте дорогим,
ягуаровым,

И, садясь комфортабельно в ландолете
бензиновом,

Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше
резиновом,

И закройте глаза ему Вашим платьем
жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным
платьем муаровым!..

1911

ХАБАНЕРА III

От грез кларета — в глазах рубины,
Рубины страсти, фиалки нег.
В хрустальных вазах коралл рябины
И белопудрый и сладкий снег.

Струятся взоры... Лукавят серьги...
Кострят экстазы... Струнят глаза...
«Как он возможен, миражный берег...» —
В бокал шепнула синьора Za.

О бездна тайны! О тайна бездны!
Забвенья глубины... Гамак волны...
Как мы подземны! Как мы надзвездны!
Как мы бездонны! Как мы полны!

Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женщин и хризантем...

1911

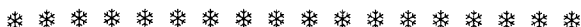
КАРЕТКА КУРТИЗАНКИ

Каретка куртизанки, в коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляж.
Чтоб ножки не промокли, их надо
окалошить, —
Блюстителем здоровья назначен юный паж.

Кудрявым музыкантам предложено
исполнить
Бравадную мазурку. Маэстро, за пюпитр!
Удастся ль душу дамы восторженно омолодить
Курортному оркестру из мелодичных цитр?

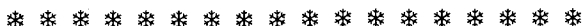
Цилиндры солнцевеют, причесанные лоско,
И дамы туалеты пригодны для витрин.
Смеется куртизанка. Ей вторит солнце
броско.
Как хорошо в буфете пить «Крем де
мандарин»!

За чем же дело стало? К буфету, черный
кучер!
Гарсон, симпровизируй блестящий
файф-о-клок...

Каретка куртизанки опять всё круче, круче,
И паж к ботинкам дамы, как фокстерьер,
прилег...

1911

ФАНТАЗИЯ ВОСХОДА

Утреет. В предутреннем лепете
Льнет рыба к свинцовому гру́зику.
На лилий похожи все лебеди,
И солнце похоже на музыку.

Светило над мраморной виллою
Алеет румянцем свидания.
Придворной певицей Сивиллою
На башне пропета «Титания».

У статуи Мирры паломники
Цветами кадят, точно ладаном.
Мечтатели — вечно бездомники...
Мечтатели — в платье заплата́нном...

В лице, гениально изваянном, —
Богини краса несказанная!
Гимн Солнцу исполнен хозяином,
«Осанна!» гремит за «Осанною!».

Коктебли звучат за коктейлями,
Поют их прекрасные женщины;
Их станы колышутся стеблями,
Их лица улыбкой увенчаны.

Все гнезда в лопочущем хлопоте...
Все травы в брильянтовом трепете...
Удало в ладони захлопайте —
И к солнцу поднимутся лебеди!

1911

НАРОДНАЯ

Солнце Землю целовало —
Сладко жмурилась Земля.
Солнце Землю баловало,
Сыпля злато на поля.

Солнце ласково играло
В простодушной похвальбе.
И Земля его избрала
В любововники себе.

И доколе будет длиться
Их немудрая любовь,
Будет мир в цветы рядиться,
В зелень вешнюю лугов!

1911

534. 1000000

КОГДА ПРИДЕТ КОРАБЛЬ

Вы оделись вечером кисейно
И в саду стоите у бассейна,
Наблюдая, как лунеет мрамор
И проток дрожит на нем муаром.
Корабли оякорили бухты:
Привезли тропические фрукты,
Привезли узорчатые ткани,
Привезли мечты об океане.
А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет Вам про гейзер
И сравнит... но это же интимно!..
Напевая нечто вроде гимна.
Он расскажет о лазори Ганга,
О проказах злых орангутанга,
О циничном африканском танце
И о вечном летуне — «Голландце».
Он покажет Вам альбом Камчатки,
Где еще культура не в зачатке,
Намекнет о нежной дружбе с гейшей,
Умолчав о близости дальнейшей...
За моря мечтой своей зареяв,
Распустив павлиньево свой веер,
Вы к нему прижметесь в теплой дрожи,
Полюбив его еще дороже...

1911

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

Как элегантна осень в городе,
Где в ратуше дух моды вне́дрен!
Куда вы только ни посмотрите —
Везде на клумбах рододéндрон...

Как лоско-матовы и дымчаты
Пласты смолового асфальта,
И как корректно переливчаты
Слова констеблевого альта!

Маркизы, деревья улиц стриженных,
Блестят кокетливо и ало;
В лиловом инее — их, выжженных
Улыбкой солнца, тишь спаяла.

Надменен вылощенный памятник
(И глуповат! — прибавлю в скобках...).
Из пыли летней вынут грамотник
Рукой детей, от лени робких.

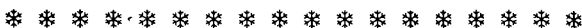
А в лиловеющие сумерки, —
Торцами вздорного проспекта, —
Зевают в фазтонах грумики,
Оукленные для эффекта...

II

Костюм кокоток так аляповат...
Картавый смех под блестящий веер...
И фантазер на пунце Запада
Зовет в страну своих феерий!..

1911

И РЫЖИК, И ЛАНДЫШ, И СЛИВА

1

Природа всегда молчалива,
Ее красота в немоте.
И рыжик, и ландыш, и слива
Безмолвно стремятся к мечте.
Их губят то птицы, то черви,
То люди их губят; но знак
Лазурит спокойствие в нерве,
Не зная словесных клоак.
Как жили бы люди красиво,
Какой бы светились мечтой,
Когда бы (скажу для курсива)
Их бог одарил немотой.
Безмолвие только — стыдливо,
Стыдливость близка красоте.
Природа всегда молчалива,
И счастье ее — в немоте.

2

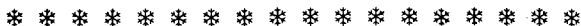
Постой... Что чирикает чижик,
Летающий над зрелым овсом? —
И слива, и ландыш, и рыжик
Всегда, и везде, и во всем:

И в осах, и в синих стрекозах,
И в реках, и в травах, и в пнях,
И в сочно пасущихся козах,
И в борзо бегущих конях,
И в зареве грядковых ягод,
И в нимфах заклятых прудов,
В палитре сияющих радуг,
И в дымных домах городов...
Природа ее бессловесна,
И звуки ее — не слова.
Деревьям, поверь, неизвестно —
Чем грезит и дышит трава...
Мечтанья алеющих ягод
Неясны пчеле и грибам.
Мгновенье им кажется за год;
Всё в мире приходит к гробам.

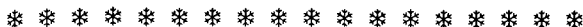
3

Я слышу, над зарослью речек,
Где ночь — бирюзы голубей,
Как внемлет ажурный кузнечик
Словам голубых голубей:
«И рыжик, и слива, и ландыш
Безмолвно стремятся к мечте.

Им миг ослепительный дан лишь,
Проходит их жизнь в немоте.
Но слушай! В природе есть громы,
И бури, и штормы, и дождь.
Вторгаются вихри в хоромы
Спокойно мечтающих рощ.
И губят, и душат былинки,
Листву, насекомых, цветы,
Срывая с цветов пелеринки, —
Но мы беззаботны, как ты.
Мы все, будет время, погибнем, —
Закон изменения форм.
Пусть гимну ответствует гимном
Нам злом угрожающий шторм.
Она справедлива — стихия, —
Умрет, что должно умереть.
Наветы ее огневые
Повсюду: и в прошлом, и впредь.
Восславим грозóвые вихри:
Миры освежает гроза.
И если б стихии затихли,
Бог, в горе, закрыл бы глаза.
Но помни: Бессмертное — живо!
Стремись к величавой мечте!
Величье всегда молчаливо,
И сила его — в немоте!»

1911

ПОЭЗА О СОЛНЦЕ, В ДУШЕ ВОСХОДЯЩЕМ

В моей душе восходит солнце,
Гоня невзгодную зиму.
В экстазе идолопоклонца
Молюсь таланту своему.

В его лучах легко и просто
Вступаю в жизнь, как в листный сад.
Я улыбаюсь, как подросток.
Приемлю всё, всему я рад.

Ах, для меня, для беззаконца,
Один действителен закон:
В моей душе восходит солнце,
И я лучиться обречен!

Май 1912

В ПЯТИ ВЕРСТАХ ПО ПОЛОТНУ

Весело, весело сердцу! Звонко, душа,
освирелься!

Прогрохотал искрометно и эластично
экспресс.

Я загорелся восторгом! Я загляделся
на рельсы!

Дама в окне улыбалась, дама смотрела на лес.

Ручкой меня целовала. Поздно! Но как же
тут — «раньше»?..

Эти глаза... вы — фиалки! Эти глаза... вы —
огни!

Солнце, закатное солнце! Твой дирижабль
оранжев!

Сяду в него, — повинуйся, поезд любви
обгони!

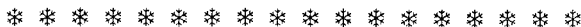
Кто и куда? — не ответит. Если и хочет,
не может.

И не догнать, и не встретить. Греза —
сердечная моль.

Всё, что находит, теряет сердце мое... Боже,
боже!

Призрачный промельк экспресса дал мне
чаруйную боль.

Май 1912

CARTE-POSTALE *

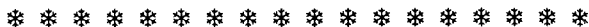
Сегодня я плакал: хотелось сирени,—
В природе теперь благодать!
Но в поезде надо,— и не было денег,
И нечего было продать.

Я чувствовал, поле опять изумрудно,
И лютики в поле цветут...
Занять же так стыдно, занять же так трудно,
А ноги сто верст не пройдут.

Гулять же по городу — видеть автобус,
Лицо проститутки, трамвай...
Но это же гадость! Тогда я взял глобус
И, в грезах, поехал в Китай.

Май 1912

* Почтовая открытка (фр.).

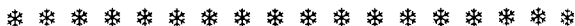

ЭТО ТОЛЬКО В ЖАСМИН

Это только в жасмин... Это только в сирень...
Проклинается город надрывно...
Заночееет бело,— и в простор деревень
Окрыляется сердце порывно...

И не хочется сна... И зачем ты один?..
Кто-то бродит в ничем... Что-то в ком-то...
Это только в сирень... Это только в жасмин...
Это только узоры экспромта.

Весна 1912

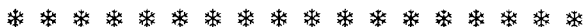

КЛУБ ДАМ

Я в комфортабельной карете;
на эллиптических рессорах,
Люблю заехать в златополдень на чашку чая
в женоклуб,
Где вкусно сплетничают дамы о светских
дрязгах и о ссорах,
Где глупый вправе слыть не глупым,
но умный непременно глуп.

О фешенебельные темы! От вас тоска моя
развеется!
Трепещут губы иронично, как земляничное
желе...
«Индейцы — точно ананасы, и ананасы — как
индейцы...» —
Острил креолка, вспоминая о экзотической
земле.

Градоначальница зевает, облокотясь
на пианино,
И смотрит в окна, где истомно бредет
хмелеющий июль.

Вкруг золотеет паутина, как символ ленных
пленов сплина,
И я, сравнив себя со всеми, люблю клуб дам
не потому ль?..

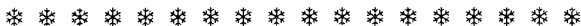
Июнь 1912

ЭСКИЗ ВЕЧЕРНИЙ

Она идет тропинкой в гору.
Закатный отблеск по лицу
И по венчальному кольцу
Скользит оранжево. Бел ворот
Ее рубашечки сквозной.
Завороженная весной,
Она идет в лиловый домик,
Задумавшийся над рекой.
Ее душа теперь в истоме,
В ее лице теперь покой.
Озябший чай и булки с маслом
Ее встречают на столе.
И на лице ее угаслом
К опрозаиченной земле
Читаю нежное презренье,
Слегка лукавую печаль.
Она откидывает шаль
И обдаст меня сиренью.

Июнь 1912

БУДЬ СПОКОЙНА

Будь спокойна, моя деликатная,
Робко любящая и любимая:
Ты ведь осень моя ароматная,
Нежно-грустная, необходимая...

Лишь в тебе нахожу исцеление
Для души моей обезвопросенной
И весной своею осеннею
Приникаю к твоей вешней осени...

Июль 1912

* * * * *

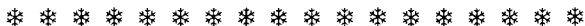
ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩАЯ ПОЭЗА

Художники, бойтесь «мещанок»:
Они обездарят ваш дар
Своею врожденною соню,
Своим организмом шарманок;
Они запесочат пожар
В душе, где закон — Беззаконье.

Страшитесь и дев апатичных,
С улыбкой безлучно-стальной,
С лицом, постоянным, как мрамор:
Их лики, из псевдоантичных,
Душе вашей бáльно-больной
Грозят непросыпным кошмаром.

Они не прощают ошибок,
Они презирают порыв,
Считают его неприличьем,
«Явленьем дурного пошиба...»
А гений — в глазах их — нарыв,
Наполненный гнойным величьем!...

Июль 1912

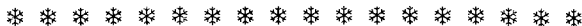
ПОЭЗА ОПРАВДАНИЯ

Я — Демон, гений зла! Я Богом пренебрег!
За дерзостный мой взлет Бог возгордился
мною,
Как перлом творчества, как лучшею мечтою,
Венцом своих забот, венцом своих тревог.
Я — Демон, гений зла! Я Богом пренебрег!

Но Я Его люблю, как любит Он Меня:
Меня ожизнил Бог, экстазом осиянный!
И ныне я Его приветствую осанной!
Я, Демон, гений тьмы, пою Поэта дня,
И Я Его люблю, как любит Он Меня!

Меня вне Бога нет: мы двое — Эгобог.
Извечно мы божим, но нас не понимали.
О, человечество! в надсолнечной эмали
Начертаны слова, как упоенья вздох:
«Нет Бога вне Меня! Мы двое — Эгобог!»

Лето 1912

МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ

— Мороженое из сирени! Мороженое
из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки
буше.
Сударышни, судари, надо ль? не дорого —
можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется
товар по душе!

Я сливочного не имею, фисташковое всё
распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете
крем-брюле?
Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам
народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс
в вирелэ!

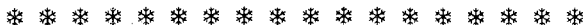
Сирень — сладострастья эмблема.

В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый
и сладкий пушок...

Мороженое из сирени! Мороженое
из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-богу,
похвалишь, дружок!

Сентябрь 1912

ШАМПАНСКИЙ ПОЛОНЕЗ

Шампанского в лилию! Шампанского

в лилию!

Ее целомудрием святеет оно.

Mignon с Escamillio! Mignon с Escamillio!

Шампанское в лилии — святое вино.

Шампанское, в лилии журчащее, искристо —
Вино, упоенное бокалом цветка.

Я славлю торжественно Христа и Антихриста
Душой, обожженной восторгом глотка!

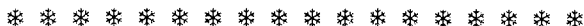
Голубку и ястреба! Ригсдаг и Бастилию!
Кокотку и схимника! Порывность и сон!

В шампанское лилию! Шампанского

в лилию!

В морях дисгармонии — маяк унисон!

Октябрь 1912

ЭПИЛОГ

1

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкраен!
Я повсесердно утвержден!

От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покори́л литерату́ру!
Взорлил, гремящий, на престол!

Я — год назад — сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот — я есть!
Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а — месть.

«Я одинок в своей задаче!» —
Прозренно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.

* * * * *

Она росла в своем единстве,
Самодержавна и горда,—
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...

От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлен болот;
У каждого в плече заноза,—
Зане болезнен беглых взлет.

Я их приветил: я умею
Приветить всё,— божí, Привет!
Лети, голубка, смело к змею!
Змея, обвей орла в ответ!

2

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.

Но, даровав толпе холопов
Значенье собственного «я»,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор — стезя моя.

Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые доли,
Презрев ошеломленный *Рим*.

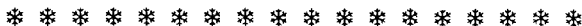
Я изнемог от льстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты,
Росой накоплен мой бокал.

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в примитив.
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотив!

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий — говор хат.

До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

Октябрь 1912

ДЕНЬ НА ФЕРМЕ

Из лепестков цветущих бело-розовых яблонь
Чай подала на подносе девочка весен восьми.
Шли на посев крестьяне. Бегало солнце
по граблям.
Псу указав на галку, баба сказала: «Возьми!»

Было кругом раздольно! было повсюду
майно!
Как золотела зелень! Воздух лазурно-крылат!
Бросилась я с плотины — как-то совсем
случайно,
Будто была нагая, вниз головой, в водопад!

И, потеряв сознание от высоты паденья,
Я через миг очнулась и забурлила на мыс...
Я утопляла солнце! Плавала целый день я!
А на росе, на ферме, жадно пила я кумыс.

1912

ПОЭЗА ВНЕ АБОНЕМЕНТА

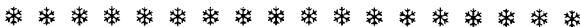
Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века цэнтрит Надсон,
А я и Мирра — в стороне;

Где вкус так жалок и измельчен,
Что даже — это ль не пример? —
Не знают, как двусложьем: Мельшин —
Скомпрометирован Бодлер;

Где блеск и звон карьеры — рубль,
А паспорт разума — диплом;
Где декадентом назван Врубель
За то, что гений — не в былом!..

Я — волк, а критика — облава!
Но я крылат! И за Атлант —
Настанет день — польется лава —
Моя двусмысленная слава
И недвусмысленный талант!

1912

ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭЗА

(Ответ Валерию Брюсову на его послание)

Я так устал от льстивой свиты
И от мучительных похвал...
Мне скучен королевский титул,
Которым бог меня венчал.

Вокруг талантливые трусы
И обнаглевшая бездárь...
И только вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь...

Не ученик и не учитель,
Над *чернью* властвовать устав,
Иду в природу, как в обитель,
Петь свой осмеянный *устав*...

И там, в глуши, в краю олонца,
Вне поощрений и обид,
Моя душа взойдет, как солнце,
Тому, кто мыслит и скорбит.

1912

ЭГОПОЛОНЕЗ

Живи, живое! Под солнца бубны
Смелее, люди, в свой полонез!
Как плодоносны, как златотрубны
Снопы ржанные моих поэт!
В них водопадут Любовь и Нега,
И Наслаждение, и Красота!
Все жертвы мира во имя Эго!
Живи, живое! — поют уста.
Во всей вселенной нас только двое,
И эти двое — всегда одно:
Я и Желанье! Живи, живое!
Тебе бессмертье предreshено!

1912

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Сонет-ответ (Акростих)

Великого приветствует великий,
Алея вдохновением. Блестит
Любовью стих. И солнечные блики
Елей весны ручьиисто золотит.

Ручьись, весна! Летит к тебе, летит,
Июнь, твой принц, бессмертник неболикий!
Юлят цветы, его гоньбы улики,
Божит земля, и всё на ней божит.

Рука моя тебе, собрат-титан!
Юнись душой, плескучий океан!
Самодержавный! мудрый! вечный гордо!

О близкий мне! мой окрылитель! ты —
Ваятель мой! И царство Красоты —
У нас в руках. Мне жизненно! мне бодро!

1912

САМОГИМН

Меня отронит Марсельезия,
Как президентного царя!
Моя блестящая поэзия
Сверкнет, как вешняя заря!
Париж и даже Полинезия
Вздрыжат, мне славу воззаря!

Мой стих серебряно-брильянтовый
Живителен, как кислород.
«О гениальный! О талантливый!» —
Мне возгремит хвалу народ.
И станет пить ликер гранатовый
За мой ликующий восход.

Пусть на турнирах славоборчества
Стиха титаны и кроты
Берлинства, Лондонства, Нью-Йорчества
Меня сразить откроют рты:
Я — я! Значенье эготворчества —
Плод искушенной Красоты!

1912

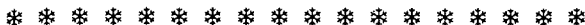
ПОРТНИХА

Ты приходишь утомленная, невеселая,
 угаслая,
 И сидишь в изнеможении, без желаний и без
 слов...
 Развернешь газету — хмуришься, от себя ее
 отбрасывая:
 Тут уже не до политики! Тут уже не до балов!
 Светлый день ты проработала над капотом
 мессалиновым
 (Вот ирония! — для женщины из разряда
 «мессалин»!)

Ах, не раз усмешка едкая по губам твоим
 малиновым
 Пробегала при заказчице, идеал которой —
 «блин...»

В мастерской — от вздорных девочек — шум
 такой же, как на митинге,
 Голова болит и кружится от болтливых
 мастериц...
 Не мечтать тебе, голубушка, о валькириях,
 о викинге:
 Нароботаешься за день-то, к вечеру — не до
 цариц!

1912

В МИРРЕЛИИ

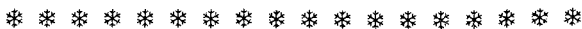
Сексты

Озвѣнь, окóльчивай, опѣтливай,
Мечта, бродягу-менестреля!
Опять в Миррелии приветливой
Ловлю стремительных форелей;
Наивный, юный и кокетливый,
Пригубливаю щель свирели.

Затихла мысль, и грезы шустрятся,
Как воробы, как травок стебли.
Шалю, пою, глотаю устрицы
И устаю от гибкой гребли...
Смотрю, как одуванчик пудрится,
И вот опять всё глуше в дебри.

В лесах безразумной Миррелии
Цветут лазоревые сливы,
И молнии, как огнестрелие,
Дисгармонично грохотливы,
И расцветают там, в апрелие,
Гиганты — лавры и оливы.

В доспехах полдня златогорлого
Брожу я часто по цветочью,

И, как заплёсненное олово,
Луна мне изумрудит ночью;
В прелюде ж месяца лилового
Душа влечется к средоточью.

Заосенёет, затуманится,
Заворожится край крылатый, —
Идет царица, точно странница,
В сопровождении прелата,
Смотреть, как небо океанится,
Как море сковывают латы.

Встоскует нежно и встревоженно....
Вдруг засверкает, как богиня,
И вдохновенно, и восторженно
На всё глядит светло и сине:
Пылай, что льдисто заморожено!
Смерть, умирай, навеки сгиня!

1912

* * * * *

Я – КОМПОЗИТОР

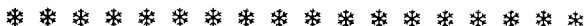
Я – композитор: под шум колес
Железнодорожных –
То Григ, то Верди, то Берлиоз,
То песни осторожных.

Я – композитор: ведь этот шум
Метрично-колесный
Рождает много певучих дум
В душе монстриозной.

Всегда в лазори, всегда в мечтах,
Слагаю молитвы.

Я – композитор: в моих стихах –
Чаруйные ритмы.

1912

ОТ СЕВАСТОПОЛЯ ДО ЯЛТЫ

Вам, горы юга, вам, горы Крыма,
Привет мой северный!
В автомобиле — неудержимо,
Самоуверенно!

Направо море; налево скалы
Пустынно-мёловы.
Везде провалы, везде обвалы
Для сердца смелого.

Окóльчит змейно дорога глобус —
И нет предельного!
От ската к вскату дрожит автобус,
Весь цвета тельного.

Пыль меловая на ярко-красном —
Эмблема жалкого...
Шофер! а ну-ка движеньем страстным
В волну качалковую!

Март 1913

* * * * *

ТОСКА О СКАНДЕ

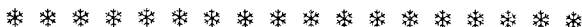
Валерию Брюсову

У побережья моря Черного
Шумит балтийская волна,
Как символ вечно непокорного,
В лиловый север влюблена.

На море штормно, и гигантские
Оякорены в нем суда, —
Но слышу шелесты эстляндские,
Чья фьоль атласится сюда.

И вот опять в душе лазорие,
И вновь душа моя поет
Морей Альдонсу — Черноморие
И Сканду — Дульсинею вод!

Март 1913

С КРЕСТОМ СИРЕНИ

Цветы лилово-голубые,
Всего в четыре лепестка,
В чьих крестиках мои бывшие
Любовь, отвага и тоска!

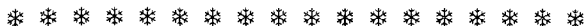
Ах, как же вы благоухали
Тогда, давно, в далеком, там,
Зовя в непознанные дали
По опадающим цветам!

И, слушая благоуханье,
Вдыхая цветовую речь,
Я шел на брань завоеванья
С сиренью, заменившей меч...

А вы цвели и увядали...
По опадающим по вам
Я шел в лазоревые дали
В цветы, в цветах и по цветам!

Со мною были молодые
Мечты и смелая тоска,
И вы, лилово-голубые
Кресты в четыре лепестка!

Май 1913

ПОЭЗА О ФОФАНОВЕ

Возьмите Фофанова в руки
И с ним идите в вешний сад.
Томленье ваше, скуку, муки
Его напевы исцелят.

Себя самих не понимая,
Вы вдруг заискритесь, как «Мумм»,
Под «Майский шум» поэта мая
И под зеленый майский шум.

Пропев неряшливые строки,
Где упоителен шаблон,
Поймете сумерек намеки
И всё, чем так чарует он.

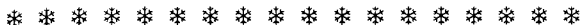
Не будьте ж к миру близоруки, —
Весна и солнце отблестят!
Берите Фофанова в руки.
И с ним бегите в вешний сад!

Начало июня 1913

РОНДЕЛИ О РОНДЕЛЯХ

Как жѹрчно, весело и блѣстко
В июльский полдень реку льет!
Как дневно солнится березка,
Вся — колыханье, вся — полет!
Душа излучивает броско
Слова, которых не вернет...
Как жѹрчно, весело и блѣстко
В мой златополдень душу льет!
Природу петь — донѣльзя плоско,
Но кто поэта упрекнет
За то, что он ее поет?
И то, что в жизни чуть громоздко,
В ронделях и легко и блѣстко.

Июль 1913

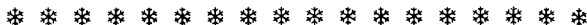
ОТКРЫТКА ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Вы поселились весной в Нидерландах,
Бодро и жизненно пишите мне.
Вы на оплесканных морем верандах,
Я же в колосьях при ветхом гумне.

Милый! но Вы не ошиблись, что волны
И за моим нарастают окном:
Только не море — то ветрятся клены,
Волны зеленые — поле с овсом.

Вам — о полянах — на море Немецком,
Мне же в полях — о просторе морском:
В сердце поэта — и мудром, и детском —
Неумертвима тоска о ином...

Август 1013

РЕГИНА

Когда поблекнут георгины
Под ало-желчный лесосон,
Идите к домику Регины
Во все концы, со всех сторон.

Дорожки в лесу. Февраль

Идите к домику Регины
По всем дорогам и тропам,
Бросайте на пути рябины,
Дабы назад вернуться вам.

Бросайте на пути рябины:
Все ваши скрестятся пути,
И вам, искателям Регины,
Назад дороги не найти.

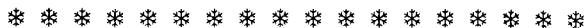
Лето 1913

В БЛЁСТКОЙ ТЬМЕ

В смокингах, в шик опроборенные,
 великосветские олухи
 В княжьей гостиной настрúнились, лица свои
 оглупив.
 Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно
 о порохе:
 Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный
 мотив.

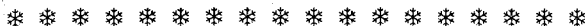
Каждая строчка — пощечина. Голос мой —
 сплошь издевательство.
 Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык
 ассонанс.
 Я презираю вас пламенно, тусклые ваши
 сиятельства,
 И, презирая, рассчитываю на мировой
 резонанс!

Блесткая аудитория, блеском ты зло
 отуманена!
 Скрыт от тебя, недостойная, будущего
 горизонт!

Тусклые ваши сиятельства! Во времена
Северянина
Следует знать, что за Пушкиным были и Блок
и Бальмонт!

1913

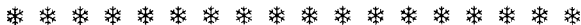
ВЕСЕННИЕ ТРИОЛЕТЫ

Андрею Виноградову

Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит,
Что поправимы страстные потери,—
Еще весной благоухает сад...
О нежная сестра и милый брат!
Мой дом не спит, для вас раскрыты двери...
Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит...

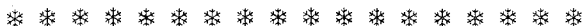
Еще благоухает сад весной,
Еще в глазах моих блестят слезинки,
Еще влекут в безвестное тропинки,—
Еще благоухает сад весной...
О жизнь моя! Ты вся передо мной!
Черемух цвет пророчит мне снежинки...
Еще благоухает сад весной,
Еще в глазах моих блестят слезинки...

А я устал! А юность позади!
Зачем же сад весной благоухает?
Взор отсверкал, померк и потухает.
И я устал... И юность позади...

О жизнь моя! Ты вся еще в груди!
Вопью тебя — и сердце воспыхает!
Пусть я устал, пусть юность позади,
Но сад еще весной благоухает!..

1913

КРЫМСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ

И потрясающих утопий

Мы ждем, как розовых слонов.

Из меня

Я — эгофутурист. Всероссно
Твердят: он — первый, кто сказал,
Что всё былое — безвопросно,
Чье имя наполняет зал.

Мои поэзы — в каждом доме,
На хуторе и в шалаше.
Я действен даже на пароме
И в каждой рядовой душе.

Я созерцаю — то из рубок,
То из вагона, то в лесу,
Как пьют «Громокипящий кубок» —
Животворящую росу!

Всегда чуждаясь хулиганства,
В последователях обрел
Завистливое самозванство
И вот презрел их, как орел:

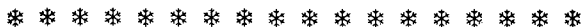
Вскрылил — и только. Голубело
 Спокойно небо. Золотó
 Плеща, как гейзер, солнце пело.
 Так: что мне надо, стало то!

Я пел бессмертные поэзы,
 Воспламеняя солнце, свет,
 И облака — луны плерезы —
 Рвал беззаботно — я, поэт.

Когда же мне надоедала
 Покорствующая луна,
 Спускался я к горе Гудала,
 Пронзовывал ее до дна...

А то в певучей Бордигере
 Я вспрыгивал лазурно в трам:
 Кондуктор, певший с Кавальери
 По вечерам, днем пел горам.

Бывал на полюсах, мечтая
 Построить дамбы к ним, не то
 На бригах долго. Вот прямая
 Была б дорога для авто!

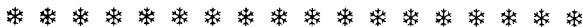
Мне стало скучно в иностранных:
Всё так обыденно, всё так
Мною ожидажно. В романах,
В стихах, в мечтах — всё «точно так».

Сказав планетам: «Приготовьте
Мне век», спустился я к Москве;
Увидел парня в желтой кофте —
Всё закружилось в голове...

Он был отолпен. Как торговцы,
Ругалась мыслевая часть,
Другая — верно, желтокофтцы —
К его ногам готова пасть.

Я изумился. Всё так дико
Мне показалось. Этот «он»
Обрадовался мне до крика.
«Не розовеющий ли слон?» —

Подумал я, в восторге млея,
Обескураженный поэт.
Толпа раздалась, как аллея.
«Я — Маяковский», — был ответ.

Увы, я не поверил гриму
(Душа прибоем солона)...
Как поводырь, повел по Крыму
Столь розовевшего слона.

И только где-то в смрадной Керчи
Я вдруг открыл, развеяв сон,
Что слон-то мой — из гуттаперчи,
А следовательно — не слон.

Взорлило облегченно тело, —
Вновь чувствую себя царем!
Поэт! Поэт! Совсем не дело
Ставать тебе поводырем.

21 января 1914

ВОСТОРЖЕННАЯ ПОЭЗА

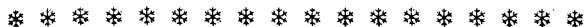
Восторгаюсь тобой, молодежь!
Ты всегда, — даже стоя, — идешь,
Но идешь постоянно вперед,
Где тебя что-то многое ждет.
Не желаю я думать о том,
Что с тобою случится потом,
Что, спустя много весен и зим,
Будет твой крылолет отразим.
Но пока молодежь молода,
Не погаснет на небе звезда,
Не утонется солнце в воде, —
Да весеннятся все и везде!
И смотрю я в сплошные глаза:
В них потоп, а в потоке — гроза,
А в грозе зацвели васильки...
Оттого я, не зная тоски,
Так спою, что и ты запоешь,
Овосторженная молодежь!
Так грозою возгряну «ура»,
Что умрет безвоскресно вчера!
И вонзаю я в завтра копье,
Прославляя Сегодня твое!

Январь 1914

ПОЭЗА ИСТРЕБЛЕНИЯ

Меня взорвало это «кубо»,
В котором всё бездарно сплошь, —
И я решительно и грубо
Ему свой стих точу, как нож.
Гигантно недоразуменье, —
Я не был никогда безлик:
Да, Пушкин стар для современья,
Но Пушкин — Пушкински велик!
И я, придя к нему на смену,
Его благоговейно чту:
Как он — Татьяну, я Мадлену
Упорно возвожу в Мечту...
Меж тем как все поэзодельцы,
И с ними доблестный Парнас,
Смотря, как наглые пришельцы —
О Хам Пришедший! — прут на нас,
Молчат в волшбе оцепенений,
Не находя ударных слов,
Я, среди них единый гений,
Сказать свое уже готов:
Позор стране, поднявшей шумы
Вкруг шарлатанов и шутов!
Ослы на лбах, «пьеро»-костюмы
И стихотомы... без стихов!

Позор стране, дрожащей смехом
Над вырождением! Дайте слез
Тому, кто приравнял к утехам
Призывы в смерть! в свинью! в навоз!
Позор стране, встречавшей «ржаньем»
Глумленье надо всем святым,
Былым своим очарованьем
И над величием своим!
Я предлагаю: неотложно
Опомниться! И твердо впредь
Псевдоноваторов — осторожно
Иль игнорирно — но презреть!
Для ободрения ж народа,
Который впал в угрозный сплин,
Не Лермонтова — «с парохода»,
А бурлюков — на Сахалин!
Они — возможники событий,
Где символом всех прав — кастет...
Послушайте меня! поймите! —
Их от сегодня больше нет.

Февраль 1914

ВАЛЕНТИНА

Валентина, сколько счастья! Валентина,
 сколько жути!
 Сколько чары! Валентина, отчего же ты
 грустишь?
 Это было на концерте в медицинском
 институте,
 Ты сидела в вестибюле за продажей афиш.
 Выскочив из ландолета, девушками
 окруженный,
 Я стремился на эстраду, но, меня остановив,
 Предложила мне программу, и, тобой
 замороженный,
 На мгновение задержался, созерцая твой
 извив.
 Ты зашла ко мне в антракте (не зови его
 пробелом)
 С тайной розой, с красной грезой,
 с бирюзовою грозой
 Глаз восторженных и наглых. Ты была
 в простом и белом,
 Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этот день!.. С него — начало. Телефоны
и открытки.
К начинаньям поэтессы я был очень
милосерд,
И когда уже ты стала кандидаткой
в фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно
на концерт.

А потом... Купе. Деревня. Много снега, леса.
Святки.
Замороженные ночи и крещенская луна.
Домик. Нежно и уютно. Упоенье без оглядки.
Валентина безрассудна! Валентина влюблена!
Всё прошло, как всё проходит. И простились
мы неловко:
Я «обманщик», ты сердита, то есть просто
трафарет.
Валентина, плутоглазка! Остроумная
чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила в жалкий
бред!

Март 1914

ПОЭЗА МАЙСКИХ ДНЕЙ

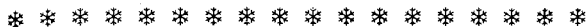
Какие дни теперь стоят!
Ах, что это за дни!
Цветет, звенит, щебечет сад,
Господь его храни!

И нет кузнечикам числа,
Летящим на восток.
Весна себя переросла,
И рост ее — жесток...

У моря, в липовой тени,
Стада на берегу.
Я не могу в такие дни
Работать, не могу!..

Ах, что же делать мне с собой?
Я весь сплошная лень:
В такие дни я сам не свой,
Ведь в эти дни — сирень!

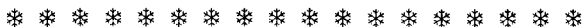
Безволно море. Синегладь.
А небо — как оно.
Нельзя ни грезить, ни желать,
Чего-то не дано...

Чего-то жду, кого-то жду...
Так страстно жду весь день...
Сирень, сирень в моем саду!
В моем саду — сирень!

Цвети, звени, пылай, мой сад,
Господь тебя храни!
Какие дни теперь стоят!
Ах, что это за дни!

Май 1914

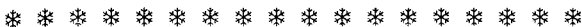
ЭСТЛЯНДСКАЯ ПОЭЗА

Андрею Виноградову

Распахните все рамы у меня на террасе,
распахните все рамы —
Истомило предгрозые. Я совсем задыхаюсь.
Я совсем изнемог.
Надоели мне лица. Надоели мне фразы.
Надоели мне «драмы».
Уходите подальше, не тревожьте. Все двери
я запру на замок.

Я весь день и весь вечер просижу на террасе,
созерцая то море,
То особое море, нет которому равных
во Вселенной нигде.
Помню Ялту и Дальний, и Баку с Таганрогом.
На морях — я не спорю.
Но Балтийское море разве с теми сравнится
при Полярной звезде?..

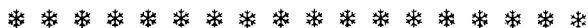
Это море — снегурка. Это море —
трилистник. Это — вишень цветенье.
Это — призрак бесчертный. Эрик, принц
светлоокий. Это море — Лилит.

Ежецветно. Капризно. Несказанно-больное.
Все — порыв. Все — мгновенье.
Все влечение и зовы. Венценосная Сканда.
Умоляя — велит.

Оттого-то и дом мой — над отвесным
обрывом у любимого моря.
Миновало предгрозье. Я дышу полной
грудью. Отдыхаю. Живу.
О, сказанья про Ингрид! О, Норвегии берег!
О, Эстляндские зори!
Лишь в Эстляндии светлой мне дано вас
увидеть наяву! наяву!

Май 1914

ОСЕНИ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Заалеют клены и залимонéют, будут
ало-желты.

Побуреет в бурях море голубое, голубое небо,
Будет в зорях холод, в вечерах — угрозые,
в полднях — хлаже золото.

Хочешь иль не хочешь — сердцем затоскуешь
от немого гнева.

Ах, земле сочувствуй, — осудить опасно:
после жатвы тяжело.

Надо же на отдых: хлеб свой оправдала
труженица-матка.

Всех она кормила: и крестьян, и птичек,
травку и барашка.

Смертно вы устали: ты, земля, и лошадь,
рыжая лохматка,

Отдохните осень, отдохните зиму.
Пробудитесь к марту.

С помощью господней, помощью надежной,
снова за работу.

Приходи, старуха, в старой желтой кофте!
Вымечи-ка карту

На свою погибель, предсказавши солнцу
к маю позолоту.

Май 1914

СЕГОДНЯ НЕ ПРИДУ...

*Сегодня не приду; когда приду — не знаю...
Ее телеграмма*

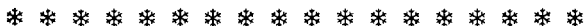
«Сегодня не приду; когда приду — не знаю...»
Я радуюсь весне, сирени, солнцу, маю!
Я радуюсь тому, что вновь растет трава!
«Подайте мне мотор. Шофер, на Острова!»

Пускай меня к тебе влечет неудержимо,
Мне хочется забыть, что я тобой любима,
Чтоб чувствовать острее весенний этот день,
Чтоб слаже тосковать... «В сирень, шофер,
в сирень!»

Я так тебя люблю, что быть с тобою вместе
Порой мне тяжело: ты мне, своей невесте,
Так много счастья дал, собой меня впитав,
Что отдых от тебя среди цветов и трав...

Пощады мне, молю! Я требую пощады!
Я видеть не могу тебя, и мне не надо...
«Нельзя ли по морю, шофер?.. А на звезду?..
Чтоб только как-нибудь: „Сегодня не приду...“»

Июнь 1914

ВЕРВЕНА

Как пахнет морем от вервены,
И устрицами, и луной!
Все клеточки твои, все вены
Кипят вервеновой волной.

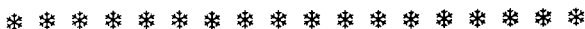
Целую ли твои я веки,
Смотрюсь ли в зеркала очей,
Я вижу сон чаруйный некий,
В котором море всё свежей.

Неистолимою прохладой
Туда, где крапчатый лосось,
Где чайка взреяла Элладой,
Влекусь я в моревую сквозь.

Но только подойду я к морю,
Чтоб тронуть шлюпки бечеву,
Со сном чаруйным впламя заспорю,
К тебе у моря воззову!

Повеет от волны вервеной,
Твоею блузкой и косой.
И, смутным зовам неизменный,
Я возвращусь к тебе с тоской.

Июнь 1914

ПОЭЗА СПИЧЕЧНОГО КОРОБКА

Что это? Спичек коробок?
Лучинок из берез?
И ты их не заметить мог?
Ведь это ж грандиоз!

Бери же, чиркай и грози,
Восторжен, нагл и яр!
Ползет огонь на все стези:
В твоей руке — пожар!

Огонь! огонь, природоцап,
Высовывай язык!
Ликуй, холоп! Оцарься, раб!
Ничтожный, ты велик!

Начало июля 1914

РОДНИК

Восемь лет эту местность я знаю.

Уходил, приходил, — но всегда

В этой местности бьет ледяная

Неисчерпываемая вода.

Полноструйный родник, полнозвучный,

Мой родной, мой природный родник,

Вновь к тебе (ты не должен наскучить!)

Неотбрасываемо я приник.

И светло мне глаза оросили

Слезы гордого счастья, и я

Восклицаю: ты — символ России,

Изнедривающаяся струя!

Июль 1914

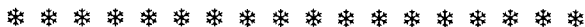
* * * * *

СТИХИ В НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

*В ненастный день взойдет,
как солнце,
Моя вселенская душа!
Заключительные строки
«Громокипящего кубка»*

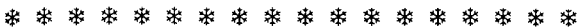
Вере Жуковской

Я жив, и жить хочу, и буду
Жить — бесконечный — без конца.
Не подходите, точно к чуду,
К чертам бессмертного лица.
Жизнь — в нашей власти: мы дотол
Трепещем, бьемся и живем,
Пока в нас много ярой воли
К тому, что жизнью мы зовем.
Смерть торжествует в те мгновенья,
Когда поверил ты в нее,
И нет в тебе сопротивленья:
Смерть — малодушие твое...
Я не могу себе представить —
Всем ощущеньем, всей душой! —
Как можно этот мир оставить, —
Молчать, истлеть, не быть собой.

Я превозмог порывы гнева:
Убив другого — я убит...
А потому — любимец неба —
Прошу — чтоб жить! — всю боль обид.
Я смел, и прям, и прост, и светел,
И смерти явно я бегу.
Я всех простил, я все приветил,
А большего я не могу!...
Что значит жить? Для вас — не знаю...
Жить для меня — вдыхать сирень,
В крещенский снег стремиться к маю,
Благословляя новый день.
Искать ЕЕ, не уставая,
И петь, и мыслить, и дышать.
Какие нови в чарах мая!
Какая в новях благодать!
И сколько новей в чарах мая,
Ведь столько ж песен впереди.
Живи, живое восторгая!
От смерти мертвое буди!
Но если ты, в чьих мыслях узость,
Мне скажешь «трус», — услышишь ты:
— Да здравствует святая трусость
Во имя жизни и мечты!

Октябрь 1914

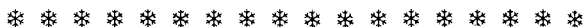
К ЧЕРТЕ ЧЕРТА

Какою нежностью неизъяснимою, какой
сердечностью
Осветозарено и олазорено лицо твое,
Лицо незримое, отождествленное всечертно
с Вечностью,
Твое — но чье?

В вагоне поезда, на каждой улице
и в сновидении,
В театре ль, в роще ли — везде приложится
к черте черта,
Неуловимая, но ощутимая, —
черта-мгновение,
Черта-мечта!

И больно-сладостно, и вешне-радостно!
Жить — изумительно,
Чудесно все-таки! Ах, сразу нескольких —
одну любить!
Невоплощенная! Невоплотимая! тебя
пленительно
Ждать — это жить!

Ноябрь 1914

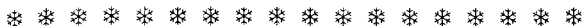
УВЕРТЮРА

Ананасы в шампанском! Ананасы
в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и острó!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то
испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропрóсвист экспрессов! Крылолёт буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром
обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы
в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка —
на Марс!

Январь 1915

ПОЭЗА ТРЕХ ПРИНЦЕСС

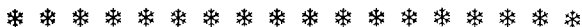
Моя дежурная адъютантесса —
Принцесса Юния де Виантро —
Вмолнилась в комнату быстрее экспресса
И доложила мне, смеясь остро:

— Я к Вам по поводу Торквато Тассо...
В гареме — паника. Грозит бойкот...
В негодовании княжна Инстасса
И к светозарному сама идет.

Мне даже некогда пригубить жало
И взор сиреневый плеснуть в лазорь:
Бегу — мороженое из фиалок
Вам выльдить к празднику Лимонных Зорь...

И фиолетовая, как черника,
Фигурка Юнии газелит в сад.
Дверь раскрыляется, и Вероника
Уже готовится журчать доклад:

— Я к Вам по поводу Торквато Тассо...
В гареме — паника. Грозит бойкот...
В негодовании княжна Инстасса
И к светозарному сама идет.

Но — ах! — мне некогда к Вам на колени,
«Кальвиль раздорная» среди принцесс:
Варить приходится ликер сирени
Для неисчерпываемых поэт.

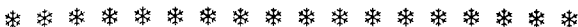
И точно ласточка в окно порхнула,
Слегка вервеною проколыхав...
Виолончелили от меццо-гула
В саду настроенные души трав...

И в этих отгулах рванулись двери, —
И, изумительнейший гастроном,
Знаток изысканнейших эксцессерий,
Инстасса въехала на вороном.

— Мы, изучавшие Торквато Тассо
По повелению, по твоему, —
Все перессорились... Но я, Инстасса,
Всех оправдаю я и всё пойму.

Утишу бешенство и шум базарный,
Всех жен разрозненных объединя,
Лишь ты, мечтанный мой, мой светозарный,
Впусти не в очередь к себе меня!

Январь 1915

ПОЭЗА МАКОВЫХ ПОЛЕЙ

Снова маки в полях лиловеют
Над опаловой влагой реки,
И выминдáленные лелеют
Абрикосовые ветерки...

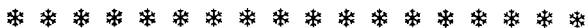
Ты проходишь мореющим полем,
Фиолетовым и голубым,
К истомленным уладам и болям,
Одинаково близким своим...

Как серебряные черепахи,
В полднелень проползают серпы...
Сколько бодрости мягкой во взмахе
Струнно млеющей девьей стопы!

На златисто-резедной головке
Пылко-красный кумачный платок,
А в головке так много обновки,
И в душе — обновленный поток!

Розовеют лиловые маки,
Золотеет струистый опал,
И луна возжигает свой факел,
Отравив зацветающий бал...

Март 1915

ПОЭЗА О ГОГЛАНДЕ

Иногда, в закатный час, с обрыва,
После солнца, но еще до звезд,
В далеке Финляндского залива
Виден Гогланд за семьдесят верст.

Никогда на острове я не был, ³¹
Никогда о нем я не слыхал. ³²
Вероятно: скалы, сосны, небо
Да рыбацьи хижины меж скал.

Обратимся, милая, к соседям,
К молчаливым, хмурым рыбакам,
На моторной лодке мы поедem
Далеко, к чуть видимым берегам.

Я возьму в волнистую дорогу ³³
Сто рублей, тебя, свои мечты.
Ну а ты возьми, доверясь богу,
Лишь себя возьми с собою ты!..

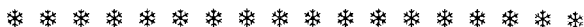
Вот и всё. Нам большего не надо.
Это всё, что нужно нам иметь.
Остров. Дом. Стихи. Маруся рядом.
А на хлеб я раздобуду медь.

Май 1915

❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️ ❄️

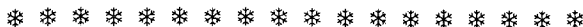
Девятнадцативешней впечатления жизни
 несравненно новее,
Несравненно острее, чем готовому встретить
 май тридцатой весны.
Девятнадцативешней легче в истину верить,
 как в прекрасную фею,
Как бы ни были годы — восемнадцать
 минувших — тяжелы и грустны...
И когда расцветают бирюзовые розы
 и душистый горошек,
Ей представить наивно, что они расцветают
 для нее, для одной;
И когда вылетают соловьями рулады
 из соседских окошек,
Ей представить наивно, что поет кто-то
 близкий, кто-то тайно родной...

Девятнадцативешней может лес показаться
никогда не рубимым,
Неувядными маки, человеческими люди,
неиссячным ручей.
Девятнадцативешней может сделаться -
каждый недостойно любимым:
Ведь его недостойность не видна, непонятна
для пресветлых очей...

И когда молодые — о, душистый горошек!
о, лазурные розы! —
Веселятся резвуны, мне мучительно сладко,
но и больно за них...
И когда голубые поэтички, как птички,
под угрозами прозы
Прозревать начинают, я в отчаяньи плачу
о мечтах голубых!..

Maŭ 1915

АХ, ВСЁ МНЕ КАЖЕТСЯ...

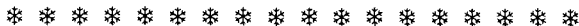
Ах, всё мне кажется (и отчего бы то? —
Ведь ты мне поводов не подаешь...),
Что ты изменишь мне и всё, что добыто
Твоим терпением, продашь за грош.

В тебе уверенность не поколеблена.
В твоей корректности тому залог.
Но всё мне кажется, что ложь остелблена
И распускается ее цветок.

И всё мне кажется, и всё мне чудится
Не то подпрапорщик, не то банкир...
И всё мне чудится, что это сбудется,
И позабудется тобой весь мир.

Поверь, о милая, что мной не скажется
Ни слова едкого тебе в укор:
Ты — неизменная! Но всё же кажется,
И то, что кажется, уже позор!

Май 1915

ПРИМИТИВА

Я слишком далеко зашел,
Полушутя, полусерьезно...
Опомниться еще не поздно:
Недаром я тебя нашел.

Всё на поэзию валить —
Ах, значит ли всегда быть правым?
И с помышлением лукавым
Тебя ль мне можно заслужить?

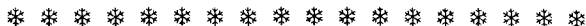
Я жил все годы как-нибудь,
Как приходилось, без отчета...
Я тяготился отчего-то,
Себя стараясь обмануть.

Халатность это или лень —
Я не задумывался много
И, положась на милость бога,
Всё верил в поворотный день.

Я знал, что ты ко мне придешь,
С твоим лицом, с твоей душою.
И наглумишься надо мною
За всю мою былую ложь.

* * * * *
Сначала будет грусть и тишь,
И боль, и стыд в душе поэта.
Потом я обновлюсь. За это
Ты праведно меня простишь..

Май 1915

ПОЭЗА ГОЛУБОГО ВЕЧЕРА

Мы ехали с тобою в бричке
Широкою и столбовой.
Порхали голубые птички,
Был вечер сине-голубой.

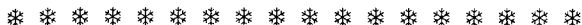
Из леса выбежала речка
И спряталась, блеснув хвостом.
О речка, речка-быстротечка!
О призрак, выросший кустом!

Плясали серые лисички
На задних лапках *pas de grâce* *,
Мы ехали с тобою в бричке
И бредили — который раз.

Навстречу нам ни человека:
Безлюдье мертвое и тишь.
И только хата дровосека,
Да разве ель, да развемышь.

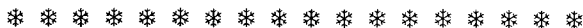
Смотрю: глаза твои синеют,
И бледный лик поголубел,
И только губы весенеют —
Затем, чтоб я их алость пел...

* Падеграс (фр.).

Не по желанью — по привычке
Нам надо двигаться с тобой,
А потому мы ездим в бричке
Проселочной и столбовой.

Май 1915

ПОЭЗА ТЕБЕ

Ни с кем сравнить тебя нельзя:
Сама ты по себе.

К тебе по лилиям стезя.
Молиться бы тебе!

Тебя ни с кем нельзя сравнить:
Ты лучше, чем мечта!
Тобой дышать, тебя любить,
Святить твои уста.

Сравнить нельзя ни с кем тебя:
Ты — женщина, а те,
Кого, вводя в обман себя,
Так звал, — барьер к мечте!..

Нельзя тебя сравнить ни с кем —
Ни на земле, ни вне...
Твоею музыкой я нем, —
То смерть пришла ко мне.

Май 1915

ПОЭЗА ОТТЕНКОВ

Есть в белых ночах лиловость,
Лиловость в белых ночах.
В нежных очах — суровость,
Суровость в твоих очах...

В фиалке бывает бледность,
Бледность в лиловом цветке.
В златоприческе — медность,
Медь в золотом волоске.

Есть что-то в весне старушье,
Как вешнее есть в былом.
В душе у тебя — бездушье,
Душа — в бездушье твоём!

Май 1915

ПОЭЗА О ЛЮДЯХ

Разве можно быть долго знакомым с людьми?

И хотелось бы, да невозможно!

Всё в людских отношениях тревожно:
То подумай не так, то не этак пойми!..

Я к чужому всегда подходил всей душой:

Откровенно, порывно, надёжно.

И кончалось всегда неизбежно
Это тем, что чужим оставался чужой.

Если малый собрат мне утёнченно льстит,
Затаенно его презираю.

Но несноснее группа вторая:
Наносящих, по тупости, много обид.

И обижен-то я не на них: с них-то что
И спросить, большей частью ничтожных?!

Я терзаюсь в сомнениях ложных:
Разуверить в себе их не может никто!

И останется каждый по-своему прав,
Для меня безвозвратно потерян.

Я людей не бегу, но уверен,
Что с людьми не встречаются, их не теряв...

Май 1914

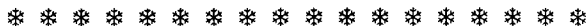
ПОЭЗА О БАРАШКАХ

По дороге над морем, ясным утром
весенним,
В Духов день лучезарный — в молодой!
в молодой! —

Шли в сосновую рощу, дорогая, с тобой.
Нежно нежилось море голубым сновиденьем,
Вековой медузой, устрицевым томленьем, —
Нежно нежилось море, упиваясь собой.

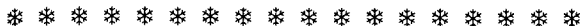
Нам встречались то дачи,
то блондинки-эстонки,
Строголицые девы с жуткой старью в глазах.
И барашки в пятнашки не играли в волнах,
А резвились на воле, так ажурны и тонки,
Как рожденные в море... Отчего — ах! —
ребенки
Не родятся барашковыми в городах?..

Оттого, что там город. Оттого, что здесь поле.
Оттого, что здесь море. Оттого, что здесь
свет.
Ах, вы очень культурны, но души-то в вас
нет:

Вы не знаете горя, вы не знаете боли,
Что в столице лишились этой шири и воли,
Что подснежник мудрее... чем университет!

Май 1915

ПОЭЗА СЧАСТЬЯ

Я не могу не радоваться маю,
И не воспеть его я не могу,
Когда тебя так пылко обнимаю
На благодатном этом берегу.

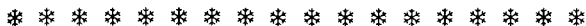
Который раз все в тот же, все в зеленый,
В весенний шелк закуталась земля?
Который раз, в свою мечту влюбленный,
Я ухожу в зовущие поля?

Но в этот год — весна совсем иная
И май иной — всё лучше, всё светлей!
Мечта сбылась: со мною ты, родная,
А потому — я только соловей!

Мне всё равно, в какие там размеры
Вольется стих горячий, всё равно! —
Кошунственны изысков камамберы,
И быть банальным снова мне дано!..

Когда тебя я к сердцу прижимаю
И твоего капота тлеет тюль,
Могу ли я не радоваться маю
И пережить любимую могу ль?

Май 1915

СКОРЬБЬ, ПРОРЕЗАЮЩАЯ СМЕХ...

Ты сегодня алоуста, ты сегодня синеглаза,
И лицо полно экстаза,
Веселишься и поешь,
Вся — весна, вся — май счастливый,
восхитительная грезка,

И кокетливо, и броско
Ты улыбки расточаешь,
Всё живишь, всё оживляешь
И живешь! живешь! живешь!

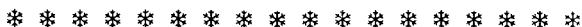
Дай наслушаться мне песен! дай мне в очи
наглядеться!

Дай куда-нибудь мне деться
От весны и от стихов!..

Посмотри за этим полем — видишь сосны?
видишь елки? —

Тлеют там в зеленом шелке
Трупы, жизнь любивших нежно,
Целовавшихся мятежно
Под напевы соловьев...

Май 1915

ПОЭЗА РАСКРЫТЫХ ГЛАЗ

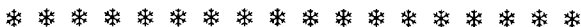
Арфеет ветер, далеет Нарва,
Синеет море, златеет тишь,
Душа — как парус, душа — как арфа.
О чем бряцаешь? Куда летишь?

Свежо и знойно. Светло и смело.
Чего-то надо. Чего-то ждешь.
Душа жестокость свершить посмела!
Душа посмела отвергнуть ложь!

В былом — ошибка. В былом — ненужность.
В былом — уродство. Позор — в былом.
В грядущем — чувства ее жемчужность,
А в настоящем — лишь перелом.

Ах, оттого-то арфеет ветер,
Далеет берег, поет залив!..
Ах, оттого-то и жить на свете
Я страшно жажду, глаза раскрыв!..

Июнь 1915

ПОЭЗА РАЗДРАЖЕНИЯ

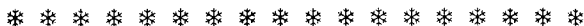
Не успокоиться и не поправиться
Мне в этой местности, всегда чужой:
Мне всё недужится, мне всё не нравится,
Мне всё мечтается пейзаж иной...

Здесь сад на улицу, здесь многодачие,
Здесь домик к домику рабом прижат.
Соседка мучает меня Боккаччио, —
О, вальс Боккаччио сто раз подряд!...

Лес в отдалении весьма значительном.
И море милое мое вдали...
Я весь в тоскующем, я весь в мучительном,
Весь в полонении иной земли...

Хотел бы выскочить утрами юными
Из душной комнаты, упасть в траву
И, в упоении, бряцая струнами
Души восторженной, кричать: «Живу!»

Читать без умолку стихи свободные, —
Мое дыхание, моя душа! —
Лобзать без усталости лицо природное —
Букеты ландышей, всю дыша!

Но разве мыслимо в осуществление
Желанья пламенные привести,
Раз любопытные у «дачи гения»
Снуют и некуда от них уйти?!

Июнь 1915

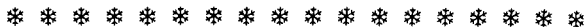
ПОЭЗА ОТКАЗА

Она мне прислала письмо голубое,
Письмо голубое прислала она.
И веют жасмины, и реют гобои,
И реют гобои, и льется луна.

О чем она пишет? Что в сердце колышет?
Что в сердце колышет усталом моем?
К себе призывает! — а больше не пишет,
А больше не пишет она ни о чем...

Но я не поеду ни завтра, ни в среду,
Ни завтра, ни в среду ответ не пошлю.
Я ей не отвечу, я к ней не поеду, —
Она опоздала: другую люблю!

Июнь 1915

ЧТО ЗА СЧАСТЬЕ

Что за счастье — быть вечно вдвоем!
И ненужных не ждать визитеров,
И окружных не ткать разговоров,—
Что за счастье — быть вечно вдвоем!

Быть с чужою вдвоем нелегко,
Но с родною пленительно-сладко:
В юбке нравится каждая складка,
Пьется сельтерская, как «Клико»!..

И «сегодня» у нас — как «вчера»,
Но нам «завтра» не надо иного:
Всё так весело, бодро, здорово!
Море, лес и ветров веера!

Июнь 1915

ТОМЛЕНИЕ БУРИ

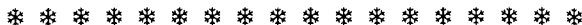
Сосны качались, сосны шумели,
Море рыдало в бело-седом,
Мы замолчали, мы онемели,
Вдруг обеззвучел маленький дом.

Облокотившись на подоконник,
В думе бездумной я застывал.
В ветре галопом бешеным кони
Мчались куда-то, пенился вал.

Ты на кровати дрожко лежала
В полуознобе, в полубреду.
Сосны гремели, море рыдало,
Тихо и мрачно было в саду.

Съежились листья желтых акаций.
Рыжие лужи. Карий песок.
Разве мы смели утром смеяться?
Ты одинока. Я одинок.

Июнь 1915

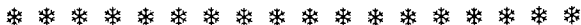

ТРИОЛЕТ О КЛЕНЕ

О, если б клен, в саду растущий,
Расправив ветви, улетел!
О, если бы летать хотел
Безмозглый клен, в саду растущий!..

Он с каждым днем всё гуще, гуще,
И вот уж сплошь он полиствел.
Что толку! — лучше бы растущий,
Взмахнув ветвями, улетел!

Июнь 1915

ПОЭЗА ЛЕСНОЙ ОПУШКИ

Ты бродила на опушке леса, —
Девушка без крови и без веса,
В синей с белым воротом матроске,
С персиковым шарфом вокруг прически.

Накорзинив рыжики и грузди,
С тихим смехом, в чуть веселой грусти,
Кушала лиловую чернику,
Брал тебя туман в свою тунику.

Так, от полдня вплоть до повечерья,
Ты со взором, чуждым суеверья,
На опушке леса проблуждала
И меня глазами колдовала...

Июль 1915

ПОЭЗА «НЕВТЕРПЕЖ»

*Терзаю ли тебя иль веселю я,
Влюбленности ли час иль час презренья,
Я через всё, сквозь всё —
Тебя люблю.*

Зинаида Гиппиус

Чем дальше — всё хуже, хуже,
Всё тягостней, всё стальной,
И к счастью тропинка уже,
И ужас уже на ней.

И завтрашнее — безнадежней,
Сегодняшнее — невтерпеж:
Увы, я мечтатель прежний,
За правду принявший ложь.

Ты мне про любовь молчала,
Чужого меня не любя,
Надеялся я сначала,
Что трону потом тебя.

Но в месяцы дни стекались,
Как в реки текут ручьи,
И чуждыми мы остались,
Не ведал твоей любви...

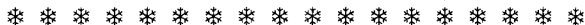

То в нежности, то в исступленьи,
Желая любовь вкусить,
Решался на преступленье,
Готовый тебя умертвить...

Мы пламенно отдавались,
Единым огнем горя,
Но чуждыми оставались,
Друг другу в глаза смотря.

И в месяцы дни стекались,
Как в реки текут моря.

Июль 1915

ЭТО СТРАШНО

Это страшно! — всё одно и то же:
Разговоры, колкости, обеды,
Зеленщик, прогулка, море, сон,
Граммофон, тоска, соседей рожи,
Почта, телеграммы про победы,
И в саду всё тот же самый клен.

Из окна коричневая пашня
Грандиозной плиткой шоколада
На зеленой скатерти травы.
Где сегодняшний и где вчерашний
Дни? Кому была от них услада?
Я не знаю! Знаете ли вы?

Лето 1915

НЕ УЛЕТАЙ

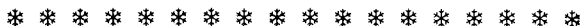
Бегут по морю голубому
Барашки белые, резвясь...
Ты медленноходишь к дому,
Полугрустя, полусмеясь...

Улыбка, бледно розовея,
Слетает с уст, как мотылек...
Ты цепенеешь, морефея,
И взгляд твой близок и далек...

Ты видишь остров, дальний остров,
И паруса, и челноки,
И ты молчишь, легко и просто,
И вот — крыло из-под руки!..

Не улетай, прими истому:
Вступи со мной в земную связь...
Бегут по морю голубому
Барашки белые, резвясь...

1915

ПОЭЗА СТРАННОСТЕЙ ЖИЗНИ

Встречаются, чтоб разлучаться...
Влюбляются, чтоб разлюбить...
Мне хочется расхохотаться
И разрыдаться — и не жить!

Клянутся, чтоб нарушить клятвы...
Мечтают, чтоб клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Все наслаждения тщеты!..

В деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду чуждые лица
Без человеческой души...

Как часто красота уродна
И есть в уродстве красота...
Как часто низость благородна
И злы невинные уста.

Так как же не расхохотаться,
Не разрыдаться, как же жить,
Когда возможно расставаться,
Когда возможно разлюбить!

Февраль 1916

18 ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА

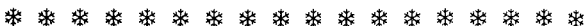
Девятьсот пятнадцатого года
Восемнадцатого февраля
Днем была пригожая погода,
К вечеру овьюжилась земля.

Я сидел в ликеровой истоме,
И была истомы так пошла...
Ты вошла, как женщина, в мой номер,
Как виденье, в душу мне вошла...

Тихий стук, и вот я знаю, знаю,
Кто войдет — входи же поскорей!
Жду, зову, люблю и принимаю!
О, Мечта в раскрытии дверей:

О, любовь! Тебе моя свобода
И тебе величье короля
С восемнадцатого февраля
Девятьсот пятнадцатого года!..

Февраль 1916

МУЗЕЙ МОЕЙ ВЕСНЫ

О милый, тихий городок,
Мой старый верный друг,
Я изменить тебе не мог
И, убежав от всех тревог,
В тебя въезжаю вдруг!

Ах, не в тебе ль цвела сирень,
Сирень весны моей?
Не твой ли — ах! — весенний день
Взбурлил во мне «Весенний день»,
Чей стих — весны ясней?

И не окрестности твои ль,
Что спят в березняке,
И солнцесвет, и лунопыль
Моих стихов сковали стиль,
Гремящих вдалеке?

И не в тебе ли первый раз
Моя вспылала кровь?
Не предназначенных мне глаз,—
Ах, не в тебе ль,— я пил экстаз
И думал: «Вот любовь!»

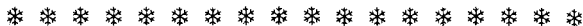

О первый мой самообман,
Мне причинивший боль,
Ты испарился, как туман,
Но ты недаром мне был дан:
В тебе была эоль!

И только много лет спустя,
Ошибок ряд познав,
Я встретил женщину-дитя
С таким неотразимым «я»,
Что полюбить был прав.

Да, не заехать я не мог
Теперь, когда ясны
Мои улыбки, в твой шатрок,
Мой милый, тихий городок,
Музей моей весны!..

19 апреля 1916

ПОЭЗА СЕВЕРНОГО ОЗЕРА

В двенадцати верстах от Луги,
В лесу сосновом, на песке,
В любимом обществе подруги
Живу в чарующей тоске...

Среди озер, берез и елок
И сосен мачтовых среди
Бежит извилистый проселок,
Шум оставляя позади.

Я не люблю дорог шоссейных:
На них — харчевни и обоз.
Я жить привык в сквозных, в кисейных
Лесах, где колыбели грез.

В просторном доме, в десять комнат,
Простой, мещанистый уют,
Среди которого укромно
Дни северлетние текут.

Дом на горе, а в котловине,
Как грандиозное яйцо,
Блестает озеро сталь-сине,
И в нем — любимое лицо!

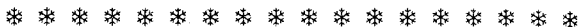
* * * * *
С ольховой удочкой, в дырявой
И утлой лодке, на корме,
Ты — нежный отдых мой от славы,
Который я найти сумел...

То в аметистовом, то в белом,
То в бронзовом, то в голубом,
Ты бродишь в парке запустелом
И песней оживляешь дом.

На дне озерном бродят раки
И плоскотелые лещи.
Но берегись: в зеленом мраке
Медведи, змеи и клещи!

А вечерами крыломыши
Лавируют среди берез,
И барабанит дождь по крыше,
Как громоносный Берлиоз.

Да, много в жизни деревенской
Несносных и противных «но»,
Но то, о чем твердит Каменский,
Решительно исключено...

Здесь некому плести интриги,
И некому копать здесь ям...
Ни до Вердена, ни до Риги
Нет дела никакого нам...

Здесь царство в некотором роде,
И оттого, что я — поэт,
Я кровью чужд людской породе
И свято чту нейтралитет.

Конец июля 1916

УВЕРТЮРА

Миррелия — светлое царство,
Край ландышей и лебедей,
Где нет ни больных, ни лекарства,
Где люди не вроде людей.

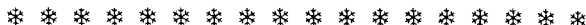
Миррелия — царство царицы
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя в веках загорится
Для мира искомой Мечтой!

Миррелия — вечная Пасха,
Где губы влекутся к губам.
Миррелия — дивная сказка,
Рассказанная мною вам.

Миррелия — греза о юге
Сквозь северный мой кабинет.
Миррелия — может быть, в Луге,
Но Луги в Миррелии нет!..

Качает там лебедя слива,
Как символ восторгов любви...
Миррелия! как ты счастлива
В небывшем своем бытии!

Август 1916

СЕВЕРНЫЙ ТРИОЛЕТ

Что Эрик Ингрид подарил?

Себя, свою любовь и Север.

Что помечталось королеве,

Всё Эрик Ингрид подарил.

И часто в рубке, у перил

Над морем, чей-то голос девий

Я слышу: «Он ей подарил

Себя, любовь свою и Север».

Август 1916

БАЛЛАДА IV

Эльисса бегают с пажом,
Гоняя шарики крокета.
О паж, подстриженный ежом,
И ты, о девушка-ракета!

Его глаза — глаза кокета —
Эльиссу ищут и хотят:
Ведь лето, наливное лето
Струит в юнцов любовный яд.

Что делать юношам вдвоем,
Раз из двоих, их этих — эта
И этот налицо, причем
У каждого и кровь согрета?..

Какого может ждать ответа
Восторгов тела пьяный ряд,
Когда один намек запрета
Струит в юнцов любовный яд?

Мигнула молния, и гром
Прогрохотал задорно где-то,
И лес раскинулся шатром...
Они в шатре. Она раздета.

Ее рука к дождю воздета.
А дождь, как некий водопад,
Глуша, что мною не допето,
Струит в юнцов любовный яд...

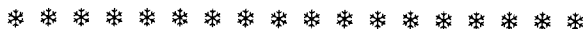
Маркиза Инэтро карета
Свезла промокшую назад.
Паж вновь, при помощи сонета,
Струит в нее любовный яд.

1916

Быть может, и любит, да только не скажет...
Да только не скажет и чувств не покажет.
А раз не покажет — так что в этом толку.
Да, что в этом толку — любить втихомолку.
Надеждой терзает, надеждой тревожит...
А может быть, вовсе не любит? Быть может!

1916

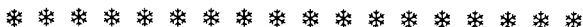

Вся в искрах-брызгах от взмаха весел,
Ты хохотала, и был я весел.
Я утомился и якорь бросил,
А шаль сырую на флаг повесил.

До поздней ночи играли шутки,
И наши песни смеялись звонко;
Кружась, кричали над речкой утки,
И лес, при ветре, ворчал спросонка.

Хотелось ласки, и стало грустно;
Заколыхалась от страсти лодка...
А ночь дышала тепло и кротко
И колыхала сердца искусно.

1916

ОСЕННЯЯ ПОЭЗА

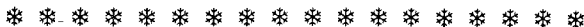
Уже деревья скелетеют...
Балькис Савская

Уже деревья скелетеют
И румянеют, и желтеют;
Уж лето бросило поля,
Их зелень златом опаля.

Уж ветки стали как дубины,
Уже заежились рябины,
И поморозили грибы
В сухой листве свои горбы.

Уже затинились озера,
И мирового фантазера
Мечты отусклены уже,
Уже печаль в земной душе.

7 сентября 1916

ПОЭЗА СТЫДЯЩИМСЯ МОЛОДОСТИ

Куда вы отдаете силы?
Вы только вдумайтесь — куда!
И разве вам уже не милы
И лес, и поле, и вода?

И разве вам уже не любви
Восторги кисти и стиха?
И целовать любимых в губы —
Да разве это от греха?

И разве ничего не нужно
Для вашей юности, друзья?
Как слабы вы! Как мало дружны!
Над Вами властвует Н е л ь з я.

И вам не больно? Не обидно?
Вы покоряетесь? Чему?
Своей же робости постыдной
И малодушью своему!

Вы в заблуждены! Пусть исправить
Ошибки сердце повелит.
Одна ведь молодость! Одна ведь!
И лишь ее стыдиться — стыд!

Ноябрь 1916

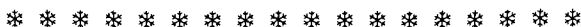

РИФМОДИССО

Вдали, в долине, играют Грига.
В игранье Грига такая нега.
Вуалит негой фиордов сага.
Мир хочет мира, мир ищет бога.
О, сталь поляра! о, рыхлость юга!

Пук белых молний взметнула выюга,
Со снежным полем слилась дорога.
Я слышу поступь мороза-мага;
Он весь из выюги, он весь из снега.
В мотивах Грига — бессмертье мига.

Ноябрь 1916

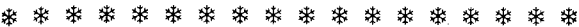

БАЛЛАДА IX

О ты, Миррелия моя! —
Полустрана, полувиденье!
В тебе лишь ощущаю я
Земли небесное волненье...
Тобою грезить упоенье:
Ты — лучший сон из снов земли,
И ты эмблема наслажденья, —
Не оттого ль, что ты вдали?

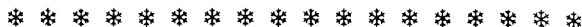
Благословенные края,
Где неизживные мгновенья,
Где цветны трели соловья,
Где соловейчаты растенья!
Земли эдемские селенья,
К вам окрыляю корабли!
Но это страстное влечение —
Не оттого ль, что ты вдали?

Да, не любить тебя нельзя,
Как жизнь, как май, как вдохновенье!
К тебе по лилиям стезя,
В тебе от зла и смут забвенье;
В тебе от будней исцеленье, —
Внемли мечте моей, внемли!
Я верю — примешь ты моление, —
Не оттого ль, что ты вдали?..

Уже конец стихотворенью,
А строфы только расцвели.
И веет от стихов сиренью —
Не оттого ль, что ты вдали?!

Февраль 1917

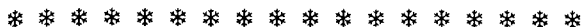
КЕНЗЕЛЬ VIII

Букет незабудок был брошен небрежно
На письменном розовом дамском столе...
Покинуто было хозяйкой шале,
И солнце блистало в оконном стекле
Прощально и нежно.

У окон гостиной сох горько миндаль.
Эльгриной, уплывшей в исконную даль,
Букет незабудок был брошен небрежно
В ее кабинете; в гостиной рояль
Вздыхал так элежно...

Струнец благородный, он слушал прилежно,
Как плакал букет бирюзовых цветов,
И вторить букету рояль был готов,
И клавишил — это ль не песня без слов? —
«Был брошен небрежно...»

Февраль 1917

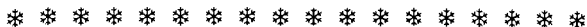
КЕНЗЕЛЬ IX

Уже в жасминах трелят соловьи,
Уже журчат лобзания в жасмине,
И фимиамы курятся богине;
И пышут вновь в весеневом кармине
Уста твои!

Уста твои — чаруйные новеллы!
Душист их пыл, и всплески так смелы,
И так в жасмине трелят соловьи,
Что поцелуи вальсом — из «Миреллы» —
Скользят в крови.

На! одурманы! замучай! упои!
Испчель, изжаль кипящими устами!
Да взветрит над жасминными кустами
Царица Страсть бушующее пламя,
Пока в жасмине трелят соловьи!

Февраль 1916

И ЭТО — ЯВЬ?..

И это — явь? Не сновиденье?
Не обольстительный обман?
Какое в жизни возрождение!
Я плачу! Я свободой пьян!

Как? Неужели? Всё, что в мыслях, —
Отныне и на языке?
Никто в Сибирь не смеет выслать?..
Не смеет утопить в реке?..

Поверить трудно: вдруг всё ложно?!.
Трепещет страстной мукой стих...
Но невозможное — возможно
В стране возможностей больших.

8 марта 1917

МОЕМУ НАРОДУ

Народ оцáрен! Царь низложен!
Свободно слово и печать!
Язык остер, как меч без ножен!
Жизнь новую пора начать!

Себя царями осознали
Еще недавние рабы:
Разбили вздорные скрижали
Веленьем солнечной судьбы!

Ты, единенье, — златосила,
Тобою свернут строй гнилой!
Долой, что было зло и хило!
Долой позорное! Долой!

Долой вчерашняя явь злая:
Вся гнусь! Вся низость! Вся лукавь!
Долой эпоха Николая!
Да здравствует иная явь!

Да здравствует народ весенний,
Который вдруг себя обрел!
Перед тобой клоню колени,
Народ-поэт! Народ-орел!

8 марта 1917

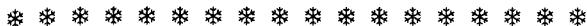

БАЛЛАДА XIV

Должна быть кончена война,
Притом — во что бы то ни стало:
Измучилась моя страна,
Нечеловечески устала.
Есть применение для металла
Гораздо лучше, чем твой брат.
Да свергнут ужас с пьедестала
Министр, рабочий и солдат!

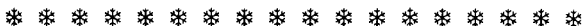
Должна быть вам троим видна
(Иль вам трех лет кровавых мало?)
Смерть, что распутна и жадна,
Зев гаубицы, сталь кинжала.
Из пасти смерти вырвав жало,
Живи, живой, живому рад!
Не я — вам это жизнь сказала,
Министр, рабочий и солдат!

Всё, всё в крови: вода, луна,
Трава, лампасы генерала.
В крови зеленая весна,
Сменила кровь вино бокала.
Кровь всё покрыла, захлестала.
Для крови нет уже преград.
У вас глаза сверкают ало,
Министр, рабочий и солдат!

Взгляните на себя сначала:
Не вами ль создан этот ад?
Долой войну! Долой Ваала,
Министр, рабочий и солдат!

Апрель 1917

БАЛЛАДА XVI

Жизнь человека одного —
Дороже и прекрасней мира.
Биеньем сердца моего
Дрожит воскреснувшая лира.
Во имя заключенья мира,
Во имя жизни торжества
Пускай из золота и сапфира
Пребудут вещие слова!

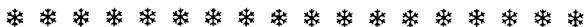
Да вспыхнет жизни торжество,
И да преломится рапира
От Бергена и до Каира,
От древнеперсидского Кира
И вплоть до человека Льва, —
Светлей счастливого Маира,
Пребудут вещие слова.

Всё для него, всё для него —
От мелкой мошки до тапира, —
Для человека, для того,
Кто мыслит: наподобье пира
Устроить жизнь, и вечно сирот
Живет, как птица, как трава...
Для светозарного эмпирея
Пребудут вещие слова.

Отныне в синеве эфира,
Волны святого волшебства...
И струй благоуханья миро
Пребудут вещие слова.

Апрель 1917

ГАТЧИНСКИЙ ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Тридцатый год в лицо мне веет
Веселый светлый майский день.
Тридцатый раз сиреневеет
В саду душистая сирень.

«Сирень» и «день»! — нет рифм банальней!
Милей и слаще нет зато!
Кто знает рифмы музыкальней
И вдохновенней — знает кто?!

«Сирень» и «день»! Как опьяненно
Звучите вы в душе моей!
Как я на мир смотрю влюбленно,
Пьян сном сиреневых кистей!

Пока я жив, пока я молод,
Я буду вечно петь сирень!
Весенний день горяч и золот,—
Виновных нет в весенний день!

31 мая 1917

К ШЕСТИЛЕТИЮ СМЕРТИ ФОФАНОВА

Как это так могло случиться,
Что мог он в мае умереть,
Когда всё жаждет возродиться
И соком жизненным кипеть?!

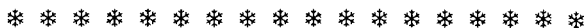
Певец весны, певец сирени,
И майских фей, и соловьев,
Чьей лиры струны так весенни.
Чей стих журчливее ручьев.

Как мог он, этот вешнепевец,
Как он сумел, как он посмел
Уйти от плещущих деревьев
И от кипящих маем тел?!

На скорбь живых обрек умерший,
На осень он весну обрек...
Что может быть больней и горше,
Чем умолканье вешних строк?!

Всё не могу я надивиться
И всё дивиться буду впредь:
Как это так могло случиться,
Что мог он в мае умереть?!

20 июня 1917

ПОЭЗА СТРОГОЙ ТОЧНОСТИ

Борису Верину

Искусство в загоне — сознаемся в этом!
Искусство затмила война.
Что делать в разбойное время поэту,
Поэту, чья лира нежна?

Дни розни партийной для нас безотрадны, —
Дни мелких, ничтожных страстей...
Мы так неуместны, мы так невпопады
Среди озверелых людей.

Мы так равнодушны к их жалким раздорам
И к их интересам мертвы.
Мы тянемся к рекам и к вольным просторам
И в шелковый шепот травы.

Мы искренне славим паденье престолов
Во имя свободы людской!
Но если и после царей вы в тяжелых
Раздорах, — мы машем рукой!

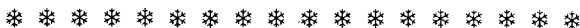
Союзник царизма для нас не союзник,
Как недруг царизма — не враг.
Свободный художник зачахнет, как узник,
Попав в политический мрак.

* * * * *

Нам пакостны ваши враждебные будни, —
Мы вечным искусством горим.
Вы заняты делом, а мы — только «трутни»,
Но званьем гордимся своим!

Отправьте ж искусство куда-нибудь к мифу:
Трещит от него материк!..
И кланяйтесь в пояс голодному тифу —
Диктатору ваших интриг!

13 июля 1917

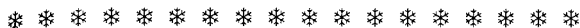
ПОЭЗА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

Не странны ли поэзовечера,
Бессмертного искусства карнавалы,
В стране, где «завтра» хуже, чем «вчера»,
Которой, может быть, не быть пора,
В стране, где за обвалами — обвалы?

Но не страшней ли этих вечеров
Идущие на них? Да кто вы? — дурни,
В разгар чумы кричащие: «Пиров!»,
Или и впрямь фанатики даров
Поэзии, богини всех лазурней!..

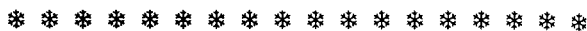
Поэт — всегда поэт. Но вы-то! вы!
Случайные иль чающие? Кто вы?
Я только что вернулся из Москвы,
Где мне рукоплескали люди-львы,
Кто за искусство жизнь отдать готовы!

Какой шампанский, искристый экстаз!
О, сколько в лицах вдохновенной дрожи!
Вы, тысячи воспламененных глаз, —
Благоговейных, скорбных, — верю в вас:
Глаза крылатой русской молодежи!

Я верю в вас, а значит — и в страну.
Да, верю я наперекор стихии,
Что вал растет, вздымающий волну,
Которая всё-всё сольет в одну,
А потому — я верю в жизнь России!..

Ноябрь 1917

ПРОМЕЛЬК

И в зле добро, и в добром злоба,
Но нет ни добрых, нет ни злых.
И правы все, и правы оба, —
Их правоту поет мой стих.

И нет ни шведа, ни японца,
Есть всюду только человек,
Который под ненужьем солнца
Живет свой жалкий полувек.

21 декабря 1917

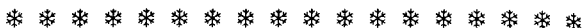
ПОЭЗА СКОРБНОГО УТЕШЕНИЯ

В холодную зиму голодного года
В разгромленной чернью стране,
Где злым произволом забита Свобода,
Ночами, в бессонницу, мне
Мучительно думать о горе народа,
О жутком — о близком к нам — дне.

И спросишь невольно: «Да полно, да горе ль,
И только ли горе одно,
Постигло страну? Не опустится ль вскоре
Поднятое бурей дно?
И разве не вспыхнет надежда во взоре
И солнце не взглянет в окно?

И разве не знали мы светлой победы,
Когда мы свергали царя?
На старых портретах не дрогнули деды,
За подвиги благодаря?
И только ли беды, суровые беды
Сулит нам на завтра заря?

При новых постройках опилки и мусор
Всегда неизбежны... Так что ж?

Найдется ли много глупцов или трусов,
Бросающих стройку? За грош
ЕЕ продающих? — Без стружек от бруса
Ты здания не возведешь!

Минуют, пройдут времена самосуда,
Убийц обуздает народ.
Поля позлатеют от хлебного гуда,
И песню живой запоет.
Я верю во время, как в лучшее чудо!
Я знаю, что Жизнь не умрет!

Декабрь 1917

ЭСТ-ТОЙЛА

За двести верст от Петрограда,
От станции в семи верстах,
Тебе душа поэта рада,
Селенье в ёловых лесах!

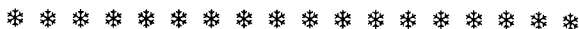
Там блекнут северные зори,
Чьи тоны близки к жемчугам.
И ласково подходит море
К головокружным берегам.

Как обольстительное пойло,—
Колдуйный не́ктар морефей,—
Влечет к себе меня Эст-Тойла
Волнами моря и ветвей.

Привет вам, шпроты и лососи,
И ра́кушки, и голоса,
Звучащие мне на откосе,—
Вы, милые мои леса!

Давно я местность эту знаю.
Ее я вижу часто в снах...
О сердце! к солнцу! к морю! к маю!
К Эст-Тойле в ёловых лесах.

7 января 1918

НАРВА

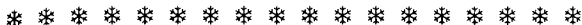
Я грежу Нарвой, милой Нарвой,
Я грежу крепостью ее,
Я грежу Нарвой — тихой, старой, —
В ней что-то яркое, свое.

О город древний! город шведский!
Трудолюбивый и простой!
Пленен твоей улыбкой детской
И бородой твоей седой.

Твой облик дряхлого эстонца
Душе поэта странно мил.
И твоего, о Нарва, солнца
Никто на свете не затмил!

Твоя стремглавая Нарова
Галопом скачет в Гунгербург.
Косится на тебя сурово
Завидующий Петербург.

Как не воспеть твою мне честность
И граждан дружную семью,
И славную твою известность,
И проституцию твою?

Она, как белая голубка,
Легка, бездумна и чиста!
О, добрый взгляд! О, лисья шубка!
О, некрасивых красота!

Январь 1918

ПОЧТАЛЬОН

То по шоссе, для шины колком,
То по тропинке через лен,
То утрамбованным проселком
Велосипедит почтальон.

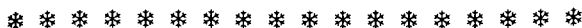
Он всем знаком. Он старый Перник.
Он служит здесь тридцатый год.
Письмо от Щепкиной-Куперник
Он мне в окно передает.

Я приглашаю на террасу
Его, усталого, зайти,
Чтоб выпить хересу иль квасу
И закусить в его пути.

Он входит очень деликатно
И подвигает стул к столу.
А море благостно-закатно,
Подобно алому стеклу.

Сосредоточенно и ровно
Он пьет токайское вино.
Что пишет мне Татьяна Львовна?
Но, впрочем, кажется, темно.

Январь 1918

У СОЛОГУБА

Жил Сологуб на даче Мэгар,
Любимый, старый Сологуб,
В ком скрыта магия и нега,
Кто ядовит и нежно-груб...

Так в Тойле прожил он два лета
На крайней даче, у полей
И кладбища, и было это
Житье мне многого милей.

Из Веймарна к нему приехать
Мне нравилось в рассветный час.
Когда, казалось мне, утеха
Искать в траве росы алмаз.

Я шел со станции, читая
Себе стихи, свозь холодок.
Душа пылала молодая,
И простудиться я не мог.

Я приходил, когда все спали
Еще на даче, и в саду
Бродил до полдня, и в опале
Тумана нюхал резеду...

Январь 1918

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

А вечерами маттиола
Нас опьяняла, как вино,
И строфам с легкостью Эола
Кружиться было суждено.

Ночами мы пикниковали,
Ловили раков при костре,
Крюшон тянули, и едва ли
В постель ложились на заре...

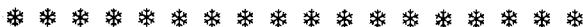
Второе лето на курорте
И я с ним вместе проводил.
То были дни, когда о торте
И сам кондитер не грустил...

Когда проехаться в вагоне
Еще ребенок рисковал,
Когда Негг * Брюкман в пансионе
Вино открыто продавал...

* Господин (нем.).

* * * * *
День стоил не бумажек тридцать,
А три серебряных рубля,
Что могут ныне появиться
Лишь разве в замке короля!..

Январь 1918

БЫЛОЕ

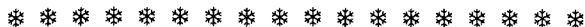
Он длится, терпкий сон былого:
Я вижу каждую деталь,
Незначащее слышу слово,
К сну чуток, как в руке — рояль.

Мила малейшая мне мелочь,
Как ни была б она мала.
Не Дельвигу ли Филомела,
Чуть осязаемая, мила?

Люба не Пушкину ли няня?
И не Мюссе ль — перо Жорж Санд?
Не маргаритка ли — поляне?
И не горошку ль — столбы веранд?

Всё незначительное нужно,
Чтобы значительному быть.
Былое так головокружно!
Былого не могу забыть!

Январь 1918

ФЕВРАЛЬ

Февраль к апрелю льнет фривольно,
Как фаворитка к королю,
Апрель, смеясь самодовольно,
Щекочет нервы февралю.

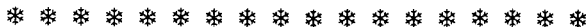
Ночами снежно-голубыми
Мечтает палевый февраль,
Твердя весны святое имя,
О соловье, влекущем вдаль...

Дымящиеся малахиты
(Не в море ль в теплом феврале?),
Сокрыв прибрежные ракиты,
Ползут и тают в блеклой мгле.

Снег оседает. Оседая,
Он бриллиантово блеснит.
И на него сосна седая
Самоуверенно глядит.

Осядет снег. Седые кудри
Смахнет бессмертная сосна.
Я слышу дрожь в февральском утре:
О, это вздрогнула весна!

1918

ПО ЭТАПУ

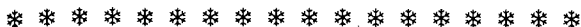
Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под арестом пробыв.
Неслась Нарова с диким воем,
Бег ото льда освободив.

В вагоне заперты товарном,—
Чрез Везенберг и через Тапс,—
В каком-то забытии кошмарном,
Всё время слушали про «шнапс».

Мы коченели. Мерзли ноги.
Нас было дó ста человек.
Что за ужасные дороги
В не менее ужасный век!

Прощайте, русские уловки:
Въезжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.

18 марта 1918

В ХВОЙНОЙ ОБИТЕЛИ

И снова в хвойную обитель
Я возвращаюсь из Москвы.
Где вы меня не оскорбите
И не измучаете вы.

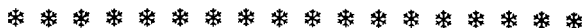
Вы, кто завистлив и бездарен,
Кто подло-льстив и мелко-зол.
Да, гений мудр и светозарен,
Среди бескрылых — он орел.

Как сердцу нестерпимо грустно
Сознаться в ёловой тени,
Что мало любящих искусство,
Но тем ценней зато они.

Среди бездушных и убогих,
Непосвященных в красоту,
Отрадно встретить их, немногих,
Кого признательно я чту.

Вы, изнуренные в тяжелых
Условиях жизни городской,
Ко мне придите: край мой ёлов,
В нем — красота, а в ней — покой.

23 марта 1918

МАРТ

Март — точно май: весь снег растаял;
Дороги высохли; поля
Весенний луч теплом измаял, —
И зеленеет вновь земля.

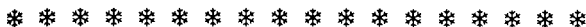
И море в день обезольдилось,
Опять на нем синее штиль;
Всё к созиданью возродилось,
И вновь зашевелилась пыль.

На солнце дров ольховых стопик
Блестит, как позлащенный мел,
И соловей — эстонский öörik —
Запеть желанье возымел...

Опять звенит и королеет
Мой стих, хоть он — почти старик!..
В закатный час опять алеет
Улыбка грустной Эмарик.

И ночь — Ночь Белая — неслышной
К нам приближается стопой
В сиреневой накидке пышной
И в шляпе бледно-голубой...

1918

УВЕРТЮРА К т. VIII

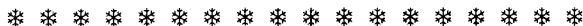
Весна моя! Ты с каждою весной
Всё дальше от меня — мне всё больнее...
И в ужасе молю я, цепenea,
Весна моя! Побудь еще со мной!

Побудь еще со мной, моя Весна,
Каких-нибудь два-три весенних года:
Я жизнь люблю! Мне дорога природа!
Весна моя! Душа моя юна!

Но чувствуя, что ты здесь ни при чем,
Что старости остановить не в силах
Ни я, ни ты, — последних лилий милых,
Весна моя, певец согрет лучом...

Взволнованный, я их беру в венок —
Твои стихи, стихи моего детства
И юности, исполненные девства, —
Из-под твоих, Весна, невинных ног.

Венок цветов — стихов наивный том —
Дарю тому, неизвестному, кто любит
Меня всего, кто злобой не огрубит
Их нежности и примет их в свой дом.

Надменно презираемая мной,
Пусть Критика пройдет в молчаньи мимо,
Не осквернив насмешкой — серафима,
Зовущегося на земле *Весной*.

4 апреля 1918

НОРВЕЖСКИЕ ФИОРДЫ

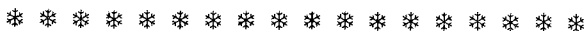
Я — северянин, и фиорды
Норвежские — моя мечта,
Где мудро, просто, но и гордо
Живет Царица Красота.

Лилово-стальные заливы
В подковах озерносных гор;
В них зорь полярных переливы,
Меж сосен белой розы взор.

И синеглазые газели,
Чьи игры созерцает лось,
Устраивают карусели,
Где с серым синее слилось...

Там тишина невозмутима,
И только гордый орлий клич
Ласкает ухо пилигрима,
Способного его постичь...

1918

У МОРЯ

Финляндский ветер с моря дует —
Пронзительно холодный норд —
И зло над парусом колдует,
У шлюпки накрывая борт.

Иду один я над отвесным
Обрывом, видя волн разбег,
Любуясь изросно-телесным
Песком. Всё зелено — и снег!..

Покрыто снегом всё подскалье
От самых гор и до песка.
А там, за ним, клокочет далью
Всё та же синяя тоска...

Зеленый верх, низ желто-синий,
И промежутки хладно-бел;
Пустыня впитана пустыней:
Быть в море небу дан удел.

1918

К МОРЮ

Полно тоски и безнадежья,
Отчаянья и пустоты,
В разгуле своего безбрежья,
Безжалостное море, ты!

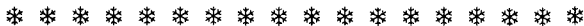
Невольню к твоему унынию
Непостижимое влечет
И, упоая очи синью,
Тщетою сердце обдает.

Зачем ты, страшное, большое,
Без тонких линий и без форм?
Владеет кто твоей душою:
Смиранный штиль? свирепый шторм?

И не в тебе ли мой прообраз —
Моя загадная душа,
Что вдруг из беспричинно доброй
Бывает зверзче апаша?

Не то же ли и в ней унынье
И безнадежье, и тоска?
Так влейся в душу всею синью:
Она душе моей близка!

1918

СИНЕЕ

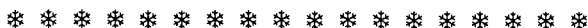
Сегодня ветер, беспокоясь,
Взрывается, как динамит,
И море, как товарный поезд,
Идущий тяжело, шумит.

Такое синее, как небо
На юге юга, как сапфир.
Синее цвета и не требуй:
Синей его не знает мир.

Такое синее, густое,
Как ночь при звездах в декабре.
Такое синее, такое,
Как глаз газели на заре.

«Синее нет, — так на осине
Щебечут чуткие листы. —
Как василек ты, море, сине!
Как небеса, бездонно ты!»

1918

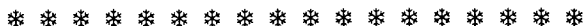
BERCEUSE * СИРЕНИ

Когда сиреневое море, свой горизонт
офиолетив,
Задремлет, в зеркале вечернем луну лимонно
отразив,
Я задаю вопрос природе, но, ничего мне
не ответив,
В оцепененьи сна блистает, и этот сон
ее красив.

Ночь, белой лилией провеяв, взлетает, точно
белый лебедь,
И исчезает белой феей, так по-весеннему
бела,
Что жаждут жалкую планету своею музыкой
онебить,
Бряцающая золотом восхода, румяные колокола.

Все эти краски ароматов, всю филигранность
настроений
Я ощущаю белой ночью у моря, спящего
в стекле,

* Колыбельная (фр.).

Когда, не утопая, тонет лимон луны в его
сирени
И, от себя изнемогая, сирень всех нежит
на земле.

1918

Ю.

ЧАРЫ СОЛОВЬЯ

Но соловей не величавей
Меня, а все ж он — соловей,
Чья песнь посвящена дубраве
И первым трепетам ветвей!

В его бесцельном распеванье
Не больше смысла, чем в траве,
И все же в нем очарованье —
В ничтожном этом соловье!

И в пенье бестенденциозном
Не мудрость высшая ль видна?
Не надо вовсе быть серьезным,
Когда томит тебя весна!

Весной упиться всем уменьем
Души безразумной умей!
Так говорим волшебным пеньем
Тебе и я, и соловей!

1918

РЕЧОНКА

Меж Тойлою и Пюхаеги —
Ложбина средь отвесных гор.
Спускаясь круто к ней в телеге,
Невольно поднимаешь взор.

В ложбине маленькая речка —
В июле вроде ручейка —
(...О, речка, речка-быстротечка!)
Течет... для рачного сачка?!

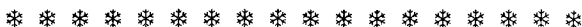
Уж так мала, уж так никчемна,
Что — для чего и создана?..
Но и в нее глядит надземно
Небрезгающая луна.

По ней двухлетняя девчонка
Пройдет, «не замочивши ног»...
Но эта самая речонка
Весной — бушующий поток!

Она внушительна в разливе,
Она слышна за три версты,
Она большой реки бурливей
И рушит крепкие мосты.

* * * * *
Тогда люблю стоять над нею
На сером каменном мосту:
Она бурлит — я пламенею,
В ней славословя Красоту!

1918

ИНТЕРМЕЦЦО

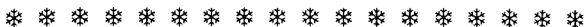
Чаруют разочарованья
Очарованием своим...
Культурные завоеванья
Рассеиваются, как дым...

Обвеяны давно минувшим
Им орошенные мечты,
Минувшим, ласково прильнувшим
К мечтам, больным от пустоты...

Неизъяснимые волненья
Поят болеющею грудь...
На нежном пляже вдохновенья
Так несказанно — отдохнуть!..

Непостижимые желанья
Овладевают всей душой...
Чаруют разочарованья
Очарованья пустотой...

1918

РАЗБОР СОБРАТЬЕВ

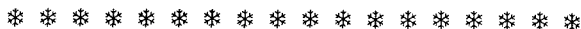
Разбор собратьев очень труден
И, согласитесь, щекотлив:
Никто друг другу неподсуден,
И каждый сокровенным жив...

Но не сказать о них ни слова —
Пожалуй, утаить себя...
Моя душа сказать готова
Всё, беспристрастье возлюбя.

Тем мне простительней сужденье
О них, что часто обо мне
Они твердят — без снисхожденья,
Не без пристрастия вполне...

Я Пушкиным клянусь, что святы
Характеристики мои,
Что в них и тени нет расплаты
За высмеянные стихи!

1918

СТИХИ И. ЭРЕНБУРГА

В дни пред паденьем Петербурга —
В дни пред всемирною войной —
Случайно книжка Эренбурга
Купилась где-то как-то мной.

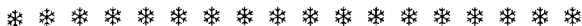
И культом ли католицизма,
Жеманным ли слегка стихом
С налетом хрупкого лиризма,
Изящным ли своим грехом, —

Но только книга та пленила
Меня на несколько недель:
Не шрифт, казалось, не чернила,
А — тонко-тонная пастель...

Прошли лета. Кумиры ниже
Склонились, я — достиг вершин:
Мне автор книгу из Парижа
Прислал в обложке *crêpe de chine* *.

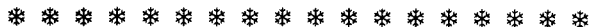
Она была, должно быть, третьим
Его трудом, но в ней, увы,
Не удалось того мне встретить,
Что важно в небе, — синевы.

* Крепдешин (фр.).

И нет в ней сладостного ига,
Померкла росная краса...
Мне скажут: «Небеса — не книга».
Пусть так, но книга — небеса!..

1918

ВАСИЛИЮ КАМЕНСКОМУ

Да, я люблю тебя, мой Вася,
Мой друг, мой истинный собрат,
Когда, толпу обананася,
Идешь с распятия эстрад!

Тогда в твоих глазах дитяти —
Улыбчивая доброта,
И утомленье от «распятий»,
И, если хочешь, красота...

Во многом расходясь с тобою,
Но ничего не осудя,
Твоею юнью голубою
Любуюсь, взрослое дитя!

За то, что любишь ты природу,
За то, что веет жизнь от щек
Твоих, тебе слагаю оду,
Мой звонкоструйный *Журчеек!*

1918

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Нежны́ berceuse'ные * рессоры —
Путь к дорожному «кабаку».
В нем наша встреча — после ссоры —
Меж наших вечеров в Баку.

Я пил с армянским миллионером
Токай, венгерское вино.
В дыму сигар лилово-сером
Сойтись нам было суждено.

Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет
Вошли Вы, тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.

И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот —
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!

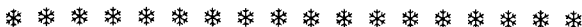
О, Вы меня не осудили
За дерзкие мои слова, —
И вновь певцу лесных идиллий
Жизнь драгоценна и нова!

* «Колыбельные» (от фр. berceuse — колыбельная).

Я извиняюсь перед Вами,
Собрат, за вспыльчивость свою,
И мне подвластными стихами
Я Вас по-прежнему пою!

1918

БРЮСОВ

Никем не превзойденный мастер.
Великий ритор и мудрец.
Светило ледовитой страсти. ~~за~~
Ловец всех мыслей, всех сердец.

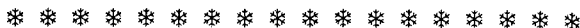
Разламывающая сила
Таится в кованных стихах.
Душа рассудок научила
Любить, сама же впала в прах.

И оттого — его холодность:
Душа, прошедшая сквозь ум,
Его бесспорная надмодность
Не столь от чувства, сколь от дум.

Великий лаборант, он каждый
Порыв усвоил и постиг.
Он мучим неизбывной жаждой
Познания всех вселенских книг.

В нем фокус всех цветов и светов
И ясной мысли торжество.
Он — президент среди поэтов.
Мой царский голос за него.

1918

БАЛЬМОНТ

Его стихи — сама стихия.
Себе бессмертье предреша,
Свершает взлеты огневые
Его стихийная душа.

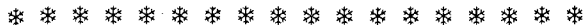
Он весь поэт, поэт великий.
В нем голоса́ всего и всех.
Неуловимый лик столичный
Отображает свет и грех.

Он ощущает каждый атом,
И славословит солнце он.
То серафимом, то пиратом
Является хамелеон.

Но вместе с тем он весь из дюжин
Томов составленный своих,
Мне не желанен и не нужен:
Я не люблю Бальмонта стих.

Есть что-то приторное в книгах
Его, что слаще голубей...
И Фофанов в своих веригах,
В своих лохмотьях — мне любей!

1918

СОЛОГУБ

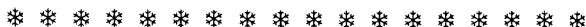
Какая тающая нежность!
Какая млеющая боль!
Что за чеканная небрежность!
Что за воздушная фиоль!

Он весь из сладостного вздоха,
Он весь — безгрешное дитя...
Плохое у него не плохо,
И темное поет, блестя...

Изысканнейший рисовальщик.
Провидец существа людей.
Он — чарователь, чаровальщик,
Чарун, он — чарник, чародей.

Так пой же, пой же нам, фиоль же,
Струи свой ароматный свет!
Такой поэт, каких нет больше:
Ут́онченной, чем тонкий Фет.

1918

А. К. ТОЛСТОЙ

Л. М. Ухтомской

Граф Алексей Толстой, чье имя
Звучит мне юностью моей
И новгородскими сырыми
Лесами в густоте ветвей;

Чей чудный стих вешне-березов
И упоенно-соловьист,
И тихий запад бледно-розов;
И вечер благостно-росист;

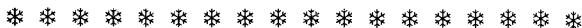
Он, чьи напевы удалые —
Любви и жизни торжество;
Чья так пленительна Мария
И звонко-майно «Сватовство».

Он, чье лицо так благородно,
Красиво, ясно и светло;
Чье творчество так плодородно
И так роскошно расцвело, —

Ему слагаю, благодарный,
Восторженные двадцать строк:
Его напев великодарный —
Расцвета моего залог!

1918

ЭЛЕГИЯ ИЗГНАНИЯ

В моем добровольном изгнании
Мне трудно представить, что где-то
Есть мир, где живут и мечтают,
Хохочут и звонко поют.
Да полно! не только ль мечтанье —
Соблазны культурного света?
Не всюду ли жизнь проживают,
Как я в заточении тут?

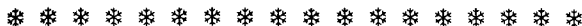
И разве осталась культура,
Изыски ее и выборы,
Утонченные ароматы
Симфоний, стихов и идей?
И разве полеты Амура
Ткут в воздухе те же узоры?
И разве мимозы не смяты
Стопой озверелых людей?

Вот год я живу, как растение,
Спасаясь от ужасов яви,
Недавние переживанья
Считая несбыточным сном.

Печально мое заточенье,
В котором грущу я по славе,
По нежному очарованью
В таком еще близком былом...

Октябрь 1918

ОПЯТЬ ВДАЛИ

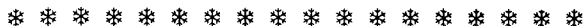
И вот опять вдали Эст-Тойла
С лазурью волн, с ажурью пен.
Конь до весны поставлен в стойло, —
Я снова взят столицей в плен!

Я негодную, протестую,
Но, внемля хлебному куску,
Я оставляю жизнь простую,
Вхожу в столичную тоску.

О, как мучительно, как тонко
Моя душа оскорблена!..
...Проходит тихая эстонка,
В чьих косах рожь, лён и луна.

Идет — Альвина или Лёйла —
Береговою крутизной.
Идет века. Прости, Эст-Тойла,
И жди меня во влажный зной!

1918

ПОРА БЕЗЖИЗНИЯ

Кончается сентябрь, бесснежный
и туманный.

Один день — изморозь, тепло и дождь —
другой.

Безлистый лес уснул гнилой и безуханный,
Бесцветный и пустой, скелетный и нагой.

На море с каждым днем всё реже полотенца:
Ведь осень, говорят, неряха из нерях...
И ходят две сестры — она и инфлюэнца,
Две девы старые, — и топчутся в дверях.

Из скромных домиков их гонят: кто —
дубиной,
Кто — жаркой банею, кто — ватным армяком;
Кто подогадливей, их просто гонит хиной,
Легко тягающейся с крепким тумакom.

Пора безжизния!.. И даже ты, телега,
Не то ты ленишься, не то утомлена...
Нам грязь наскучила. Мы чистого ждем
снега.

В грязи испачкала лицо свое луна...

Октябрь 1918

ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА

Моя двусмысленная слава
Двусмысленна не потому,
Что я превознесен неправо,
Не по таланту своему, —

А потому, что явный вызов
Условностям — в моих стихах
И ряд изысканных сюрпризов
В капризничаящих словах.

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешенье-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали «pastilles»! *

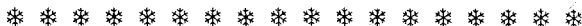
Неразрешимые дилеммы
Я разрешал, презрев молву.
Мои двусмысленные темы —
Двусмысленны по существу.

* Пилюли (фр.).

Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон, —
Ведь я лирический ироник:
Ирония — вот мой канон.

1918

ВОЗРОЖДЕНИЕ

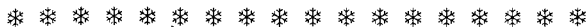
Величье мира — в самом малом.
Величье песни — в простоте.
Душа того не понимала,
Нерáспятая на кресте.

Теперь же, после муки крестной,
Очищенная, возродясь,
Она с мелодией небесной
Вдруг обрела живую связь.

Освободясь от исхищрений
Когтистой моды, ожил стих —
Питомец чистых вдохновений
И вешних радостей живых.

И вот потек он ручейково,
Он бьет струной поверх запруд.
И нет нигде такой оковы
Зальдить ручей — мой вольный труд!

1918

ВСЕПРИЕМЛЕМОСТЬ

Одно — сказать: «Все люди правы».
Иное — оправдать разбой.
Одно — искать позорной славы.
Иное — славы голубой.

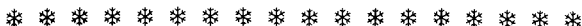
Холопом называть профана
Не значит: брата — «мужиком».
Я, слившийся с природой рано,
С таким наречьем незнаком...

Любя культурные изыски
Не меньше истых горожан,
Люблю все шорохи, все пiski
Весенних лесовых полян.

Любя эксцессные ликеры
И разбираясь в них легко,
Люблю зеленые просторы,
Дающие мне молоко.

Я выпью жизнь из полной чаши,
Пока не скажет смерть: «Пора!»
Сегодня — гречневая каша,
А завтра — свежая икра!..

1918

РЕСКРИПТ КОРОЛЯ

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

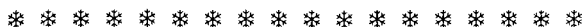
Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам.

Я так велик и так уверен
В себе, настолько убежден,
Что всех прощу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.

В душе — порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран королем поэтов, —
Да будет подданным светло!

1918

ЛИКЕР ИЗ ВЕРВЕНЫ

Ликер из вервены — грёзэрки ликер,
Каких не бывает на свете,
Расставил тончайшие сети,
В которые ловит эстетов — Амор
Искусно.

Луною наполнен сомнамбул фужер
И устричным сердцем, и морем.
И тот, кто ликером аморим,
Тому орхидейное нежит драже
Рот вкусно.

Уста и фужер сетью струн сплетены,
При каждом глотке чуть звенящих,
Для нас — молодых, настоящих, —
Для нас, кто в Сейчас своего влюблены
Истому.

Лишь тот, кто отрансен, блестящ, вдохновен,
Поймет тяготенье к ликеру,
Зовущему грезы к узору,
К ликеру под именем Crème de verveine —
Больному.

Январь 1918

БЕЛЫЙ ТРАНС

Ночью, вервеной ужаленной,—
Майскою, значит, и белой,—
Что-нибудь шалое делай,
Шалью моею ошаленный.

Грезь о луне, лишь намекнутой,
Но не светящей при свете
Ночи, невинной, как дети,
Грешной, как нож, в сердце воткнутой.

Устрицы, острые устрицы
Ешь, ошаблив, олимонив,
Грезы, как мозгные кони,
Пусть в голове заратустрятся.

Выплыви в блеклое, штильное
Море, замлевшее майно.
Спой, опьяневши ямайно,
Что-нибудь белое, стильное...

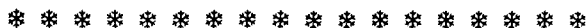
Январь 1919

ЧАРЫ ЛЮЧИНЬ

Лючинь печальная читала вечером
 ручьи́сто-вкрадчи́во,
 Так чутко чувствуя журчащий вычурно чужой
 ей плач,
 И в человечестве чтя нечто вечнее, чем чушь
 Боккаччио,
 От чар отчаянья кручинно-скучная, чла час
 удач.

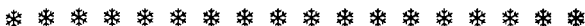
Чернела, чавкая чумазой нечистью, ночь
 бесконечная,
 И челны чистые, как пчелки-птенчики
 безречных встреч,
 Чудили всячески, от качки с течами
 полоувечные,
 Чьи очи мрачные из чисел чудную чеканят
 речь.

Чем — чайка четкая — в часы беспечные
 мечтой пречистою
 Отлично-честная Лючинь сердечная лечила
 чад,

Порочных выскочек? Коричне-глетчерно
кричит лучистое
В качалке алчущей Молчанье чахлое, влача
волчат...

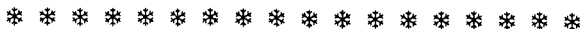
Январь 1918

РОНДЕЛЬ XV

Ее веселая печаль,
Ее печальная веселость...
Саней задернутая полость,
И теплая у губ вуаль.
Какая тяга в зовы миль!
Какая молодая смелость!
В душе — веселая печаль,
В душе — печальная веселость.
В мечтах — кабинки, пляж, Трувиль.
Вокруг — зимы нагая белость.
В устах — коралловая адость.
В ушах — весенняя свирель.
В глазах — веселая печаль.

Январь 1919

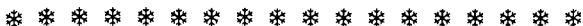
· РОНДО XX

Пока не поздно, дай же мне ответ,
Молю тебя униженно и слезно,
Далекая, смотрящая мимозно:
Да или нет? Ответ — да или нет?
Поэзно «да», а «нет» — оно так прозно!

Слиянные мечты, но быются розно
У нас сердца: тускнеет в небе свет...
О, дай мне отзвук, отзнак, свой привет,
Пока не поздно.

Ты вдалеке. Жизнь превратилась в бред.
И молния, и гром грохочет грозно.
И так давно. И так десятки лет.
Ты вдалеке, но ты со мною грезно.
Дай отклик мне, пока я не скелет,
Пока не поздно!..

Январь 1919

СОНЕТ XXX

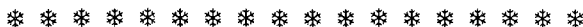
Петрарка, и Шекспир, и Бутурлин
(Пусть мне простят, что с гениями рядом
Поставил имя, скромное парадом...)
Сонет воздвигли на престол вершин.

Портной для измерения взял аршин.
Поэт окинул нео-форму взглядом
И, напивав ее утопий ядом,
Сплел сеть стихов для солнечных глубин.

И вот, сонета выяснив секрет,
Себе поэты выбрали сонет
Для выраженья чувств, картин, утопий.

И от Петрарки вплоть до наших дней
Сонет писали тысячи людей —
Оригинал, ты потускнел от копий!..

Январь 1919

КВИНТИНА II

Моя земля! любовью ты жива!
Моя любовь! ты вскормлена землею!
Ты каждый год по-вешнему нова!
Сверкающие утренней зарею
Пою тебе хвалебные слова!

О, что за власть имеют те слова,
Которые излучены зарею!
Земная жизнь! да будь всегда жива!
Земная страсть! да будь всегда нова!
Бессмертно будь, рожденное землею!

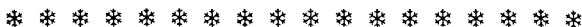
Я создан сам цветущею землею,
И только ею грудь моя жива.
Я вдохновляюсь юною зарею,
Шепчу в восторге нежные слова.
Так: жизнь земли всегда душе нова.

И ты, моя любимая, нова,
Когда щебечешь чарные слова,
Дарованные млеющей землею.
К тебе любовь бессмертная жива,
Она сияет майскою зарею.

О, наслаждайтесь красочной зарею
И славословьте жизнь: она нова!
Творите вдохновенные слова!
И пусть планета, что зовут Землею,
Пребудет ввек прекрасна и жива!

Январь 1919

КВИНТИНА IV

Любовь приходит по вечерам,
А на рассвете она уходит.
Восходит солнце и по горам,
И по долинам лучисто бродит.
Лучи наводит то здесь, то там.

Мир оживает то здесь, то там,
И кто-то светлый по миру бродит.
Утрами бродит, а к вечерам
Шлет поцелуи лесам, горам
И, миротворя весь мир, уходит.

Уходят годы, и век уходит.
И что звучало по вечерам,
Забыто к утру. Лишь Память бродит,
Как привиденье, то здесь, то там,
Да волны моря бегут к горам.

Нам надоели низы, — к горам
Мы устремились: ведь солнце там!
А вечерами оно уходит...
Тогда обратно: по вечерам
Уходит Яркость и Нежность бродит.

Пока мы юны, пока в нас бродит
Кровь огневая, спешим к горам:
Любовь и Солнце мы встретим там!
Пусть на закате *оно* уходит,
Она приходит по вечерам...

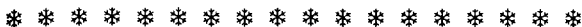
Январь 1919

ЛЭ ІЦ

Покаран мир за тягостные вины
Свои ужаснейшей из катастроф:
В крови людской цветущие долины,
Орудий шторм и груды мертвецов,
Развал культуры, грозный крах науки,
Искусство в угнетеньи, слезы, муки,
Царь Голод и процессии гробов.

Царь Голод и процессии гробов,
Пир хамов и тяжелые кончины,
И притеснение солнечных умов,
И танки, и ньюпор, и цеппелины,
И дьявол, учредивший фирму Крупп,
Испанская болезнь, холера, круп —
Всё бедствия, притом не без причины...

Всё бедствия, притом не без причины:
От деяний, от мыслей и от слов.
Еще порхают ножки балерины,
Еще не смолкли ветерки стихов,
Еще звучат цветения сонат,
Еще воркуют сладко адвокаты, —
А мир приять конец уже готов.

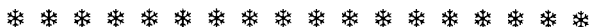

Да, мир приять конец уже готов
В когтях нечеловеческой кручины,
Пред судным ликом массовых голгоф
И пред разверстой пропастью трясины.
Но жизнь жива, и, значит, будет жив
И грешный мир — весь трепет, весь порыв!
Он будет жить, взнесенный на вершины!

Он будет жить, взнесенный на вершины,
В благоуханном шелесте дубров,
В сияньи солнца, в звуках мандолины,
В протяжном гуле северных ветров,
В любви сердец, в изнежи малины.
В симфониях и в меди четких строф.
Мир исполин, — бессмертны исполины!

Мир исполин, — бессмертны исполины!
Он будет до скончания веков
Самим собой: тенеты паутины
Ему не страшны — богу из богов!
Да здравствует вовек величье мира!
Да славит мир восторженная лира!
Да будет мир и радостен, и нов!

Да будет мир и радостен, и нов!
Греми, оркестр! Цветите, апельсины!
Пылай, костер! Я слышу жизни зов!

Перед глазами — чарные картины,
И дали веют свежестью морской.
Но помни впредь, безбожный род людской:
Покаран мир за тягостные вины.

Покаран мир за тягостные вины:
Царь Голод и процессии гробов —
Все бедствия, притом не без причины,
И мир приять конец уже готов.
Но будет жить, взнесенный на вершины,
Мир исполин, — бессмертны исполины!
Да будет мир и радостен, и нов!

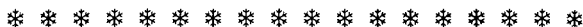
Январь 1919

РОНДЕЛЬ XVI

Люблю лимонное с лиловым:
Сирень средь лютиков люблю.
Лимон фиалками томлю,
Пою луну весенним словом:
Лиловым, лучезарным, новым!
Луна — подобна кораблю...
Люблю лиловое с лимонным:
Люблю средь лютиков сирень.
Мне так любовно быть влюбленным
И в ночь, и в утро, в вечер, в день,
И в полусвет, и в полутень,
Быть вечно жизнью восхищенным,
Люблю лиловое с лимонным...

1919

РОНДО XXI

Далёко-далёко, там за скалами сизыми,
Где веет пустынями неверный сирокко,
Сменяясь цветочными и грезными бризами,
Далёко-далёко,

Ильферна, бесплотная царица востока,
Ласкает взор путника восходными ризами,
Слух — арфой, вкус — негою бананного сока...

Потом испаряется, опутав капризами
Случайного странника, и он одиноко
Тоскует над брошенными ею ирисами —
Далёко-далёко!

1919

СЕКСТИНА XII

Любовь и страсть! Страсть и любовь.

Валерий Брюсов

Страсть без любви — лишь похоть,
а не страсть.

Любовь без страсти просто безлюбовье.
Как в страстный бред без нежности упасть?
Без чувства как озноить хладнокровье?
Как власть любви сменить на страсти власть
Без огневзорья и без огнесловья?

Горячими тропами огнесловья
Идет всегда безрзумная страсть.
Сладка ее мучительная власть,
И перед ней, в испуге, безлюбовье
Шарахнется, и, съежась, хладнокровье
Сторонится, чтоб, в страхе, не упасть.

Как счастлив тот, кто может в страсть упасть,
Скользя в нее лавиной огнесловья,
В зной претворяя сердца хладнокровье,
В нее, в засасывающую страсть.
Ах, перед тем бессильно безлюбовье:
Власть безлюбовья — призрачная власть.

Лишь власть любви есть истинная власть,
 И этой власти вечно не упасть,
 Пусть временно и тленно безлюбовье,
 Но где цветет кострами огнесловье,
 Где соловьем рулящая страсть,
 Там кровь жарка, — пусть мертвым
 хладнокровье.

Эмблема смерти — это хладнокровье,
 И ледовита хладнокровья власть.
 Как на катке, опасно там упасть.
 Тех не вернет живительная страсть
 Вновь к жизни эликсиром огнесловья,
 Нелюбящему — лёдник безлюбовья.

Будь скопческое клято безлюбовье
 И ты, его наперсник, хладнокровье!
 Будь жизненное славно огнесловье!
 Прославься ты, единственная власть,
 Под игом чьим отрадно мне упасть, —
 Страсть и любовь! и вновь — любовь
 и страсть!

1919

* * * * *

ПОЭЗА ДУШЕВНОЙ БОЛИ

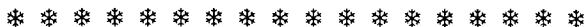
Из тусклой ревельской газеты,
Тенденциозной и сухой,
Как вы, военные галеты,
А следовательно — плохой,

Я узнаю о том, что в мире
Идет по-прежнему вражда,
Что позабыл весь мир о мире
Надолго или навсегда.

Всё это утешает мало
Того, в ком тлеет интеллект,
Язык богов земля изгнала,
Прияла прозы диалект.

И вот читаю в результате,
Что арестован Сологуб,
Чье имя в тонком аромате
И кто в словах премудро-скуп;

Что умер Леонид Андреев,
Испив свой кубок не до дна,
Такую высь мечтой прорезав,
Что межпланетьем названа;

Что Собинов погиб от тифа
Нелепейшею из смертей,
Как яхта радости — от рифа,
И как от пули — соловей;

Что тот, чей пыл великолепен
И дух как знамя водружен,
Он, вечно юный старец Репин,
В Финляндии заголовен.

Довольно и таких известий,
Чтоб сердце дало перебой,
Чтоб в благодатном этом месте
Стал мрачным воздух голубой.

Уходят вы, могикане,
Последние, родной страны...
Грядущее — оно в тумане...
Увы, просветы не видны...

Ужель я больше не увижу
Родного Федор Кузьмича?
Лицо порывно не приближу
К его лицу, любовь шепча?

Тогда к чему ж моя надежда
На встречу, после тяжких лет?
Истлей, последняя одежда!
Ты, ветер, замети мой след!

В России тысячи знакомых,
Но мало близких. Тем больней,
Когда они погибли в громах
И молниях проклятых дней.

1919

ПОЭЗА МОИХ НАБЛЮДЕНИЙ

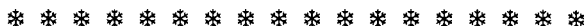
Я наблюдал, как день за днем
Грубела жизнь, и вот огрубла.
Мир едет к цели порожнем,
Свои идеи спрятав в дупла.

Я наблюдал — давно! давно!
За странным тяготеньем к хамству,
Как те, кому судьбой дано
Умение мыслить, льнут к бедламству.

Я наблюдал, как человек
Весь стервенеет без закона,
Как ловит слабых и калек
Пасть легендарного дракона.

Я наблюдал, — во всем, везде, —
Восторги перед силой грубой,
И как воскрылие к звезде
Задерживалось тяжелой шубой...

Я наблюдал, как вечный зверь
Младенца грыз, прокравшись в ясли...
Зверели люди, и теперь
В их душах светочи погасли...

Чего ж ты ждешь, пророк Илья?
Греми из всех своих орудий!
Не люди — люди, или я —
Не человек, раз люди — люди!

1919

ПИСЬМО

Отчаянье и боль мою пойми,—
Как передать мне это хладнокровно? —
Мужчины, переставши быть людьми,
Преступниками стали поголовно.

Ведь как бы человека ни убить,
Притом в какие б роли ни рядиться,
Поставив лозунг: «Быть или не быть»,—
Убивший все равно всегда убийца.

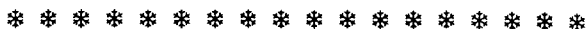
Разбойник ли, насильник, патриот,
Идейный доброволец, подневольный
Простой солдат — ах, всякий, кто идет
С оружием, чтоб сделать брату больно.

Чтоб посягнуть на жизнь его — палач,
Убийца и преступник, вечный Каин!
Пускай всю землю оглашает плач
С экватора до полюсных окраин...

Какие ужасающие дни!
Какая смертоносная отрава!..
Отныне только женщины одни
Людьми назваться получают право...

1919

0101

ПОЭЗА ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Правительство, когда не чтит поэта
Великого, не чтит себя само
И на себя накладывает veto
К признанию и срамное клеймо.

Правительство, влекущее в строй армий
Художника под пушку и ружье,
Напоминает повесть о жандарме,
Предавшем палачу дитя свое.

Правительство, лишившее субсидий
Писателя, вошедшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нем к себе вражду.

Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчеканив яркий нимб цезурой,
Я хлестко отчеканиваю власть.

А общество, смотрящее спокойно
На притеснение гениев своих,
Вандального правительства достойно,
И не мечтать ему о днях иных...

1919

ЛЮДИ ЛИ ВЫ?..

Жизнь догорает... мир умирает...
 Небо карает грешных людей.
 Бог собирает и отбирает
 Правых от грешных, Бог — чудодей.

Всюду ворчанье, всюду кричанье,
 Всюду рычанье, — люди ли вы?
 Но в отвечанье слышно молчанье:
 Люди — как тигры! люди — как львы!

Все друг на друга: с севера, с юга, П
 Друг и подруга — все против всех!
 Нет в них испуга, в голосе — выюга,
 В сердце преступность, в помыслах грех...

Полно вам, будет! Бог вас рассудит,
 Бог вас очудит: клетот орла
 Мертвых пробудит, грешников сгрудит,
 Верить понудит: смерть умерла!

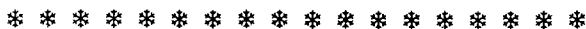
1919

ЛЭ VI

Под новый год кончается мой труд —
Двенадцатая книга вдохновений,
Ее снега событий не затрут
На перепутьях новых откровений.
Я верю: девятьсот двадцатый год
Избавит мир от всех его невзгод,—
Ведь он идет, как некий светлый гений.

Ведь он идет, как некий светлый гений,
Походкой ровной, совершит свой суд,
Свой правый суд, где чудо воскресений,
Над теми, кто со злобой крест несут.
Закончится всем злым и добрым проба,—
Он идеалы выведет из гроба,
И вновь поля и чувства зацветут.

И вновь поля и чувства зацветут.
Исчезнет голод мысли и растений,
Вновь заиграет злаков изумруд,
Зазолотится урожай осенний,
И станет снова сытым человек
И телом, и душой. Растает снег,
Лишь заблестит светила луч весенний.

Лишь заблестит светила луч весенний,
Начнется пляска радостных минут.
Среди кустов черемух и сиреней
Вновь соловьи разливно запоют.
Придет любовь из своего изгнания,
Вернется об руку с Искусством Знание, —
Все обновленной жизнью заживут.

Все обновленной жизнью заживут,
Без злобы, без убийства и без лени:
И не орудий будет слышен гуд,
А гуд труда, любви и наслаждений.
О, верьте, верьте: эти дни придут,
Дни музыкально-ласковых мгновений...
О эти дни! вы — близко, рядом, тут!

О эти дни! вы — близко, рядом, тут!
Я в настроены ваших настроений.
Вы влиты в обрильянченный сосуд —
Сосуд чудес, пророчеств и видений.
Да, смерть умрет! Да, жизнь воскреснет

ВНОВЬ!

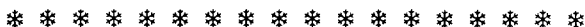
В своей душе ей место приготовь! —
Так повелел круговорот свершений.

Так повелел круговорот свершений!
Он предназначен, властен, мудр и крут,
В его вращеньи нет ни отклонений,
Ни замедлений, ни преград, ни пут.
Под вечным знаком предопределенья,
С душой, познавшей таинства прозренья,
Под новый год кончается мой труд.

Под новый год кончается мой труд, —
Ведь он идет, как некий светлый гений!
О, вновь поля и чувства зацветут,
Лишь заблестит светила луч весенний!
Все обновленной жизнью заживут!
О эти дни! вы — близко, рядом, тут!
Так повелел круговорот свершений.

1919

СОНЕТ

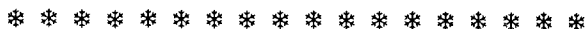
Вселенная — театр. Россия — это сцена.
Европа — ярусы. Прибалтика — партер.
Америка — «раек». Трагедия — «Гангрена».
Актеры — мертвецы. Антихрист их премьер.

Но сцена им мала: обширная арена —
Стремление их. Они хотят безгранных сфер,
Чтоб на губах быков окровенела пена,
Чтоб в муках исходил извечный Агасфер!

О зритель, трепещи! от бешеных животных,
Ужасных в ярости, от мертвецов бесплотных
И смертью веющих — преградой лишь
барьер.

Вот-вот не выдержать их дикого напора, —
И в чем тогда твоя последняя опора?
— Строй перед цирком храм объединенных
вер!

1919—1920

ПОЭЗА ОТЧАЯНЬЯ

Я ничего не знаю, я ни во что не верю,
Больше не вижу в жизни светлых ее сторон.
Я подхожу сторожко к ближнему, точно
к зверю.
Мне ничего не нужно. Скучно. Я утомлен.

Кто-то кого-то режет, кто-то кого-то душит.
Всюду одна нажива, жульничество и ложь.
Ах, не смотрели б очи! ах, не слыхали б уши!
Лермонтов! ты ль не был прав: «Чем этот мир
хорош?»

Мысль, даже мысль продажна. Даже любовь
корыстна.
Нет воплотимой грезы. Всё мишура, всё прах.
В жизни не вижу счастья, в жизни не вижу
смысла.
Я ощущаю ужас. Я постигаю страх. ночь

Апрель 1920

СОНЕТ БАЛЬМОНТУ

(9—11 июля в Ревеле)

В гирляндах из ронделей и квинтин,
Опьянены друг другом и собою
В столице Eesti *, брат мой Константин,
На три восхода встретились с тобою.

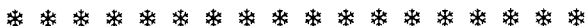
Капризничало сизо-голубою
Своей волною море. Серпантин
Поэз опутал нас. Твой «карантин»
Мы развлекли веселою гульбою...

Так ты воскрес. Так ты покинул склеп,
Чтоб пить вино, курить табак, есть хлеб,
Чтоб петь, творить и мыслить бесконтрольно.

Ты снова весь пылаешь, весь паришь
И едешь, как на родину, в Париж,
Забыв свой плен, опять зажить корольно.

11 сентября 1920

* Эстония (эст.).

ПОЭЗА К СМЕРТИ

Именем Божьим тебе запрещаю войти
В дом, где Господь повелел жизни жить
и цвести,
Именем Божьим тебе запрещаю я, смерть!

Мало ли места тебе на обширной земле —
В стали кинжальной и в пушечном емком
жерле?
Именем Божьим тебе запрещаю я, смерть!

Эй, проходи, проститутка! Не стой у дверей!
Льдяным дыханьем своим дом поэта не грей!
Именем Божьим тебе запрещаю я, смерть!

1920—1921

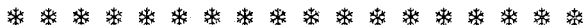

ПОЭЗА О СТАРЫХ РАЗМЕРАХ

О вы, размеры старые,
Захватанные многими,
Банальные, дешевые,
Готовые клише!
Звучащие гитарою,
И с рифмами убогими —
Прекраснее, чем новые,
Простой моей душе!

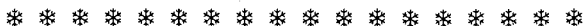
Вы были при Державине,
Вы были при Некрасове,
Вы были при Никитине,
Вы были при Толстом!
О, вы — подобны лавине!
И как вас ни выбрасывай,
Что новое ни вытяни —
Вы проситесь в мой том.

Приветствую вас, верные,
Испытанно надежные,
Округло музыкальные,
Любимые мои!

О вы — друзья примерные,
Вы милые, вы нежные,
Веселые, печальные,
Размеры-соловьи!

1921

ПОЭЗА СОСТРАДАНИЯ

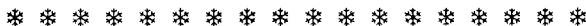
Жалейте каждого больного
Всем сердцем, всей своей душой.
И не считайте за чужого,
Какой бы ни был он чужой.

Пусть к вам потянется калека,
Как к доброй матери — дитя;
Пусть в человеке человека
Увидит, сердцем к вам летя.

И, обнадежив безнадежность,
Всё возлюбя и всё простив,
Такую проявите нежность,
Чтоб умирающий стал жив!

И будет радостна вам снова
Вся эта грустная земля...
Жалейте каждого больного,
Ему сочувственно внемля.

1921

ПОЭЗА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Всё то, что раньше было б диким,
Теперь естественно вполне:
Стать пред решением великим —
Быть иль не быть — пришлось и мне.

Но так как дух «не быть» не может,
И так как я — певучий дух,
Отныне выбор не тревожит:
«Быть» выбрал из решений двух.

1921

К СЛУХАМ О СМЕРТИ СОБИНОВА

Я две весны, две осени, два лета
И три зимы без музыки живу...
Ах, наяву давали ль «Риголетто»?
И Собинов певал ли наяву?

Как будто сон: оркестр и капельмейстер,
Партер, духи, шелка, меха, лорнет.
Склонялся ли к Миньоне нежно Мейстер?
Ах, наяву склонялся или нет?

И для чего приходит дон Пасквале,
Как наяву когда-то, ныне в бред?...
Вернется ль жизнь когда-нибудь? Едва ли...
Как странно молвить: Собинов — скелет...

Узнав о смерти Вертера, весною
В закатный час я шел, тоской гоним,
И соловей, запевший над рекою,
Мне показался жалким перед ним!

О, как тонка особенность оттенка
В неповторимом горле у того,
Кем тронута была демимоденка,
И соловей смолкал от чар его...

1921

ФЕЯ EIOLE

Кто движется в лунном сияньи чрез поле
Извечным движеньем планет?

Владычица Эстии, фея Eiole.

По-русски eiole есть: нет.

В запрете есть боль. Только в воле нет боли.

Поэтому боль в ней всегда.

Та боль упоительна. Фея Eiole

Контраст утверждения: да.

Она в осиянном своем ореоле,

В своем отрицаньи всего

Влечет непостижно. О фея Eiole,

Взяв всё, ты не дашь ничего...

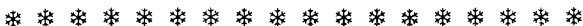
И в этом услада. И в боли пыл воли.

И даже в надежде — тщета.

И всем своим обликом фея Eiole

Твердит: «Лишь во мне красота».

1921

АЛАЯ МОНАХИНЯ

Алая Монахиня.
Очи — изумруд.
Дерзость в них и ласковость.
Нрав капризен. Крут.

Льдяная. Надменная.
Едкая. Кому,
Богу или Дьяволу, —
Служит — не пойму.

Нежно-милосердная.
Жестока и зла.
Сколько душ погублено!
Сколько душ спасла!

Помолись за грешника,
С чистым согреси...
О, душа безгранная,
Дева без души!

1921

ЛЮБОВЬ—ЖЕРТВА

И есть любовь, но жертвы нет.

Фелисса Крут

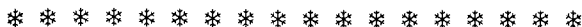
Слова без песен есть, и песни
Без слов, но вот что улови:
Любви без жертвы нет, и если
Нет жертвы, значит, нет любви.

Любовь и жертва, вы — синоним,
И тождественны вы во всем:
Когда любовь мы окороним,
Мы Богу жертву принесем.

Любовь светла, и жертва тоже:
Ведь жертвы принужденной нет:
На всем, что с принуждением схоже,
Лежит клеймо, позор, запрет.

Любовь без жертвы не бывает.
Неизменимо, вновь и вновь,
Упорно сердце повторяет:
Любовь без жертвы — не любовь.

1921

ХВАЛА ПОЛЯМ

Поля мои, волнистые поля:
Кирпичные мониста щавеля
И вереск, и ромашка, и лопух.
Как много слышит глаз и видит слух!

Я прохожу по берегу реки.
Сапфирами лучатся васильки,
В оправе золотой хлебов склонясь,
Я слышу, как в реке плеснулся язь.

И музыкой звучит мне этот плеск.
А моря синий штиль? А солнца блеск?
А небные барашки-облака?
Жизнь простотой своею глубока.

Пока я ощущать могу ее,
Да славится дыхание твое!
А там землею станет пусть *земля...*
Поля! Животворящие поля!

1921

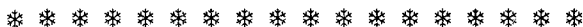

НА СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Мгновенья высокой красоты!
Совсем незнакомый, чужой
В одиннадцатом году
Прислал мне «Ночные часы».
Я надпись его приведу:
«Поэту с открытой душой».

Десятый кончается год
С тех пор. Мы не сблизились с ним.
Встречаясь, друг к другу не шли:
Не стужа ль безгранных высот
Смушала поэта земли?..
Но дух его свято храним
Раздвоенным духом моим.

Теперь пережить мне дано
Кончину еще одного
Собрата-гиганта. О Русь
Согбенная! горбь, еще горбь
Болящую спину. Кого
Теряешь ты ныне? Боюсь,
Не слишком ли *многое*? Но
Удел твой — *победная скорбь.*

Пусть варваром Запад зовет
Ему *непосильный* Восток!
Пусть смотрит с презрением в лорнет
На русскую душу: глубок
Страданием очищенный взлет,
Какого у Запада нет.
Вселенную, знайте, спасет
Наш *варварский* русский Восток!

1921

БЛЕСТЯЩАЯ ПОЭЗА

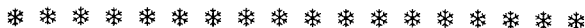
Я жить хочу совсем не так, как все,
Живущие, как белка в колесе,
Ведущие свой рабий хоровод,
Боящиеся в бурях хора вод.

Я жить хочу крылато, как орел,
Я жить хочу надменно, как креол,
Разя, грозя помехам и скользя
Меж двух соединившихся нельзя.

Я жить хочу, как умный человек,
Опередивший на столетье век,
Но кое в чем вернувшийся назад,
По крайней мере лет на пятьдесят.

Я жить хочу, как подобает жить
Тому, кто в мире может ворожить
Сплетеньем новым вечно старых нот, —
Я жить хочу, как жизнь сама живет!

1921

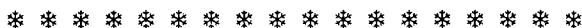
Я МЕЧТАЮ...

Я мечтаю о том, чего нет
И чего я, быть может, не знаю...
Я мечтаю, как истый поэт, —
Да, как истый поэт, я мечтаю.

Я мечтаю, что в зареве лет
Ад земной уподобится раю.
Я мечтаю, вселенский поэт, —
Как вселенский поэт, я мечтаю.

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я — русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

1922

ЧЕМ ОНИ ЖИВУТ

Они живут политикой, раздорами и войнами,
Нарядами и картами, обжорством и питьем,
Интригами и сплетнями заразными

и гнойными,

Нахальством, злобой, завистью, развратом

и нытьем.

Поэтов и мыслителей, художников —

не ведают,

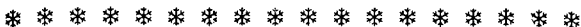
Боятся, презирают их и трутнями зовут.

Зато потомство делают, трудясь над ним

как следует,

И убежденно думают, что с пользою живут!..

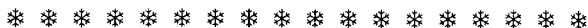
20 января 1923

ЗАБУДУ ЛЬ ВАС?

О вы, поэзовечера,
Но не на блещущей эстраде,
А на лужайке у костра,
Не денег, а искусства ради, —
Признательный, забуду ль вас?
Благословен счастливый час,
Когда, свернув и спрятав лески,
Поужинав *своей* ухой,
Мы возвращаемся домой.
Через лесок, где спят березки,
Петь соловьицы, как псалмы,
Петь, как умеем только мы:
Благоговейно, вдохновенно,
Переживая каждый слог.
О жизнь, простая, как цветок,
Да будешь ты благословенна!

1923

УЗОР ПО КАНВЕ

По отвесному берегу моря маленькой Эстии,
Вдоль рябины, нагроздившей горьковатый
коралл,
Где поющие девушки нежно взор
заневестили,
Чья душа целомудренней, чем берёзья кора,

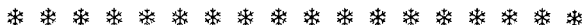
По аллее, раскинутой над черной
смородиной,
Чем предгорье окустено вплоть во самой
воды,
Мы проходим дорогою, что не раз нами
пройдена,
И всё ищем висячие кружевные сады...

И всё строим воздушные невозможные замки
И за синими птицами неустанно бежим,
Между тем как поблизости — ласточки те же
самые,
Что и прошлый раз реяли, пеночки и стрижи.

Нет, на птицу на синюю не похожа ты,
ласточка,
На палаццо надземное не похожа изба.
Дай рябины мне кисточку, ненаглядная
Эсточка,
Ту, что ветер проказливо и шутя колебал...

Сентябрь 1923

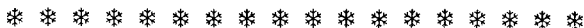

ЕЕ ПИТОМЦЫ

Она кормила зимних птичек,
Бросая крошки из окна.
От их веселых перекличек
Смеялась радостно она.

Когда она бежала в школу,
Питомцы, слыша снега хруст,
Ватагой шумной и веселой
Неслись за ней с куста на куст!

Декабрь 1923

ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Чем эти самые живут,
Что вот на паре ног проходят?
Пьют и едят, едят и пьют —
И в этом жизни смысл находят...

Надуть, нажиться, обокрасть,
Растлить, унижить, сделать больно...
Какая ж им иная страсть?
Ведь им и этого довольно!

И эти-то, на паре ног,
Так называемые люди
«Живут себе»... И имя Блок
Для них, погрязших в мерзком блюде, —
Бессмысленный, нелепый слог...

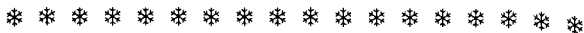
1923

ЧТО ШЕПЧЕТ ПАРК...

О каждом новом свежем пне,
О ветви, сломанной бесцельно,
Тоскую я душой смертельно,
И так трагично-больно мне.
Редет парк, редет глушь,
Редют ёловые кущи...
Он был когда-то леса гуще,
И в зеркалах осенних луж
Он отражался исполином...
Но вот пришли на двух ногах
Животные — и по долинам
Топор разнес свой гулкий взмах.
Я слышу, как, внимая гуду
Убийственного топора,
Парк шепчет: «Вскоре я не буду...
Но я ведь жил — была пора...»

1923

НА САЛАЗКАХ

А ну-ка, ну-ка, на салазках
Махнем вон с той горы крутой,
Из кедров заросли густой,
Что млеют в предвесенних ласках...
Не торопись, дитя, постой,—
Садись удобней и покрепче,
Я сяду сзади, и айда!
И лес восторженно зашепчет,
Стряхнув с макушек снежный чепчик,
Когда натянем повод
Салазок и начнем зигзаги
Пути проделывать, в овраге
Рискуя размножить мозги...
Ночует. Холодно. Ни зги.
Теперь домой. Там ждет нас ужин,
Наливка, фрукты, самовар.
Я городов двенадцать дюжин
Отдам за этот скромный дар,
Преподнесенный мне судьбою:
За снежный лес, катанье с гор,
За обезлюденный простор,
За ужин в хижине с тобою
И наш немудрый разговор.

1923

КУПАНЬЕ ЗВЕЗД

П. М. Костанову

Выхожу я из дома, что построен на горке, —
и открыты для взора
В розовеющей дымке повечерья и утром
в золотой бирюзе
Грудь свежащие бодро, в хвойных линиях
леса, ключевые озера,
Где лещихи играют, и пропеллером вьется
стрекоза к стрекозе.

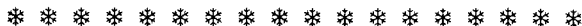
Никуда не иду я, лишь стою перед домом,
созерцая павлиний
Хвост заката, что солнце, удаляясь на отдых,
распустило в воде.
Зеленеют, синея, зеркала, остывая, и, когда
уже сини,
В них звезда, окунаясь, шлет призыв
молчаливый надозерной звезде...

И тогда осторожно, точно крадучись, звезды,
совершая купанье,
Наполняют озера, ключевые озера, и тогда —
и тогда

Я домой возвращаюсь, преисполнен
восторга, преисполнен сознания,
Что она звездоносна, неиссячная эта
питьевая вода!

1924

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

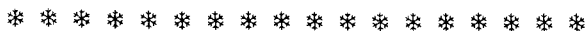
Я Гумилеву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском,
Хранившем свой патриархальный быт.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
Не в удушающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.

И долго он, душою конквистадор,
Мне говорил, о чем сказать отрада.
Ахматова устала у стола,

Томима постоянной печалью,
Окутана невидимой вуалью
Ветшающего Царского Села...

1924

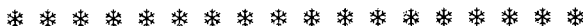

МОЯ РОССИЯ

*И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...*

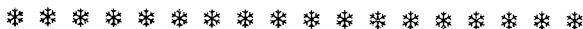
Ал. Блок

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Ее равнины снеговые,
Ее цыгане кочевые, —
Ах, им ли радость не дана?
Ее порывы огневые,
Ее мечты передовые,
Ее писатели живые,
Постигшие ее до дна!
Ее разбойники святые,
Ее полеты голубые,
И наше солнце и луна!
И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи ее ночные,
И ночи пламенно-ледяные,
И боги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И тройки бешено степные,
И эти спицы расписные,

И эти сбруи золотые,
И крыльчатые пристяжные,
Их шей лебяжья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц грудные,
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она —
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!

1924

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я просил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!*

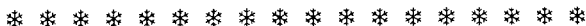
Мятлев, 1843 г.

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

1925

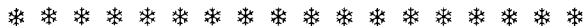
ЗАПЕВКА

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

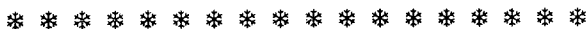
1925

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить —
Россию нужно заслужить!

1925

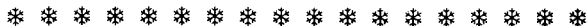
И БУДЕТ ВСКОРЕ...

И будет вскоре весенний день,
И мы поедem домой, в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ушипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целуя!

1925

СТИХИ МОСКВЕ

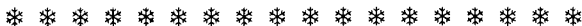
Мой взор мечтанья оросили:
Вновь — там, за башнями Кремля, —
Неподражаемой России
Незаменимая земля.

В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...

А вот, к уютной церковушке
Подъехав в щегольском «купе»,
Кокотка оделяет кружки,
Своя в тоскующей толпе...

И ты, вечерняя прогулка
На тройке вдоль Москва-реки!
Гранитного ли переулка
Радужные особняки...

И там, в одном из них, где стайка
Мечтаний замедляет лёт,
Московским солнышком хозяйка
Растапливает «невский лед»...

Мечты! вы — странницы босые,
Идущие через поля,—
Неповергаемой России
Неизменяемая земля!

1925

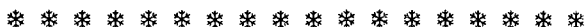
СЕРЕБРЯНАЯ СОНАТА

Я стою у окна в серебреющее повечерье
 И смотрю из него на использованные поля,
 Где солома от убранной ржи ошетишила
 перья
 И настрожилась заморозками пустая земля.

Ничего! — ни от вас, лепестки белых яблонек
 детства,
 Ни от вас, кружевные гондолы утонченных
 чувств...
 Я растратил свой дар — мне врученное богом
 наследство, —
 Обнищал, приутих и душою расхищенной
 пуст...

И весь вечер — без слов, без надежд, 82
 без мечты, без желаний,
 Машинально смотря, как выходит из моря
 луна
 И блуждает мой друг по октябрьской мерзлой
 поляне,
 Тщетно силясь в тоске мне помочь, — я стою
 у окна.

1925

ШАТЕНКА В РОЗОВОМ

Аллеей лиственниц иду вдоль озера.
Вода прозрачная у самых ног.
Навстречу девушка мелькает розово,
Чтоб мыслить горестно поэт не мог...

Аллея темная и тьмой тяжелая,
И тьма безрадостна, и тьма пуста.
А та сверкальная! А та веселая!
И упоенная такая та!

Неторопливые подходят окуни
И неподвижные в воде стоят,
Как будто думают о русом локоне,
О платье розовом мечту таят...

28 августа 1925

НА ЗЕМЛЕ В КРАСОТЕ

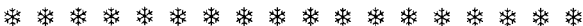
Восемь лет я живу в красоте
На величественной высоте.
Из окна виден синий залив.
В нем — луны золотой перелив.

И цветущей волной деревень
Заливает нас в мае сирень,
И тогда дачки все и дома —
Сплошь сиреневая кутерьма!

Оттого так душисты мечты —
Не сиреневые ли цветы?
Оттого в упоеньи душа,
Постоянно сиренью дыша...

А зимой — на полгода — снега,
Лыжи, валенки, санки, пурга,
Жарко топлена русская печь.
Книг классических четкая речь.

Нет здесь скуки, сводящей с ума:
Ведь со мною природа сама.
А сумевшие сблизиться с ней
Глубже делаются и ясней.

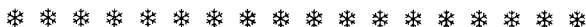
Нет, не тянет меня в города,
Где царит «золотая орда».
Ум бездушный, безумье души
Мне виднее из божьей глуши.

Я со всеми в деревне знаком:
И с сапожником, и с рыбаком.
И кого не влекут кабаки,
Те к поэту идут рыбаки.

Скучно жить без газет мужичку...
Покурить мне дадут табачку,
Если нет у меня самого,
Если есть — я даю своего.

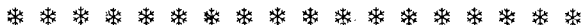
Без коня, да и без колеса
Мы идем на озера в леса
Рыболовить, взяв хлеба в суму,
Возвращаясь в глубокую тьму.

И со мной постоянно она,
Кто ко мне, как природа, нежна,
Чей единственно истинный ум
Шуму дрызг предпочел синий шум.

Я природой живу и дышу,
Вдохновенно и просто пишу.
Растворяясь душой в простоте,
Я живу на земле в красоте!

1925

НЕ УСТЫДИСЬ...

Не устыдись, склонив свои колени,
Благодарить в восторге небеса,
Что зришь еще один рассвет сирени
И слышишь птиц весенних голоса.

Земля цветет, вчера еще нагая.
Цветет душа, ее цветам внемля.
Нисходит в сердце радость всеблагая:
Ценней бессмертья — смертная земля!

Один лишь раз живя на этом свете
И ощущая землю только раз,
Забудь о судьбах будущих столетий:
Вся жизнь твоя — в лучах раскрытых глаз!

1926

И ТОГДА...

В альбом Б. В. Правдину

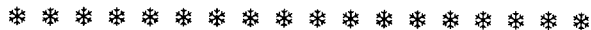
Я грущу по лесному уюту,
Взятый городом в плен на два дня.
Что ты делаешь в эту минуту
Там, у моря, теперь без меня?

В неоглядное вышла ли поле
В золотистых сентябрьских тонах?
И тогда — сколько радости, воли
В ненаглядных, любимых глазах!

Или, может быть, легкой походкой
Ты проходишь по пляжу сейчас?
И тогда — море с дальнею лодкой
В зеркалах обожаемых глаз...

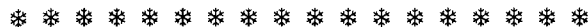
Или в парк по любимой тропинке
Мчишься с грацией дикой козы?
И тогда — ветрятся паутинки
Женской — демонстративной — косы...

Не раскрыт ли тобою Шпильгаген?
Книга! — вот где призванье твое!
И тогда — моя ревность к бумаге:
Ты руками коснулась ее...

Неизвестность таит в себе смуту...
Знаю только — и это не ложь! —
Что вот в самую эту минуту
Ты такой же вопрос задаешь...

17 сентября 1926

ВОДА ПРИМИРЯЮЩАЯ

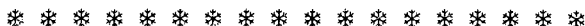
Сам от себя — в былые дни позера,
Любившего услад дешевых хмель,—
Я ухажу раз в месяц на озера,
Туда, туда — «за тридевять земель»...

Почти непроходимое болото.
Гнилая гать. И вдруг — гористый бор,
Где сосны — мачты будущего флота —
Одеты в несменяемый убор.

А впереди, направо, влево, сзади,
Куда ни взглянешь, ни шагнешь куда,
Трав водяных взлохмаченные пряди
И всё вода, вода, вода, вода...

Как я люблю ее, всегда сырую,
И нежную, и емкую, как сон...
Хрустальные благословляю струи:
Я, ими углубленный, вознесен.

Люблю сидеть над озером часами,
Следя за ворожащим поплавком,
За опрокинутыми в глубь лесами
И кувыркающимся ветерком...

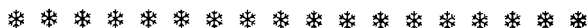

Как солнышко, сверкает красноперка,
Уловлена на острие крючка.
Трепещущая серебрится горка
Плотвы на ветхом днище челнока.

Под хлюпанье играющей лещихи,
Что плещется, кусая корни трав,
Мои мечты благочестиво-тихи,
Из городских изъятые отрав...

Так как же мне от горя и позора
К ненужью вынуждающей нужды
Не уходить на отдых на озера,
К смирению примиряющей воды?..

Сентябрь 1926

В ЗАБЫТИИ

В белой лодке с синими бортами
В забытии чарующем озер
Я весь день наедине с мечтами,
Неуловленной строфой пронзен.

Поплавок, готовый кануть в воду,
Надо мной часами ворожит.
Ах, чего бы только я не отдал,
Чтобы так текла и дальше жизнь!

Чтобы загорались вновь и гасли
Краски в небе, строфы — в голове...
Говоря по совести, я счастлив,
Как изверившийся человек.

Я постиг тщету за эти годы.
Что осталось, знать желаешь ты?
Поплавок, готовый кануть в воду,
И стихи — в бездонность пустоты...

Ничего здесь никому не нужно,
Потому что ничего и нет
В жизни, перед смертью безоружной,
Протекающей как бы во сне...

1926

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десять лет — грустных лет! — как заброшен
 в приморскую глушь я.
 Труп за трупом духовно родных. Да и сам
 полутруп.
 Десять лет — страшных лет! — удушающего
 равнодушья
 Белой, красной — и розовой! — русских
 общественных групп.

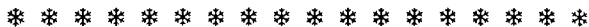
Десять лет — тяжких лет —
 обескрыливающих лишений,
 Унижений шемащей и мозг шеломящей
 нужды.

Десять лет — грозных лет! — сатирических
 строф по мишени
 Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.

Десять лет — странных лет! — отречения
 от многих привычек,
 На теперешний взгляд, — мудро-трезвый, —
 ненужно-дурных...
 Но зато столько ж лет рыб, озер, перелесков
 и птичек,
 И встречанья у моря ни с чем не сравнимой
 весны!

Но зато столько ж лет, лет невинных,
 как яблоней белых
Неземные цветы, вырастающие на земле,
И стихов из души, как природа, свободных
 и смелых,
И прощенья в глазах, что в слезах,— и любви
 на челе!

1927

В СНЕГАХ

Глубокий снег лежит у нас в горах.
Река в долине бег остановила.
Вся белая, слилась со снегом вилла.
И мы одни идем в своих снегах.
В устах медлительное: «Разлюбила...»
«Всегда люблю!» — поспешное в глазах.

Ну да, всегда... Я знаю, снег растает,
Под звон литавр взломает лед река,
В ней снова отразятся облака
И в рощах жемчуг трелей заблестает.
Ну да — всегда! Об этом сердце знает!
Иначе снег лежал бы здесь — века!

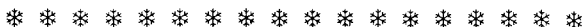
1927

НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ СОН

Мне удивительный вчера приснился сон:
Я ехал с девушкой, стихи читавшей Блока.
Лошадка тихо шла. Шуршало колесо.
И слезы капали. И вился русский локон...

И больше ничего мой сон не содержал...
Но потрясенный им, взволнованный
глубоко,
Весь день я думаю, встревоженно дрожа,
О странной девушке, не позабывшей Блока...

1927

ПОЮЩИЕ ГЛАЗА

Над калиткой арка из рябины.
Барбарис разросся по бокам.
За оградой домик голубиный.
Дым из труб, подобный облакам.

Домик весь из комнаты и кухни.
Чистота, опрятность и уют.
Подойди к окну и тихо стукни:
За стеклом два глаза запоют.

Женщина с певучими глазами
Спросит, кто любимый твой поэт,
И, с улыбкой прислонившись к раме,
Терпеливо будет ждать ответ.

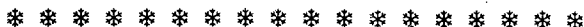
Назови какое хочешь имя:
Будь то Надсон или Малларме,
В дом, где облака таятся в дыме,
Будешь вхож, назвать себя сумеешь.

Если же ты скажешь: «Что мне в этом!
Знать стихов я вовсе не хочу» —
Женщина, рожденная поэтом,
Вдруг погасит взоры, как свечу.

И хотя бы кудри поседали
Пред стеклом, скрывающим уют,
О твоём тебя не спросят деле
Те глаза, которые поют...

1927

ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ ОБ ОДНОМ

С. В. Рахманинову

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...

И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят: нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...

1927

ЛЮБОВЬ – БЕСПРИЧИННОСТЬ

Любовь – беспричинность.

Бессмысленность даже, пожалуй.

Любить ли за что-нибудь? Любится – вот
и люблю.

Любовь уподоблена тройке взбешенной
и шалой,

Стремящей меня к отплывающему кораблю.

Куда? Ах, неважно. Мне нравятся рейсы
без цели.

Цветенье магнолий... Блуждающий, может
быть, лед...

Лети, моя тройка, летучей дорогой метели
Туда, где корабль свой волнистый готовит
полет!

Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность,
чинность!

Дымись кружевным, пенно-пламенным
белым огнем!

Зачем? Беззачемно! Мне сердце пьянит
беспричинность!

Корабль отплывает куда-то. Я буду на нем!

ОЗЕРО РЭК

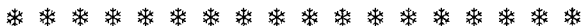
Ряды березок удочкообразных.
Меж них тропа. За ними же, правей,
Ползет река. Вода в тонах топазных.
И на плывущей щепке — муравей.

Вдруг поворот налево. Мостик. Горка.
И апельсинно-лучезарный бор.
Вспорхнула растревоженно тетерка,
Нас не заметившая до сих пор.

Внизу, меж сосен в блещущих чешуйках,
Печальное сизеет озерко.
Над ним стою в табачных синих струйках
И думаю светло и глубоко.

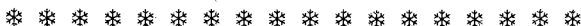
Пятнадцать верст прошел, покинув море,
Чтоб грусть и нежность, свойственные Рэк,
Впитать, чтоб блеклые увидеть зори
Озерные, любимые навек.

Красиво это озеро лесное.
Какая сонь! Какая тишина!
В нем грусть, роднящая его со мною,
И завлекающая глубина.

Из обволакивающего ила
Не сделать ли последнюю постель?
«О Рэк! О Рэк! Поэтова могила!» —
В ближайшем поле скрипнет коростель...

Сентябрь 1928

В ПУТИ

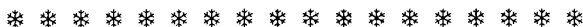
Иду, и с каждым шагом рьяней
Верста к версте — к звену звено.
Кто я? Я — Игорь Северянин,
Чье имя смело, как вино!

И в горле спазмы упоенья,
И волоса на голове
Приходят в дивное движенье,
Как было некогда в Москве...

Там были церкви златоглавы
И души хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла.

Вспененная и золотая!
Он горек, мутный твой отстой.
И сам себе себя читая,
Версту глотаю за верстой!

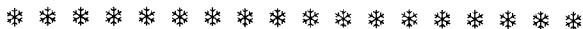
4 октября 1928

Достоевскому равный, он — прозванный
гений.

Очарованный странник катакомб языка!
Так она размышляла, опустив на колени
Воскрешенную книгу, созерцая закат.

1928

ТЯГА НА ЮГ

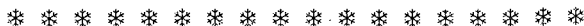
Не старость ли это — не знаю, не знаю, —
Быть может, усталость — души седина,
Но тянет меня к отдаленному краю,
Где ласковой воздух и ярче волна.

Мне хочется теплого и голубого,
Тропических фруктов и крупных цветов,
И звончатой песни, и звучного слова,
И грез без предела, и чувств без оков.

Я север люблю, я сроднился с тоскою
Его милостивых полей и озер.
Но что-то творится со мною такое,
Но что-то такое завидел мой взор,

Что нет мне покоя, что нет мне забвенья
На родине тихой, и тянет меня
Мое пробудившееся вдохновенье
К сиянью иного — нездешнего — дня!

1929

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Осеню себя осенью — в дальний лес уйду.
В день туманный и серенький подойду
к пруду,

Листья, точно кораблики, на пруде застыв,
Ветерка ждут попутного, но молчат кусты.

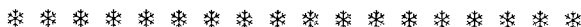
Листья мокрые, легкие и сухие столь,
Что возьмешь их — ломаются поперек
и вдоль.

Не исчезнуть скоробленным никуда с пруда:
Ведь она ограничена, в том пруде вода.

Берега всюду топкие с четырех сторон.
И кусты низкорослые стерегут их сон.

Листья легкие-легкие, да тяжел удел:
У пруда они выросли и умрут в пруде...

Ноябрь 1929

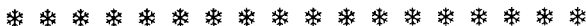
ВОЗМЕЗДИЕ

Был дух крылат,
Бескрыло тело.
Земных палат
Не захотело.

Приобрело
У птицы крылья,
Превозмогло
Свое бессилье.

Всё побороть!
Не тут-то было:
Крылата плоть,
Душа бескрыла.

1929

Я К МОРЮ СБЕГАЮ

Я к морю сбегáю. Назойливо лижет
Мне ноги волна в пене бело-седой,
Собою напомнив, что старость всё ближе,
Что мир перед новою грозной бедой...

Но это там где-то. Сегодня всё дивно!
Сегодня прекрасны и море и свет!
Сегодня я молод, и сердцу наивно
Зеленое выискать в желтой листве.

И хочется жить, торопясь и ликуя,
Куда-то стремиться, чего-то искать...
Кто в сердце вместил свое радость такую,
Тому не страшна никакая тоска!

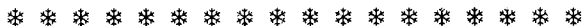
17 октября 1930

ТЫ ВЫШЛА В САД

Ты вышла в сад, и ты идешь по саду,
И будешь ты до вечера в саду.
Я чувствую жестокою досаду,
Что я с тобой по саду не иду.
О, этот сад! Он за морскою далью...
Он за морскою далью, этот сад...
Твои глаза, налитые печалью,
Ни в чьи глаза — я знаю — не глядят.
Я вижу твой, как ты мой видишь, берег.
Но — заколдованы на берегах —
Ты не придешь кормить моих форелек,
А я — понежиться в твоих цветах.
Что море нам! Нас разделяют люди,
И не враги, а — что страшней — друзья.
Но будет день — с тобой вдвоем мы будем,
Затем что нам не быть вдвоем нельзя!

1930

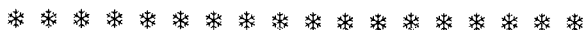
ЗНАКОМЫ МНЕ...

Знакомы с детства мне великие созданья
Земных художников в надземном звездном
сне,

И вы, гуманные, высокие заданья,
Знакомы мне...

И таинства лесов, утопленных в луне,
И просветленных вод озерных трепетанья,
И брат мой — соловей, поющий о весне...
Знаком и ты, восторг любовного свиданья,
И — как финал — всегда печаль наедине.
Очаровательные разочарованья
Знакомы мне...

1930

ДРИНА

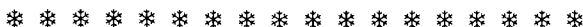
О ядовито-яростно-зеленая,
Текущая среди отвесных скал,
Прозрачна ты, как девушка влюбленная,
И я тобою душу оплескал!

А эти скалы — голубые, сизые,
С лиловостью, с янтарностью, в дубах
С проржавленной листвой — бросают вызовы
Вам в городах, как в каменных гробах!

Ведь есть же мощь, почти невероятная,
Лишь в сновиденьях мыслимая мощь,
Взволновывающая и понятная,
И песенная, как весенний дождь!

Ведь есть же красота, еще не петая,
Способная дивить и восторгать,
Как эта Дрина, в малахит одетая,
Как этих скал застывшая пурга!

15 января 1931

ЯНВАРЬ НА ЮГЕ

Ты представь, снег разгребая на дворе:
Дозревают апельсины... в январе!
Здесь мимоза с розой запросто цветут.
Так и кажется — немые запоют!

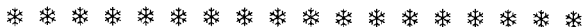
А какая тут певучая теплынь!
Ты, печаль, от сердца хмурого отхлынь.
И смешит меня разлапанный такой,
Неуклюжий добрый кактус вековой.

Пальм захочешь — оглянись-ка и гляди:
Справа пальмы, слева, сзади, впереди!
И вот этой самой пишущей рукой
Апельсин могу сорвать — один, другой...

Ты, под чьей ногой скрипит парчовый снег,
Ты подумай-ка на миг о крае нег —
О Далмации, чей облик бирюзов,
И о жившей здесь когда-то Dame d'Azow,

И еще о том подумай-ка ты там,
Что свершение предназначено мечтам,
И одна из них уже воплощена:
Адриатику я вижу из окна!

18 января 1931

РОЖДЕСТВО НА ЯДРАНЕ

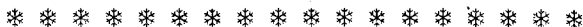
Всего три слова: ночь под Рождество.
Казалось бы, вмещается в них много ль?
Но в них и Римский-Корсаков, и Гоголь,
И на земле небожной божество.

В них — снег хрустящий и голубоватый,
И безалаберных веселых ног
На нем следы у занесенной хаты,
И святочный девичий хохоток.

Но в них же и сиянье Вифлеема,
И перья пальм, и духота песка.
О сказка из трех слов! Ты всем близка.
И в этих трех словах твоих — поэма.

Мне выпало большое торжество:
Душой взлетя за все земные грани,
На далматинском радостном Ядрани
Встречать святую ночь под Рождество.

Ночь под Рождество 1931

ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK

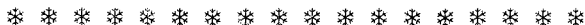
Всех женщин всё равно не перелюбишь.
Всего вина не выпьешь всё равно...
Неосторожностью любовь погубишь:
Раз жизнь одна — и счастье лишь одно.

Не разницу характеров, а сходство
В подруге обретенной отмечай.
Побольше верности и благородства.
А там и счастлив будешь невзначай...

Не крылья грез — нужней земному ноги.
С полетами, бескрылый, не спеши.
Не лучше ли, чем понемногу многим,
Немногой много уделить души?

В желанье счастья — счастье. Повстречались.
Сошлись. Живут. Не в этом ли судьба?
На Голубой цветок обрек Новалис,—
Ну, что ж: и незабудка голуба...

26 июня 1931

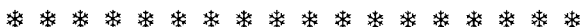
ПРОХЛАДНАЯ ВЕСНА

Весен всех былых весна весенней
Предназначена мне в этот год:
Девушка из детских сновидений
Постучалась у моих ворот.

И такую свежую прохладой
Вдруг повеяло от милых уст,
Что шепчу молитвенно: «Обрадуй. —
Докажи, что мир не вовсе пуст...»

А она и плачет, и смеется,
И, заглядывая мне в глаза,
Неземная, по-земному бьется
Вешняя — предсмертная! — гроза.

5 апреля 1933

ИСКРЕННИЙ РОМАНС

Оправдаешь ли ты — мне других оправданий
не надо! —

Заблужденья мои и метанья во имя Мечты?
В непробужденном сне напоенного розами
сада,
Прижимаясь ко мне, при луне, оправдаешь
ли ты?

Оправдаешь ли ты за убитые женские души,
Расцветавшие мне под покровом ночной
темноты?

Ах, за всё, что я в жизни руками своими
разрушил,
Осмеял, оскорбил и отверг, оправдаешь ли
ты?

Оправдаешь ли ты, что опять, столько раз
разуверясь,
Я тебе протянул, может статься, с отравой
цветы,
Что, быть может, и ты через день, через год
или через
Десять лет станешь чуждой, как все,
оправдаешь ли ты?

11 июля 1933

Вот и уехала. Была — и нет.
Как просто всё, но как невыразимо!
Ты понимаешь ли, как ты любима,
Какой в душе остался жгучий след!

Переворачивается душа:
Еще вчера — вчера! — мы были двое.
И вот — один! Отчаянье такое,
Что стыну весь, не мысля, не дыша.

Мы всё переживали здесь вдвоем:
Природу, страсть, и чаянья, и грезы.
«Ты помнишь, как сливались наши слезы?» —
Спрошу тебя твоим же мне стихом.

Ты из своей весны шестнадцать дней
Мне радостно и щедро подарила.
Ты в эти дни так бережно любила...
Я женщины еще не знал нежней!

В. И. Маяковский
27 августа 1933

МЕСТА...

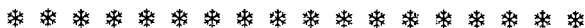
Они тобой проникнуты, места,
С тех пор, как ты уехала отсюда:
Вот, например, у этого куста
Таились от людского пересуда.

Вот, например, по этому пути,
В очарованьи платица простого,
Ты в замок шла обычно от пяти,
Да, от пяти до полчасика шестого.

Вот, например, растущий на лугу
Поблекший чуть, голубенький цикорий.
На нем гадала ты. «Я не солгу», —
Он лепетал в прощающем укор.

Здесь всё пропоцелуено насквозь,
И здесь слова такие возникали,
Что, если б влить в бокал их удалось,
Они вином заискрятся в бокале!

2 сентября 1933

СТАРЕЮЩИЙ ПОЭТ

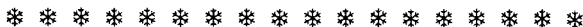
Стареющий поэт... Два слова — два понятия.
Есть в первом от зимы. Второе — всё весна.
И если иногда нерадостны объятья,
Весна — всегда весна, как ни была б грустна.

Стареющий поэт... О, скорбь сопоставленья!
Как жить, как чувствовать и, наконец,
как петь,
Когда душа больна избытком вдохновенья
И строфы, как плоды, еще готовы спеть?

Стареющий поэт... Увлажнены ресницы,
Смущенье в голосе и притушенный вздох.
Всё чаще женщина невстреченная снится,
И в каждой встреченной мерещится подвох...

Стареющий поэт... Наивный, нежный,
кроткий
И вечно юный, независимо от лет.
Не ближе ли он всех стареющей кокотке,
Любовь возведший в культ стареющий поэт?

11 сентября 1933

МОГЛО БЫТЬ ТАК...

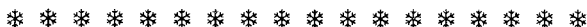
Могло быть так: лет двадцать пять назад,
Там, на воспетой Пушкиным Неве,
Слегка желтел зеленый Летний сад.
В осенней было небо синеве.

И Мраморный дворец стоял в плюще,
Пустело поле Марсовых потех.
Я в мягкой черной шляпе и плаще
Дорожкой проходил с одной из тех...

И бонну с девочкою лет пяти
Мы у Крылова встретили тогда.
Дитя у нас сверкнуло на пути,
Как с неба падающая звезда.

Могло быть так.
...И вот, лаская Вас,
Отделаться от мыслей не могу:
Оно — одно: сиянье Ваших глаз
И — девочки на невском берегу!

16 сентября 1933

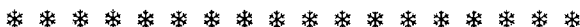
КАПЕЛЬ

Вы понимаете, что значит
Просóлнеченная капель? —
Зима, смеясь, от счастья плачет,
Весны качая колыбель.
О, зиму смерть не озадачит:
Растаять — план ее и цель...

...В глазах моих лучится влага —
Капель зимы души моей.
Ах, в ней отчаянья отвага:
Познать восторг последних дней.
Торопит смерть при спуске флага,
И я... я помогаю ей!

20 февраля 1935

В. И. Маяковский

СОЛНЦУ ПРЕДВЕШНЕМУ!

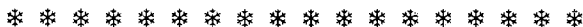
Так и хочется перекреститься на Солнце,
Потому что в нем больше, чем в ком-нибудь,
Бог —

Полевого, лесного предвестник зелёнца
И румянца на лицах, гонящего вздох!

Этот воздух, пьянительный и богомольный,
Говорит, что начнется на днях ледоход,
Говорит мне о Пасхе, такой колокольной,
Что еще на Земле я остался на год...

Что еще — о, восторг! — ты, загарная бронза,
Позлатишь мой мертветь начинающий лик...
Так и хочется перекреститься на Солнце,
Потому что я Бога в нем видеть привык!

20 февраля 1935

ЗДЕСЬ – НЕ ЗДЕСЬ

Я – здесь, но с удочкой моя рука,
Где льет просолнеченная река
Коричневатую свою волну
По гофрированному ею дну.

Я – здесь, но разум мой... он вдалеке,
На обожасмой моей реке,
Мне заменяющей и всё и вся,
Глаза признательные орося...

Я – здесь, не думая и не дыша...
А испускающая дух душа
На ней, не сравниваемой ни с чем
Реке, покинутой... зачем? зачем?..

14 октября 1935

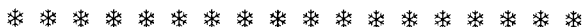

ГАРМОНИЯ КОНТРАСТОВ

Летишь в экспрессе — жди крушенья.
Ткань доткана — без разрушенья.
Без ненависти нет любви.

Познал восторг — познай страданье.
Раз я меняюсь — я живу...
Застыть пристойно изваянью,
А не живому существу!

14 октября 1935

О ЖЕНЩИНЕ

У женщины должен быть лунный характер,
И чтобы в ней вечно сквозила весна,
Манящая с нею кататься на яхте —
Качели солено-зеленого сна.

И ревность должна ее быть невесомой,
И верность должна ее быть, как гранит.
О, к ласковой, чуткой, влекуще-влекомой
Мужчина всегда интерес сохранит!

За женственность будет любить голубую,
За теплые синие солнышки глаз.
Ах, можно ли женщину бросить такую,
Которая всячески радует нас!

26 октября 1935

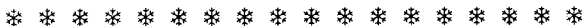
БЕЗ НАС

От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...

Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена все ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь!

И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Март 1936

ГРУСТНЫЙ ОПЫТ

Я сделал опыт. Он печален.
Чужой останется чужим.
Пора домой; залив зеркален,
Идет весна к дверям моим.

Еще одна весна. Быть может,
Уже последняя. Ну, что ж,
Она постичь душе поможет,
Чем дом покинутый хорош.

Имея свой, не строй другого.
Всегда довольствуйся одним.
Чужих освоить бестолково:
Чужой останется чужим.

2 апреля 1936

НАБОЛЕВШЕЕ

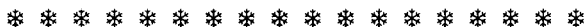
Нет, я не беженец, и я не эмигрант, —
Тебе, родительница, русский мой талант,
И вся душа моя, вся мысль моя верна
Тебе, на жизнь меня обрекшая страна!..

Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой:
Не предавал тебя ни мыслью, ни душой,
А если в чуждый край физически ушел,
Давно уж понял я, как то нехорошо...

Страх перед голодом за мать и за семью
Заставил родину меня забыть мою,
А тут вдобавок роковая эта лень,
Так год за годом шел, со днем сливался день.

Домой вернуться бы: не очень сладко тут.
Да только дома мой поступок как поймут?
Как объяснят его? Неловко как-то — ах,
Ведь столько лет, ведь столько лет я был
в бегах!

Из ложной скромности, из ложного стыда
Я сам лишил себя живящего труда —
Труда строительства — и жил как бы во сне,
От счастья творческой работы в стороне.

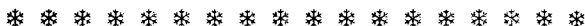

Мне не в чем каяться, и всё же каюсь я:
Меня не ценят зарубежные края.
Здесь вдохновенность обрекается на склеп.
Здесь в горле застревает горький хлеб.

Я смалодушничал, — и вот мне поделом:
Поэту ль в мире жить, пригодном лишь
на слом?
За опрометчивый, неосторожный шаг
Уже пришиблена навек моя душа.

И уж не поздно ли вернуться по домам,
Когда я сам уже давным-давно не сам,
Когда чужбина доконала мысль мою, —
И как, Россия, я тебе и что спою?

26 октября 1939

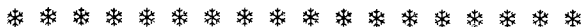
С СЕВЕРА НА ЮГ

Мы прежде зим не замечали,
На юге зимы проводя,
Меня вьюжные вуали
На звоны южного дождя.

Мороз не леденил дыханья,
На Бога воздух был похож
И жизнь — на первое свиданье,
Когда без пенья весь поешь.

Душа лучилась, улыбалась,
Уплывом в даль упоена,
И жизнь бессмертною казалась
От Далматинского вина!

23 ноября 1939

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

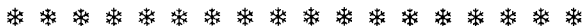
Вере Запольской

Ты влилась в мою жизнь, точно струйка токая
В оскорбляемый водкой хрусталь.
И вздохнул я словами: «Так вот ты какая:
Вся такая, как надо».

В уста ль
Поцелую тебя иль в глаза поцелую, —
Точно воздухом южным дышу.
И затем, что тебя повстречал я такую,
Как ты есть, я стихов не пишу.

Пишут лишь ожидая, страдая, мечтая,
Ошибаясь, моля и грозя.
Но писать после слов вроде: «Вот ты какая:
Вся такая, как надо» — нельзя.

18 апреля 1940

ПРИВЕТ СОЮЗУ!

Шестнадцатиреспубличный Союз,
Опередивший все края вселенной,
Олимп воистину свободных муз,
Пою тебя душою вдохновенной!
Нью-Йорк, Берлин, и Лондон, и Париж
Перед твоим задумались массивом.
Уж четверть века вскоре ты стоишь
К себе влекущим, грозным и красивым.
И с каждым днем ты крепнешь и растешь,
Всё новые сердца объединяя.
О, как ты человечески хорош,
Союз Любви, страна моя родная!
И как я горд, и как безбрежно рад,
Что все твои республики стальные,
Что все твои пятнадцать остальные
В конце концов мой создал Ленинград,
И первую из них была — Россия!

28 июля 1940

ИЗ СБОРНИКА
«МЕДАЛЬОНЫ»
(1934)

*Разбор братьев очень труден
И, согласитесь, щекотлив:
Никто друг другу не подсуден,
И каждый сокровенным жив...*

АХМАТОВА

Послушница обители Любви
Молитвенно перебирает четки.
Осенней ясностью в ней чувства четки.
Удел — до святости непоправим.

Он, найденный, как сердцем ни зови,
Не будет с ней, в своей гордыне кроткий
И гордый в кротости, уплывший в лодке
Рекой из собственной ее крови...

Уж вечер. Белая взлетает стая.
У белых стен скорбит она, простая.
Кровь капает, как розы, изо рта.

Уже осталось крови в ней немного,
Но ей не жаль ее во имя Бога:
Ведь розы крови — розы для креста...

1925

БЛОК

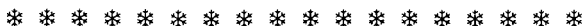
Красив, как Демон Врубеля, для женщин
Он лебедем казался, чье перо
Белей, чем облако и серебро,
Чей стан дружил, как то ни странно,
с френчем...

Благожелательный к меньшим и меньшим,
Дерзал — поэтно — видеть в зле добро.
Взлетал. Срывался. В дебрях мысли брел.
Любил Любовь и Смерть, двумя увенчан.

Он тщетно на земле любви искал:
Ее здесь нет. Когда же свой оскал
Явила смерть, он понял: Незнакомка...

У рая слышен легкий хруст шагов:
Подходит Блок. С ним — от его стихов
Лучащаяся — странничья котомка...

1925

БАРАТЫНСКИЙ

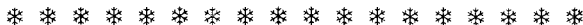
Ложь радостей и непреложье зол
Наскучили взиравшему в сторонке
На жизнь земли и наложили пленки
На ясный взор, что к небу он возвел.

Душой взметнулся к северу орел,
Где вздох крылатый теплился в ребенке,
Где влажный бог вкушает воздух тонкий
И речи водопада внемлет дол.

Разочарованному обольщенья
Дней прежних не дадут отдохновенья
И горького не усладят питья.

С оливой мира смерть, а не с косою.
Так! в небе не смутит его земное:
Он землю отбывал без бытия...

1926

БУНИН

В его стихах — веселая капель,
Откосы гор, блестящие слюдою.
И спетая березой молодою
Песнь солнышку. И вешних вод купель.

Прозрачен стих, как северный апрель.
То он бежит проточною водою,
То теплится студеною звездою,
В нем есть какой-то бодрый трезвый хмель.

Уют усадеб в пору листопада.
Благая одиночества отрада.
Ружье. Собака. Серая Ока.

Душа и воздух скованы в кристалле.
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчужденной женщине тоска.

1925

ГОГОЛЬ

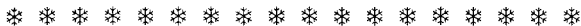
Мог выйти архитектор из него:
Он в стилях знал извилины различий.
Но рассмешил при встрече городничий.
И смеху отдал он себя всего.

Смех Гоголя нам ценен оттого, —
Смех нутряной, спазмический, язычий, —
Что в смехе древний кроется обычай:
Высмеивать свое же существо.

В своем бессмертье мертвые мы души.
Свиные хари, и свиные туши,
И человек, и мертвовекский Вий —

Частицы смертного материала...
Вот, чтобы дольше жизнь не замирала,
Нам нужен смех, как двигатель крови...

1926

ГРИГ

Тяжелой поступью подходят гномы.
Всё ближе. Здесь. Вот затихает топ
В причудливых узорах дальних троп
Лесов в горах, куда мечты влекомы.

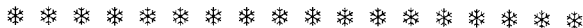
Студеные в фиордах водоемы.
Глядят цветы глазами антилоп.
Чьи слезы капают ко мне на лоб?
Не знаю чьи, но как они знакомы!

Прозрачно капли отбивают дробь.
В них серебристо-радостная скорбь.
А капли прядают и замерзают.

Сверкает в ледяных сосульках звук.
Сосулька сверху падает на луг.
Меж пальцев пастуха певуче тает.

1927

0521

ГУМИЛЕВ

Путь конквистадора в горах остер.
Цветы романтики на дне нависли.
А жемчуга на дне — морские мысли
Трехцветились, когда ветрел костер.

И путешественник, войдя в шатер,
В стихах свои писания описьмил.
Уж как Европа Африку не высмей,
Столп огненный — души ее простор.○

Кто из поэтов спел бы живописней
Того, кто в жизнь одну десятки жизней
Умел вместить? Любовник, Зверобой,

Солдат — все было в рыцарской манере.
...Он о Земле тоскует на Венере,
Вооружась подзорною трубой.

1926—1927

1927

ПУШКИН

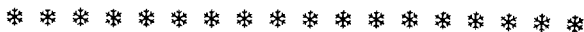
Есть имена, как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблони в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена.

Но понимает ли моя страна —
Все эти старцы, юноши и дети, —
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?

Его хвалить! — пугаюсь повторений...
Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?

Убив его, кому все наши вздохи,
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...

1926

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

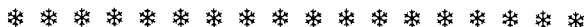
Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото —
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над всею первенствующей планетой...
Он — в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.

1926

И СОЛОГУБ

Неумолимо солнце, как дракон.
Животворящие лучи смертельны.
Что ж, что поля ржаны и коростельны? —
Свет выпадет. Вот солнечный закон.

Поэт достиг его, и знает он,
Что наши дни до ужаса предельны,
Что нежностью мучительною хмельны
Земная радость краткая и стон.

Как дряхлый триолет им омоложен!
Как мягко вынут из глубоких ножен
Узором яда затканый клинок!

И не трагично ль утомленным векам
Смежиться перед хамствующим веком,
Что мелким бесом вертится у ног?...

1926

ТЮТЧЕВ

Мечта природы, мыслящий тростник,
Влюбленный раб роскошной малярии,
В душе скрывающий миры немые,
Неясный сердцу ближнего, поник.

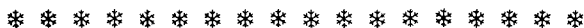
Вечерний день осуеверил лик,
В любви последней чувства есть такие,
Блаженно безнадежные. Россия
Постигла их. И Тютчев их постиг.

Не угасив под тлеющей фатою
Огонь поэтов, вся светясь мечтою,
И трепеща любви, и побледнев,

В молчаньи зрит страна долготерпенья,
Как оmyвает сорные селенья
Громокипящим Гебы кубком гнев.

1926

8541

ФЕТ

Эпоха робкого дыханья... Где
Твое очарованье? Где твой шепот?
Практичность производит в легких опыт,
Чтоб вздох стал наглым, современным-де...

И вот взамен дыханья — храп везде.
Взамен стихов — косноязычный лопот.
Всех соловьев практичная Европа
Дожаривает на сковороде...

Теперь — природы праздный соглядатай —
О чем бы написал под жуткой датой
Росистым, перламутровым стихом? Ф. Н.

В век, деловой красою безобразный,
Он был бы не у дел, помещик праздный,
Свиставший тунеядным соловьем...

1926

1926

ФОФАНОВ

Большой талант дала ему судьба,
В нем совместив поэта и пророка.
Но властью виноградного порока
Царь превращен в безвольного раба.

Подслушала убогая изба
Немало тем, увянувших до срока,
Он обезврежен был по воле рока,
Его направившего в погреба.

Когда весною — в божьи именины —
Вдыхая запахи озерной тины,
Опустошенный влекся в Приорат,

Он, суеверно в сумерки влюбленный,
Вином и вдохновеньем распаленный,
Вливал в стихи свой скорбный виноград...

1926

ЧАЙКОВСКИЙ

Прослышанье потусторонних звуков.
Безумье. Боль. Неврастения. Жуть.
Он разбудил звучащую в нас суть
И, показав, исчезнул, убаюкав.

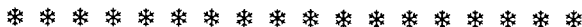
Как жив он в нас, он будет жив для внуков,
Он, чьим мотивом можно бы вздохнуть.
Его забыть ли нам когда-нибудь,
Кто в сердце оживлял так много стуков?

И позабыть ли нам порыв простой,
Как на канавке Зимней в час пустой
Во встречу с Лизой верили упрямо?

И знали на Литейном особняк,
Где перед взорами ночных гуляк
Мелькала в окнах Пиковая Дама...

1926

0291

ШОПЕН

Кто в кружева вспененные Шопена,
Благоуханные, не погружал
Своей души? Кто слаже не дрожал,
Когда кипит в отливе лунном пена?

Кто не склонял колени — и колена! —
Пред той, кто выглядит как идеал,
Чей непостижный облик трепетал
В сетях его приманчивого плена?

То воздуха не самого ли вздох?
Из всех богов наибожайший бог —
Бог музыки — в его вселился opus,

Где всё и вся почти из ничего,
Где всеобъемны промельки его,
Как на оси вращающийся глобус!

1926

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Зарею жизни («Зарею жизни я светом грезил...») . .	9
Стансы («Счастье жизни — в искрах алых...»)	10
Звезды («Бессонной ночью с шампанским чаши...») .	11
Серенада («Как сладко дышится...»)	12
А знаешь край?.. («...А знаешь край, где хижины убоги...»)	15
Поэту («Лишь гении доступны для толпы...»)	16
У К. М. Фофанова («Мигая, лампа освещала...») . .	17
Гатчинская мельница («Неумолчный шум плоти- ны...»)	19
Что видели птицы... («Чайка летела над пасмурным морем...»)	21
Моя мечта (Моя мечта — моряк-скиталец...)	22
Сонет («Я полюбил ее зимою...»)	24
Сонет («Пейзаж ее лица, исполненный так живо...») .	25

Вернуть любовь («...То ненависть пытается любить...»)	26
Шутка («Я помню: день смеялся блеском...»)	27
Вариация («Весна — и гул, и блеск, и аромат...»)	28
Nocturne («Месяц гладит камыши...»)	29
Ноктюрн («Бледнел померанцевый запад...»)	30
Надрубленная сирень («Проснулся хутор...»)	32
Сонет («Я коронуюсь утром мая...»)	33
Nocturne («Сон лелея, лиловеет запад дня...»)	34
Поэза о незабудках («Поет июнь, и песни этой зной...»)	35
Вешний звон:	
1. «Идет весна, поет весна...»	36
2. «Бегут ручьи, бурлят ручьи...»	36
3. «Чаруют, трелят соловьи...»	37
4. «Вокруг — всё жизнь, любовь и свет...»	37
Игорь и Ярославна («То было, может быть, давно...»)	38
Акварель («Бежит, дрожит на жгучем побережье...»)	40
Раз навсегда («Мой смех ответом суждений язве!...»)	41
В лесу («Холодным майским днем...»)	43
Идиллия («Милый мой, иди на ловлю...»)	45
И она умерла молодой («И она умерла молодой...»)	47
«Синь неба облачного ма́това...»	49
Сонет («Весь малахитово-лазурный...»)	50
«Собратья» («Все — Пушкины, все — Гёте, все Шекспиры...»)	51
Я речь держу... («Я речь держу... Да слушает, кто хочет! ...»)	52
Очам твоей души («Очам твоей души — молитвы и печали...»)	53
Ее монолог («Не может быть, вы лжете мне, мечты!...»)	54
В июле («В полях созрел ячмень...»)	55
Выйди в сад («Выйди в сад... Как погода ясна!...»)	56
Не завидуй другу («Не завидуй другу, если друг богаче...»)	57

Я не лгал («Я не лгал никогда никому...»)	58
Октавы («Хочу туда — где море бирюзово...»)	59
Когда ночами... («Когда ночами всё тихо, тихо...»)	60
Чайная роза («Над тихо дремлющим прудом...»)	61
Утренний эскиз («Сегодня утром зяблики...»)	63
Баллада («У мельницы дряхлой, закутанной в мох...»)	64
Душистый горошек («Прост и ласков, как помыслы крошек...»)	65
Nocturne («Навевали смуть бывшего окарины...»)	67
Весна («Вечер спал, и Ночь на сене...»)	68
Prelude II («Мои стихи — туманный сон...»)	70
Сонмы весенние («Сонные сонмы сомнамбул вес- ны...»)	71
Интродукция («За струнной изгородью лиры...»)	72
Коктебель («Подходят ночи в сомбреро синих...»)	73
Град («Качнуло небо гневом грома...»)	74
Странно... («Мы живем, точно в сне неразгадан- ном...»)	75
Январь («Январь, старик в державном сене...»)	76
Амулеты («Звенели ландыши во мху...»)	77
Русская («Кружевеет, розовеет утром лес...»)	78
Это было у моря («Это было у моря, где ажурная пена...»)	79
Врубелю («Так тихо-долго шла жизнь на убыль...»)	80
Озеровая баллада («На искусственном острове кру- тобренного озера...»)	81
Солнце и море («Море любит солнце, солнце лю- бит море...»)	82
Запад погас... («Запад...»)	83
Пляска мая («Вдалеке от фабрик, вдалеке от стан- ций...»)	84
Весенняя яблоня («Весенней яблони, в нетающем снегу...»)	86
Увертюра («Колье принцессы — аккорды лиры...»)	87
Июльский полдень («Элегантная коляска, в элект- рическом биенье...»)	88

Интермеццо («Сирень моей весны фимьямною ли- ловью...»)	90
Кузнец («Спеши к наковальне, кузнец!...»)	91
Цветы и ядоцветы («Цветы не думают о людях...»)	92
Весенний день («Весенний день горяч и золот...»)	93
На мотив Фофанова («Я чувствую, как падают цветы...»)	94
На Островах («В ландо моторном, в ландо шикар- ном...»)	95
Лесной набросок («Леса сосновые. Дорога пале- вая...»)	96
Насмешка короля («Властитель умирал. Лыстцов придворных стая...»)	97
В осенокошенном июле («Июль блестяще осеноко- шен...»)	98
На реке форелевой («На реке форелевой, в северной губернии...»)	99
Это всё для ребенка («О моя дорогая! Ведь теперь еще осень, ведь теперь еще осень...»)	100
Душа и разум («Душа и разум — антиподы...»)	102
Янтарная элегия («Вы помните прелестный уго- лок...»)	103
Из письма («Жду не дождусь весны и мая...»)	104
Nocturne («Я сидел на балконе, против заспанного парка...»)	105
Фиалка («Снежеет дружно, снежеет нежно...»)	106
Тундровая постель («Ландыши воздушные, реющие ландыши...»)	107
Сонет («Я помню Вас: Вы нежный и простой...»)	108
Фиолетовый транс («О лилия ликеров, — о „Crême de Violette“!...»)	109
Качалка грезэрки («Как мечтать хорошо Вам...»)	111
Кензель («В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом...»)	113
Хабанера III («От грез кларета — в глазах рубины...»)	115
Каретка куртизанки («Каретка куртизанки, в корич- невую лошадь...»)	116

Фантазия восхода («Утреет. В предугреннем лепете...»)	118
Народная («Солнце Землю целовало...»)	120
Когда придет корабль («Вы оделись вечером кисейно...»)	121
Городская осень («Как элегантна осень в городе...»)	122
И рыжик, и ландыш, и слива:	
1. «Природа всегда молчалива...»	124
2. «Постой... Что чирикает чирик...»	124
3. «Я слышу, над зарослью речек...»	125
Поэза о солнце, в душе восходящем («В моей душе восходит солнце...»)	127
В пяти верстах по полотну («Весело, весело сердцу! Звонко, душа, освирелься!...»)	128
Carte-postale («Сегодня я плакал: хотелось сирени...»)	129
Это только в жасмин («Это только в жасмин... Это только в сирень...»)	130
Клуб дам («Я в комфортабельной карете, на эллиптических рессорах...»)	131
Эскиз вечерний («Она идет тропинкой в гору...»)	133
Будь спокойна («Будь спокойна, моя деликатная...»)	134
Предостерегающая поэза («Художники, бойтесь „мещанок“...»)	135
Поэза оправдания («Я — Демон, гений зла! Я Богом пренебрег...»)	136
Морская памятка («Сколько тайной печали, пустоты и безнадёжья...»)	137
Мороженое из сирени! («Мороженое из сирени! Мороженое из сирени...»)	138
Шампанский полонез («Шампанского в лилию! Шампанского в лилию!...»)	140
Эпилог:	
1. «Я, гений Игорь Северянин...»	141
2. «Я выполнил свою задачу...»	142
День на ферме («Из лепестков цветущих бело-розовых яблонь...»)	144

Поэза вне абонемент («Я сам себе боюсь признать- ся...»)	145
Прощальная поэза («Я так устал от льстивой сви- ты...»)	146
Эгополонез («Живи, живое! Под солнца бубны...») .	147
Валерию Брюсову («Великого приветствует вели- кий...»)	148
Самогимн («Меня отронит Марсельезия...»)	149
Портниха («Ты приходишь утомленная, невеселая, угаслая...»)	150
В Миррелии («Озвёнь, окольчивай, опётливай...») .	151
Я — композитор («Я — композитор: под шум ко- лес...»)	153
От Севастополя до Ялты («Вам, горы юга, вам, горы Крыма...»)	154
Тоска о Сканде («У побережья моря Черного...») . .	155
С крестом сирени («Цветы лилово-голубые...») . . .	156
Поэза о Фофанове («Возьмите Фофанова в руки...») .	157
Рондели о ронделях («Как жúrчно, весело и блёст- ко...»)	158
Открытка Валерию Брюсову («Вы поселились вес- ной в Нидерландах...»)	159
Регина («Когда поблекнут георгины...»)	160
В блёсткой тьме («В смокингах, в шик опроборен- ные, великосветские олухи...»)	161
Весенние триолеты («Еще весной благоухает сад...») .	163
Крымская трагикомедия («Я — эгофутурист. Всерос- сно...»)	165
Восторженная поэза («Восторгаюсь тобой, моло- дежь!...»)	169
Поэза истребления («Меня взорвало это „кубо“...») .	170
Валентина («Валентина, сколько счастья! Валенти- на, сколько жути!...»)	172
Поэза майских дней («Какие дни теперь стоят!...») .	174
Эстляндская поэза («Распахните все рамы у меня на террасе, распахните все рамы...»)	176

Осени предчувствие («Заалеют клены и зазимонеют, будут ало-желты...»)	178
Сегодня не приду («Сегодня не приду: когда при- ду — не знаю...»)	179
Вербена («Как пахнет морем от вервены...»)	180
Поэза спичечного коробка («Что это? Спичек коро- бок?...»)	181
Родник («Восемь лет эту местность я знаю...»)	182
Стихи в ненастный день («Я жив, и жить хочу, и буду...»)	183
К черте черта («Какою нежностью неизъяснимою, какой сердечностью...»)	185
Увертюра («Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!...»)	186
Поэза трех принцесс («Моя дежурная адъютантес- са...»)	187
Поэза маковых полей («Снова маки в полях лилове- ют...»)	189
Поэза о Гогланде («Иногда, в закатный час, с обры- ва...»)	190
Девятнадцативешняя («Девятнадцативешней впе- чатления жизни несравненно новее...»)	191
Ах, всё мне кажется... («Ах, всё мне кажется...»)	193
Примитива («Я слишком далеко зашел...»)	194
Поэза голубого вечера («Мы ехали с тобою в брич- ке...»)	196
Поэза тебе («Ни с кем сравнить тебя нельзя...»)	198
Поэза оттенков («Есть в белых ночах лиловость...»)	199
Поэза о людях («Разве можно быть долго знакомым с людьми?...»)	200
Поэза о барашках («По дороге над морем, ясным утром весенним...»)	201
Поэза счастья («Я не могу не радоваться маю...»)	203
Поэза маленькой дачи («Грамофон выполняет, под умелой рукою...»)	204
Скорбь, прорезающая смех... («Ты сегодня алоуста, ты сегодня синеглаза...»)	205

Поэза раскрытых глаз («Арфеет ветер, далеет Нарва...»)	206
Поэза раздражения («Не успокоиться и не поправиться...»)	207
Поэза отказа («Она мне прислала письмо голубое...»)	209
Что за счастье («Что за счастье — быть вечно вдвоем!...»)	210
Томление бури («Сосны качались, сосны шумели...»)	211
Триолет о клене («О, если б клен, в саду растущий...»)	212
Поэза лесной опушки («Ты бродила на опушке леса...»)	213
Поэза «Невтерпеж» («Чем дальше — всё хуже, хуже...»)	214
Это страшно («Это страшно! — всё одно и то же...»)	216
Не улетай! («Бегут по морю голубому...»)	217
Поэза странностей жизни («Встречаются, чтоб разлучаться...»)	218
18 февраля 1915 года («Девятьсот пятнадцатого года...»)	219
Музей моей весны («О милый, тихий городок...»)	220
Поэза северного озера («В двенадцати верстах от Луги...»)	222
Увертюра («Миррелия — светлое царство...»)	225
Северный триолет («Что Эрик Ингрид подарил?...»)	226
Баллада IV («Эльсиса бежит с пажом...»)	227
«Быть может, и любит, да только не скажет...»	229
«Вся в искрах-брызгах от взмаха весел...»	230
Осенняя поэза («Уже деревья скелетеют...»)	231
Поэза стыдящимся молодости («Куда вы отдаете силы?...»)	232
Рифмодиссо («Вдали, в долине, играют Грига...»)	233
Баллада IX («О ты, Миррелия моя!...»)	234
Кензель VIII («Букет незабудок был брошен небрежно...»)	236

Кензель IX («Уже в жасминах трелят соловьи...»)	237
И это — явь?.. («И это — явь? Не сновиденье?..»)	238
Моему народу («Народ оцáрен! Царь низложен!..»)	239
Баллада XIV («Должна быть кончена война...»)	240
Баллада XVI («Жизнь человека одного...»)	242
Гатчинский весенний день («Тридцатый год в лицо мне веет...»)	244
К шестилетию смерти Фофанова («Как это так мог- ло случиться...»)	245
Поэза строгой точности («Искусство в загоне — со- знаемся в этом!..»)	246
Поэза последней надежды («Не странны ли поэзо- вечера...»)	248
Промельк («И в зле добро, и в добром злоба...»)	250
Поэза скорбного утешения («В холодную зиму го- лодного года...»)	251
Эст-Тойла («За двести верст от Петрограда...»)	253
Нарва («Я грежу Нарвой, милой Нарвой...»)	254
Почтальон («То по шоссе, для шины колком...»)	256
У Сологуба («Жил Сологуб на даче Мэгар...»)	257
Прежде и теперь («А вечерами маттиола...»)	258
Былое («Он длится, терпкий сон былого...»)	260
Февраль («Февраль к апрелю льнет фривольно...»)	261
По этапу («Мы шли по Нарве под конвоем...»)	262
В хвойной обители («И снова в хвойную обитель...»)	263
Март («Март — точно май: весь снег растаял...»)	264
Увертюра к т. VIII («Весна моя! Ты с каждою вес- ной...»)	265
Норвежские фиорды («Я — северянин, и фиор- ды...»)	267
У моря («Финляндский ветер с моря дует...»)	268
К морю («Полно тоски и безнадежья...»)	269
Синее («Сегодня ветер, беспокоясь...»)	270
Версеусе сирени («Когда сиреневое море, свой гори- зонт офиолетив...»)	271
Чары соловья («Но соловей не величавей...»)	273
Речонка («Меж Тойлою и Пюхаеги...»)	274

Интермеццо («Чаруют разочарованья...»)	276
Разбор собратьев («Разбор собратьев очень труден...»)	277
Стихи И. Эренбурга («В дни пред паденьем Петербурга...»)	278
Василию Каменскому («Да, я люблю тебя, мой Вася...»)	280
Валерию Брюсову («Нежны berceuse'ные рассказы...»)	281
Брюсов («Никем не превзойденный мастер...»)	283
Бальмонт («Его стихи — сама стихия...»)	284
Сологуб («Какая тающая нежность!...»)	285
А. К. Толстой («Граф Алексей Толстой, чье имя...»)	286
Элегия изгнания («В моем добровольном изгнании...»)	288
Опять вдали («И вот опять вдали Эст-Тойла...»)	290
Пора безжизния («Кончается октябрь, бесснежный и туманный...»)	291
Двусмысленная слава («Моя двусмысленная слава...»)	292
Возрождение («Величие мира — в самом малом...»)	294
Всеприемлемость («Одно — сказать: „Все люди правы“...»)	295
Рескрипт короля («Отныне плащ мой фиолетов...»)	296
Ликер из вервены («Ликер из вервены — грёзэрки ликер...»)	297
Белый транс («Ночью, вервеной ужаленной...»)	298
Чары Лючинь («Лючинь печальная читала вечером ручьиисто-вкрадчиво...»)	299
Рондель XV («Ее веселая печаль...»)	301
Рондо XX («Пока не поздно, дай же мне ответ...»)	302
Сонет XXX («Петрарка, и Шекспир, и Бутурлин...»)	303
Квинтина II («Моя земля! любовью ты жива...»)	304
Квинтина IV («Любовь приходит по вечерам...»)	306
Лэ III («Покаран мир за тягостные вины...»)	308
Рондель XVI («Люблю лимонное с лиловым...»)	311

Рондо XXI («Далёко-далёко, там за скалами сизы-ми...»)	312
Секстина XII («Страсть без любви — лишь похоть, а не страсть...»)	313
Поэза душевной боли («Из тусклой ревельской газе-ты...»)	315
Утомленный душой («Мое одиночество полно без-надежности...»)	318
Поэза моих наблюдений («Я наблюдал, как день за днем...»)	319
Письмо («Отчаянье и боль мою пойми...»)	321
Поэза правительству («Правительство, когда не чтит поэта...»)	322
Люди ли вы?... («Жизнь догорает... мир умирает...»)	323
Лэ VI («Под новый год кончается мой труд...»)	324
Сонет («Вселенная — театр. Россия — это сцена...»)	327
Поэза отчаянья («Я ничего не знаю, я ни во что не верю...»)	328
Сонет Бальмонту («В гирляндах из ронделей и квинтин...»)	329
Поэза к смерти («Именем Божьим тебе запрещаю войти...»)	330
Поэза о старых размерах («О вы, размеры ста-рые...»)	331
Поэза сострадания («Жалейте каждого больного...»)	333
Поэза доказательства («Всё то, что раньше было б диким...»)	334
К слухам о смерти Собинова («Я две весны, две осени, два лета...»)	335
Фея Eiole («Кто движется в лунном сиянии чрез поле...»)	336
Алая Монахиня («Алая Монахиня...»)	337
Любовь — жертва («Слова без песен есть, и пес-ни...»)	338
Хвала полям («Поля мои, волнистые поля...»)	339
На смерть Александра Блока («Мгновенья высокой красы!...»)	340

Блестящая поэза («Я жить хочу совсем не так, как все...»)	342
Я мечтаю («Я мечтаю о том, чего нет...»)	343
Чем они живут («Они живут политикой, раздорами и войнами...»)	344
Забуду ль вас? («О вы, поэзовечера...»)	345
Узор по канве («По отвесному берегу моря малень- кой Эстии...»)	346
Ее питомцы («Она вчера кормила зимних пти- чек...»)	348
Их образ жизни («Чем эти самые живут...»)	349
Что шепчет парк («В каждом новом свежем пне...»)	350
На салазках («А ну-ка, ну-ка, на салазках...»)	351
Купанье звезд («Выхожу я из дома, что построен на горке, — и открыты для взора...»)	352
Перед войной («Я Гумилеву отдавал визит...»)	354
Моя Россия («Моя безбожная Россия...»)	355
Классические розы («В те времена, когда роились грезы...»)	357
Записка («О России петь — что стремиться в храм...»)	358
Что нужно знать («Ты потерял свою Россию...»)	359
И будет вскоре... («И будет вскоре весенний день...»)	360
Стихи Москве («Мой взор мечтанья оросили...»)	361
Серебряная соната («Я стою у окна в серебреющее повечерье...»)	363
Шатенка в розовом («Аллеей лиственниц иду вдоль озера...»)	364
На земле в красоте («Восемь лет я живу в красо- те...»)	365
Не устыдись («Не устыдись, склонив свои коле- ни...»)	368
И тогда... («Я грущу по лесному уюту...»)	369
Вода примиряющая («Сам от себя — в былые дни позера...»)	371
В забытии («В белой лодке с синими бортами...»)	373

Десять лет («Десять лет — грустных лет! — как заброшен в приморскую глушь я...»)	374
В снегах («Глубокий снег лежит у нас в горах...»)	376
Не более чем сон («Мне удивительный вчера приснился сон...»)	377
Поющие глаза («Над калиткой арка из рябины...»)	378
Все они говорят об одном («Соловьи монастырского сада...»)	380
Любовь — беспричинность («Любовь — беспричинность. Бессмысленность даже, пожалуй...»)	381
Озеро Рэк («Ряды березок удочкообразных...»)	382
В пути («Иду, и с каждым шагом рьяней...»)	384
На закате («Отдыхала глазами на густевшем закате...»)	385
Тяга на юг («Не старость ли это — не знаю, не знаю...»)	387
Осенние листья («Осеню себя осенью — в дальний лес уйду...»)	388
Возмездие («Был дух крылат...»)	389
Я к морю сбегая («Я к морю сбегая. Назойливо лижет...»)	390
Ты вышла в сад... («Ты вышла в сад, и ты идешь по саду...»)	391
Знакомы мне («Знакомы с детства мне великие содания...»)	392
Дрина («О ядовито-яростно-зеленая...»)	393
Январь на юге («Ты представь, снег разгребая на дворе...»)	394
Рождество на Ядране («Всего три слова: ночь под Рождество...»)	395
Голубой цветок («Всех женщин всё равно не перелюбишь...»)	396
Прохладная весна («Весен всех былых весна весенней...»)	397
Искренний романс («Оправдаешь ли ты — мне других оправданий не надо!...»)	398
«Вот и уехала! Была — и нет...»	399

Места... («Они тобой проникнуты, места...»)	400
Стареющий поэт («Стареющий поэт... Два слова – два понятия...»)	401
Могло быть так... (Могло быть так: лет двадцать пять назад...»)	402
Капель («Вы понимаете, что значит...»)	403
Солнцу предвешнему! («Так и хочется перекрес- титься на Солнце...»)	404
Здесь – не здесь («Я – здесь, но с удочкой моя ру- ка...»)	405
Гармония контрастов («Летишь в экспрессе – жди крушенья...»)	406
О женщине («У женщины должен быть лунный ха- рактер...»)	407
Без нас («От гордого чувства, чуть странного...»)	408
Грустный опыт («Я сделал опыт. Он печален...»)	409
Наболевшее... («Нет, я не беженец, и я не эмиг- рант...»)	410
С севера на юг («Мы прежде зим не замечали...»)	412
Последняя любовь («Ты влилась в мою жизнь, точ- но струйка тока...»)	413
Привет Союзу! («Шестнадцатиреспубличный Со- юз...»)	414

ИЗ СБОРНИКА «МЕДАЛЬОНЫ»

Ахматова («Послушница обители Любви...»)	417
Блок («Красив, как Демон Врубеля, для женщин...»)	418
Баратынский («Ложь радостей и непреложье зол...»)	419
Бунин («В его стихах – веселая капель...»)	420
Гоголь («Мог выйти архитектор из него...»)	421
Григ («Тяжелой поступью подходят гномы...»)	422
Гумилев («Путь конкистадора в горах остер...»)	423
Пушкин («Есть имена, как солнце! Имена...»)	424

Игорь Северянин («Он тем хорош, что он совсем не то...»)	425
Сологуб («Неумолимо солнце, как дракон...»)	426
Тютчев («Мечта природы, мыслящий тростник...»)	427
Фет («Эпоха робкого дыханья... Где...»)	428
Фофанов («Большой талант дала ему судьба...»)	429
Чайковский («Прослышанье потусторонних зву- ков...»)	430
Шопен («Кто в кружева вспененные Шопена...»)	431

Северянин И.

ИЗБРАННОЕ

Художественный редактор *А. Г. Лютиков*

Корректоры *Г. С. Выдревич, В. М. Рошаль*

Технический редактор *Ю. А. Жихарев*

ЛП № 000083 от 18.02.99 г.

Подписано к печати 15.01.2000. Формат 70 × 90^{1/32}.

Бумага типографская. Гарнитура «Тип Таймс».

Усл. печ. л. 16,38. Тираж 5000 экз.

Заказ № 3632

Оригинал-макет подготовлен

ТОО Агентство «Сфинкс СПб»,

195269, Санкт-Петербург, а/я 149

ООО «Диамант»

195213, Санкт-Петербург, ул. Косыгина, 9, кор. 1

Отпечатано с готовых диопозитивов

в Академической типографии «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-88155-157-5

9 785881 551575